

Клэр Кент — Гавань

(Пламя Апокалипсиса #1)

Он единственный,
кто в силах прогнать ночь...

Гавань

КЛЭР КЕНТ

Может, Джексон был бы другим, если бы он влюбился. Если бы он состоял в отношениях. Или если бы мир за пределами этой комнаты не погрузился в безжалостный хаос, не превратился в постоянную войну, в которой мы сражаемся без права выбора. Может, он бы не спешил. Был мягче. Нежнее. Может, он бы улыбался или даже смеялся.

Может, я бы тоже была другой.

Может, я бы не нуждалась в его голодном взгляде и требовательных руках под покровом тьмы.

Но именно так мы бываем вместе каждый раз.

Он мне не друг и не бойфренд, но иногда я иду в его комнату после захода солнца. Мне нужно. Не ради милых слов или ласковых поцелуев, а потому, что его руки — единственное, что, словно подрагивающее пламя свечи, способно прогнать ночь.

«Гавань» — это короткий и откровенный постапокалиптический роман, действие которого происходит в недалеком будущем после глобальной катастрофы. Содержит описания жестокости и смерть второстепенного персонажа.

Глава 1

Сегодня жарче, чем обычно бывало после Падения — похоже на один из тех испепеляющих июльских деньков из моего детства — так что я ухожу до полудня, чтобы раздать ланчи охранникам по периметру.

Несмотря на ранние часы, пот катится с меня градом к тому моменту, когда я добираюсь до северо-западного угла стены и минутку болтаю с Гейл. Она держит винтовку на плече, не сводит глаз с земляной дороги и окружающих лесов и рассказывает мне, что сразу после рассвета видела стадо оленей. Восемь особей, включая трех детенышей.

Мы почти два года вообще не видели оленей (как и зайцев, белок, опоссумов, енотов, птиц помимо стервятников), так что эти новости заставляют меня улыбнуться.

— Они возвращаются.

— Может, Джек скоро снова разрешит нам охотиться.

— Не рассчитывай на это, — я поворачиваюсь на движение слева от себя и расслабляюсь, увидев, что это всего лишь пара ворон пылко спорит из-за того, кому причитается лучшее местечко на стене. — Ты знаешь правила.

У нас на ферме «Новая Гавань» имеется долгий перечень правил. Это одна из причин, по которым мы выживаем уже так долго, хотя весь мир покатился псу под хвост. Но первое правило всегда было таким: мы не убиваем никого — ни людей, ни животных — если на то нет абсолютной необходимости.

Долгое время охота была единственным, что приносило нам достаточно еды для выживания, но в этом году наши курицы и свиньи дают неплохие результаты, а сократившиеся популяции животных в лесах постепенно восстанавливаются. Джексон никогда не разрешит истреблять их по одному ради забавы.

Мне надо раздать еще четыре обеда, так что я не задерживаюсь с Гейл дольше нескольких минут. Хэмптон (который почему-то предпочитает, чтобы его называли Хэм¹) несет смену в северо-восточном углу и широко улыбается, заметив мое приближение.

— Фэйт! Ты несешь мне обед? Умираю с голода.

— У меня есть обед, — я достаю из сумки один из пакетиков с едой и собираюсь бросить его вверх, но тут он слезает со своего поста.

Наверное, ему стоит оставаться на позиции, как это сделала Гейл, но я его не поправляю. Хэм мне нравится. Он веселый, искренний и смешит меня. Большой и долговязый семнадцатилетний рыжий парень. Он пробыл с нами два года с тех пор, как Джексон нашел его на вылазке за припасами — он один забился в заброшенную закусочную, еле как выживал на жевательной резинке в форме шариков и консервированных бобах. Шесть месяцев назад Хэма повысили до должности охранника, и он заслужил место в основном доме, стремительно идя к успеху.

Сейчас он улыбается мне, разворачивая свой обед, и восклицает при виде хлеба, яйца вкрутую и помидора.

— Целый помидор? — спрашивает Хэм у меня, колеблясь перед тем, как приступить к еде. — Серьезно?

— Да. Сад в этом сезоне растет как сумасшедший. У нас предостаточно урожая и не хватит банок, чтобы все законсервировать. Так что нам не приходится так сильно нормировать потребление овощей в этом году.

Он кусает помидор как яблоко и блаженно стонет, пока сок течет по его веснушчатому подбородку.

— Спасибо, Фэйт. Это лучший помидор, что я ел в своей жизни.

Я усмехаюсь. Большинство ребят, которых мы принимаем в «Новую Гавань», ценят это и усердно трудятся, чтобы заслужить свое место, ведь на ферме намного безопаснее и

¹ Хэм (Ham) – буквально означает «ветчина».

комфортнее, чем в остальном мире. Но никто не выражает свою благодарность так искренне и демонстративно, как Хэм.

Прежде чем я успеваю ответить, я слышу вдалеке слабый гул двигателя. Я забираюсь на насест охранника и кладу руку на поясную кобуру, ища источник звука.

Хэм забрался следом за мной, но я первой замечаю мотоцикл. Мужчина за рулем, позади него сидит женщина. Они едут на нормальной скорости и выглядят так, будто просто проезжают мимо, но я достаю пистолет и делаю предупредительный выстрел, чтобы они держались на расстоянии.

Женщина машет в знак подтверждения, а мужчина съезжает на дальнюю сторону дороги, чтобы держаться подальше от нашей стены. Это жест вежливости. То, что сделал бы любой нормальный человек, чтобы показать, что он не представляет угрозы.

Я не беспокоюсь, что эти люди враждебны, но мы с Хэмом ждем, держа оружие наготове, пока мотоцикл не скрывается из виду.

К тому моменту, когда путешественники проехали мимо, Джексон тоже уже забрался на пост, замерев сразу за моей спиной. Он так близко, что я вскользь задеваю его, убирая пистолет в кобуру.

Он вспотел еще сильнее, чем я. Пот каплями выступил на его загорелой коже, на широком лбу и квадратном подбородке. Он не сдает назад, чтобы дать мне пространства, хотя всем нам троим предостаточно места на этом сторожевом насесте.

Он напряжен. Смотрит сердито. Ореховые глаза прищурены.

Это его нормальное выражение, так что я не реагирую. Он явно услышал мой предупредительный выстрел и прибежал разбираться с возможным кризисом.

— Просто кто-то проезжал мимо. Никаких проблем.

Его взгляд мельком пробегается по мне — от моего небрежного рыжевато-золотистого хвостика до серой майки, прильнувшей к коже, и грязных ботинок. Затем он отворачивается, будто я вообще ничего не говорила.

— Скажи мне, почему предупредительный выстрел сделала Фэйт, а не ты, — ворчливо требует он от Хэма.

Понятия не имею, откуда он знает, что это я сделала выстрел. Может, он различает оружие чисто по звуку. Однако Хэм не ставит под сомнение его слова и не оправдывается.

— Прости, Джек. Я только что получил обед, и она забралась туда первой. Я должен был лучше справиться с ситуацией.

Все называют Джексона «Джеком», кроме меня. Не знаю, почему я до сих пор использую его полное имя. Это началось, когда я была моложе и недолюбливала его. Мне казалось, будто это давало мне преимущество. Если он собирался обращаться со мной как с избалованной и глупой маленькой девочкой, тогда я буду называть его Джексоном, как будто он гадкий мальчишка, которого отчитывают с использованием его полного имени. Я привыкла, и имя прижилось. Теперь я уже не могу называть его иначе.

— Ты должен справляться намного лучше, если хочешь сохранить за собой эту должность, — говорит он Хэму.

Хэм заметно робеет от этих слов и сурового взгляда Джексона. Часть меня хочет вмешаться и смягчить удар, потому что Хэм такой хороший парень, но я прикусываю язык. Мое вмешательство ни к чему хорошему не приведет. Джексон руководит охранниками периметра. Если бы он попытался совать нос в заготовку еды, домашние дела или садоводство, я бы чертовски разозлилась из-за его вмешательства в мои обязанности. Поэтому я не буду так поступать с ним.

— Обязательно, — говорит Хэм. — Я буду стараться лучше, — он занимает позицию и поднимает винтовку, как должен был делать с самого начала.

К моему облегчению, на этом Джексон останавливается и следует за мной, когда я слезаю обратно на землю. Он не любит болтать, так что я не задерживаюсь для дальнейших разговоров. Мне надо доставить еще три обеда.

— Какого черта ты вообще разносишь обеды? — Джексон подстраивается под мой шаг и идет рядом.

— Кто-то же должен это делать, и все остальные заняты.

— Тогда снимим кого-нибудь с их работы, чтобы они это сделали. Ты не должна тратить время на такое.

Обычно я не теряю терпение с Джексоном. Я знаю его с тех пор, как мне было двенадцать (то есть, уже девять лет), когда он впервые прибыл в Новую Гавань, принадлежавшую моим родителям и управлявшуюся ими. Он был тихим и мрачным шестнадцатилетним пареньком, который воспитывался в системе опеки в Луисвилле и вечно вступал в проблемы. Ничего агрессивного. В основном мелкие кражи, распитие алкоголя несовершеннолетними и угон авто. Мои родители приняли его к себе. Они чувствовали, что их призвание — помогать проблемным подросткам, и с ними всегда жило от шести до двенадцати приемных детей. Они всегда верили, что доброта, свежий воздух и здравая ответственность — это решение проблемы детей, которые потерялись в системе. Поскольку ферма была нетипичным местом проживания, детям всегда давали выбор и пробный период. Не всем такое нравилось, но те, кто оставался, всегда дорожили фермой и моими родителями. Соцработники постоянно наведывались с визитами, но серьезных жалоб не было. Методы моих родителей не всегда меняли жизни (они терпели провалы так же часто, как и добивались успеха), но в случае с Джексоном все сработало. Он так и не стал добродушным пареньком, но многому научился, хорошо себя вел и даже остался на ферме в роли наемного рабочего после того, как ему исполнилось восемнадцать.

Так что он все еще был с нами, когда пять лет назад астероид ударил по Европе, стер весь континент и посеял хаос в окружающей среде, вместе с тем уничтожив экономику и правительства по всему миру. Когда моя мама, а позднее и папа умерли, мы с Джексоном научились работать сообща, чтобы поддерживать деятельность фермы. Он как никто другой выбешивает меня, но я больше не срываюсь на нем.

Не так, как раньше.

— Мне хотелось пройтись и размять ноги, — говорю я ему. — Мне неважно весь день торчать в доме.

Это не оправдание. Мне не нужно оправдывать свои решения. Скорее, это объяснение и жест щедрости, поскольку я даю ему шанс понять.

— Тогда ты не могла бы хотя бы надеть побольше одежды? — бормочет он, очевидно, принимая это объяснение. — Эти сиськи — довольно большой отвлекающий фактор.

Мне нравится считать себя хладнокровной, циничной и слишком повидавшей всякое, чтобы реагировать на такие комментарии. Но это не так. Я тупо ахаю и смотрю на себя. На мне нормальная одежда — майка и зеленые камуфляжные штаны, которые я купила еще в шестнадцать. Это одни из немногих брюк, которые до сих пор мне подходят. С тех пор мои груди и попа стали больше, и благодаря увеличившемуся количеству еды в этом году, моя одежда уже не такая свободная. Моя майка правда оставляет открытыми руки и плечи, а поношенная ткань упрямо льнет к грудям.

— Хэму всего семнадцать, — продолжает Джексон, бросив на меня холодный взгляд искоса. — Как по-твоему, о чем он думает вместо работы, когда заявляешься ты?

— На мне нормальная одежда, и я пробыла там всего минутку. Он на меня не пялился. Если хочешь волшебным образом сотворить для меня другую майку, в которой будет комфортно в такую жару, то я подумаю. А до тех пор буду носить то, что есть, а другие люди пусть сами несут ответственность за свои глаза.

Я прибавляю шаг. Явно жалкая попытка, потому что ноги Джексона намного длиннее моих. У него густые каштановые волосы, которым он позволяет отрастать ниже подбородка, а потом отрезает. Сейчас они отросли примерно наполовину, и он убирает их от потного лица, после чего хватается за руку и вынуждает остановиться.

— Что происходит, Фэйт?

Я моргаю.

— В смысле что происходит?

— С тобой что происходит? Я что-то должен знать? Почему ты внезапно раздаешь обеды и вызываешься на вылазки за припасами? Есть причина, по которой ты не хочешь находиться в доме? — его глаза всматриваются в мое лицо с торопливой пытливостью, и это искренне нервирует.

Однако это вызвано не личной заботой. Это очевидно. Скорее он хочет знать, вдруг что-то в нашем упорядоченном мире пошло наперекосяк, и тогда он живо приколотит все на место.

Я опускаю глаза, чувствуя себя обнаженной, раздраженной и неловкой. Обычно я лучше держу все при себе, но Джексон всегда был чертовски наблюдательным, и он знает меня так же хорошо, как я знаю его.

Правда в том, что в последнее время я не могу найти покоя. Я чувствую себя дерганной. Загнанной в ловушку. Мне хочется куда-нибудь пойти. Сделать что-нибудь. Убраться куда-нибудь на время.

Я хочу, чтобы что-то изменилось.

Но поскольку я не знаю, чем вызвано это чувство, я также не знаю, как это исправить.

Джексон тоже не может это исправить, так что нет смысла признаваться ему.

— Ничего не происходит, — говорю я, встречаясь с ним не дрогнувшим взглядом. — Мне еще три обеда разнести надо. У тебя работы нет, что ли?

Его губы тонкие, мягкие, и рот выглядит чуточку великоватым. Он презрительно кривится и бормочет:

— Больше никого не отвлекай.

— Да иди ты на х*й, Джексон, — моим словам недостает запала, пока я ухожу от него. Я раньше так злилась на его холодную отстраненность и едкие комментарии, что кричала на него и однажды даже отвесила пощечину. Но у меня попросту больше нет энергии, чтобы злиться на него.

После обеда я проверяю людей, пекущих хлеб на кухне, и их прогресс меня радует.

Моим родителям было уже за сорок, когда они родили меня. Они были оптимистичными и наивными благодетелями, вечно ищущими новую миссию. Они построили эту ферму в попытках жить вне цивилизации, так что тут есть колодезная вода, канализация с ручным управлением и компостные туалеты, что дало нам преимущество, когда вся американская инфраструктура рухнула, и местные территории утратили электричество и водоснабжение. Сколько себя помню, мы в Новой Гавани выращивали пшеницу, мололи ее в муку и пекли хлеб, а также всегда разбивали огромный сад с овощами. Слой пыли, поднятый в воздух астероидом, заслонил солнце на целый год, остудив мировую температуру, и какое-то время выращивать что-либо было проблематично. Но ситуация улучшается. Небо снова стало почти голубым. И в этом году мы вырастили неплохой урожай пшеницы, так что есть предостаточно муки для хлеба.

— Все выглядит здорово, — говорю я Кейт, одной из «проблемных подростков», которых приютили мои родители, и потому она была с нами с самого начала. Она знает об управлении домом и фермой почти столько же, сколько и я. — Спасибо всем. Отличная работа.

Лэнгли, застенчивая и симпатичная пятнадцатилетняя девушка, краснеет от комплимента, а Мэйсон кивает в своей добродушной манере.

— Когда доделаете последнюю партию, возьмите перерыв и разделите меж собой буханку. Там со вчерашнего вечера остался яблочный джем. Можете доесть, если хотите.

Приятно слышать удовольствие, вызванное моими словами. У нас впервые за несколько лет есть лишняя еда, чтобы позволить себе полакомиться.

Мгновение спустя я добавляю:

— Элайджа все утро полон сорняки в саду. Можете поделиться буханкой и с ним тоже.

Когда остальные возвращаются к работе, я тихо спрашиваю у Кейт:

— Кто-нибудь проверял Молли?

— Я заглядывала около часа назад. Она спала.

Кивнув, я уйду с кухни и иду по коридору, остановившись у двери в крохотную комнату, которая ранее служила кладовкой. Мой папа переделал ее в «палату для больных», когда моя мама заболела через год после Падения. К тому моменту не осталось работающих больниц или доступных докторов, так что нам пришлось заботиться о ней дома. Мы так и не узнали, что с ней случилось. Скорее всего, какая-то инфекция, которую наверняка можно было легко вылечить. Но она неделями мучилась от лихорадки, так и не поправившись. Только слабела и слабела, пока не умерла.

После нее было немало других заболевших. Пыль и пепел в воздухе вызывали проблемы с легкими по всему миру, и это убило не меньше людей, чем ураганы, землетрясения и приливные волны, ожесточенно атаковавшие Землю после Падения. Тогда еще были трансляции, и эксперты прикидывали, что за первый год вымрет минимум половина населения мира. Сейчас, наверное, погибло уже больше. Когда мне было шестнадцать, на ферме жило двадцать семь человек, включая мою семью, приемных детей и наемных рабочих (которые делали большую часть фермерской работы, потому что тогда дети выполняли лишь несколько базовых дел по дому). Из них в живых осталось только пятеро.

Молли — одна из этой пятерки. Несколько месяцев назад она угодила ступней в наш мини-комбайн, и ее ногу разворотило. Мы изо всех сил старались ее лечить, но лучше не становилось, и теперь инфекция уже проникла в ее кровь.

Она не спит, когда я вхожу в палату для больных, и слабо улыбается мне.

— Фэйт. Привет.

— И тебе привет. Как себя чувствуешь? — мои руки действуют нежно, когда я смачиваю ткань в ведре воды, которое Джексон утром принес в комнату, и протираю бледное липкое лицо Молли.

— Хорошо. Я хорошо держусь.

Это ложь, и мы обе это знаем. Ее лихорадка то поднимается, то спадает, но больше не уходит полностью. И скачки температуры становятся все выше. То же самое происходило с моей мамой, так что нельзя не заметить ухудшающуюся тенденцию. Сейчас она не бредит, но явно мучается от боли и с трудом держит глаза открытыми.

Мое горло ноет. Молли — моя ровесница, и она была моей подругой с тех самых пор, как мои родители ее приютили. Я иду к баночке с тайленолом на полке и бросаю пару таблеток на ладонь.

— Вот. Пора принять парочку.

— Наши запасы оскудевают. Нельзя же тратить их все на меня.

Единственные доступные сейчас лекарства — это те, что были произведены пять лет назад. Время от времени мы находим их на вылазках за припасами, но отыскать их становится все сложнее.

— Ты единственная, кому они сейчас нужны, так что прекрати жаловаться и выпей таблетки.

Молли подчиняется, затем падает обратно на подушку, вымотавшись.

— Скоро тебе придется отказаться от меня. Мне не становится лучше.

— Тебе станет лучше, как только мы достанем антибиотики. Я пару недель назад оставила сообщение на точке. Может, кто-нибудь их найдет.

Молли качает головой.

— Фэйт, пожалуйста. Больше ничего не поделаешь. Ничего страшного. Я не хочу лежать здесь и страдать неизвестно сколько времени, но если я смогу поступить так же, как Стивен, все будет хорошо.

Я оцепенело смотрю на нее. Стивен в прошлом году получил ранение позвоночника, когда Волчья Стая пыталась угнать наш грузовик. Ему было ужасно больно, и вытащить пулю было невозможно. Он умолял нас помочь ему, прекратить боль.

Джексон перерезал ему сонную артерию, и он истек кровью примерно через пять секунд.

У меня скручивает желудок, и на минуту я боюсь, что меня может стошнить.

— Мне жаль, — говорит Молли, очевидно, заметив что-то на моем лице. — Но если мне не станет лучше...

— Нет, не говори этого. Даже не думай о таком. Тебе станет лучше. Я найду для тебя какие-нибудь антибиотики. Ты не умрешь от этого.

Она не спорит, но это потому, что она либо засыпает, либо теряет сознание. Я снова протираю её лицо и поправляю одеяло, прежде чем оставить ее в тишине комнаты.

Я едва успеваю сделать три шага, как Кейден останавливает меня. Он здесь совсем недавно, все еще живет в старом амбаре. Он примерно моего возраста и всегда действует мне на нервы. Но я стараюсь вежливо улыбнуться, когда он приветствует меня.

— Завтра у меня выходной, — говорит он. — Я хотел направиться в сторону Луисвилля.

Новая Гавань находится на холмах юго-центральной части Кентукки — прямо у черта на куличках. Поскольку города — самые опасные места, нам повезло, что мы находимся так далеко от них.

Я качаю головой.

— Ты же не хочешь приближаться к городу. Ты не продержишься и десяти минут.

— Я не хочу ехать в город, — говорит он слишком нетерпеливо. — Всего лишь в том направлении. Там есть старый магазин спиртных напитков и табака, который я хочу проверить. Держу пари, его еще никто не нашел.

— Мы истощили все запасы в радиусе пятидесяти миль отсюда. Ты не найдешь ничего стоящего.

— Это еще дальше... вокруг больше ничего нет. Держу пари, этот магазин все еще сохранился.

Я хмурюсь.

— И как ты планируешь добраться туда и обратно за один день?

— Вот почему я хотел посоветоваться с тобой. Я надеялся взять одну из машин. Не грузовик, конечно. Но, может быть, велосипед или четырехколесный транспорт.

— Нет. Мы не расходует бензин и не рискуем своим транспортом ради забавы.

Он хмурится.

— На прошлой неделе Мигель и Кейт взяли велосипед в свой выходной.

— И они вернулись с таким количеством мыла и шампуня, что хватит на несколько месяцев. Не говоря уже о лосьоне для кожи, который они нашли. Мы используем транспортные средства для доставки грузов. Не потому, что нам скучно и мы хотим найти пиво и сигареты.

— Я вернусь с чем-то большим. Почему это не может быть вылазкой за припасами?

Теперь меня раздражают и его ноющий тон, и самодовольное выражение лица. Обычно люди, живущие здесь — даже новички — принимают наши правила и наши решения, не поднимая шума, потому что они так благодарны за то, что с ними хорошо обращаются, и они остаются защищенными. Но иногда такое случается.

— Если ты хочешь сделать вылазку за припасами, поговори с Джексоном. За это отвечает он. Если ты просто хочешь выйти и прокатиться, ответ — нет, — я встречаюсь с ним взглядом и не отвожу глаз, пока он не отворачивается от меня с недовольным ворчанием.

Но теперь он ушел, так что я выхожу в сад и забываю об этой встрече примерно через тридцать секунд.

Ближе к вечеру я снова проверяю Молли и нахожу ее в бреду. Я подзываю одну из младших девочек, чтобы та посидела с ней, а затем иду в гараж, где Джексон возится с трактором.

Трактор барахлит, и это единственная часть оборудования, которую мы не можем позволить себе потерять.

Он сунул голову под капот, и я не трачу время на приветствия.

— Я собираюсь проверить точку, — говорю я ему.

Он выпрямляется, хмурясь и вытирая лицо краем своей старой футболки.

— Зачем?

— Потому что я попросила антибиотики. Возможно, кто-то в сети смог их найти.

— Если кто-то заполучит в свои руки антибиотики, он, черт возьми, ни за что не поделится ими с нами.

— Ты этого не знаешь. В прошлом году нам нашли те глазные капли для Меган.

Джексон качает головой.

— Это пустая трата времени, но проверь, если хочешь. Возьми с собой Мигеля.

— Ему пришлось отработать дневную смену на стене.

— Черт. Точно, — он немного колеблется, а затем кивает в сторону задней стены. —

Возьми Хэма.

Хэм убирал с полок и раскладывал припасы, но он находится достаточно близко, чтобы слышать наш разговор. Он выпрямляется, выглядя взволнованным.

— Давай, — говорю я ему. — Ты со мной.

Мы уходим, когда Джексон кричит нам в спину:

— Если с ней там что-то случится, не утруждайся возвращаться домой.

Джексон — засранец. Без вопросов. Но он мудака, без которого никто из нас не выжил бы.

Пару лет назад мы с Джексонем совершали вылазку за продуктами, когда столкнулись с небольшой группой путешествовавших по району людей, чей старый «Виннебаго» сломался. Джексон учился у моего отца и к тому времени был довольно хорошим механиком. Поскольку район был тихим, и никаких потенциальных угроз не виднелось, он помог им выяснить, в чем дело, и найти нужную деталь для двигателя.

Они были благодарны и рассказали нам о сети помощи, которая создана в соседних штатах. Многие люди, обладающие ресурсами или навыками, заявили об этом, чтобы помочь другим, кто в этом нуждался. Они создали пункты отправки сообщений и безопасные жилища для передачи просьб и предложений о помощи.

Я понятия не имею, кто организует эту сеть, но, насколько я могу судить, у нее благие намерения, и она оказывает реальную помощь. Поэтому я регулярно проверяю ближайшую точку, откликаясь на любую просьбу о помощи, которую мы в состоянии оказать (обычно я жертвую яйца и овощи и иногда отправляю Джексона починить чью-нибудь машину). Только дважды я обращалась за помощью. Оба раза за лекарствами, которые мы не смогли найти сами.

Точка находится всего в восьми километрах от Новой Гавани, поэтому мы никогда не тратим бензин на дорогу туда. Мы с Хэмом довольно хорошо проводим время на прогулке, и всю дорогу он развлекает меня дружескими комментариями.

За последние пять лет большинство людей закрылись, эмоционально замкнулись в себе и лишь выборочно открываются другим. Мир развалился на части. Миллиарды людей умерли и продолжают умирать каждый день. Правительства рухнули. Все, на что мы привыкли полагаться в плане безопасности и стабильности, исчезло менее чем за год. Неудивительно, что большинство из нас не желает рисковать ради других людей, поскольку

мы наглядно и болезненно увидели, что люди готовы сделать с другими людьми, когда они испытывают отчаяние и социальные границы исчезают.

Но Хэм совсем не такой. Его родителей жестоко убила банда головорезов, пока он прятался в кладовке в закусочной, где мы его и нашли, но это не разрушило его веру в других людей. Я ему нравлюсь, он доверяет мне и хочет узнать меня получше, не возводя внутренних стен, чтобы защитить себя, и прошло действительно много времени с тех пор, как я общалась с кем-то подобным.

Так что я в довольно хорошем настроении, когда мы подходим к точке в старом магазине быстрого питания, от которого сейчас в основном остались одни развалины. Я спешу к опрокинутому холодильнику для напитков и прошу Хэма помочь мне поднять его, чтобы я могла проверить, нет ли чего внутри.

Там посылка. Мое сердцебиение ускоряется, когда я вскрываю его.

Пузырек с таблетками и записка.

Сначала я смотрю на флакон, и мое сердце замирает, когда я понимаю, что это не антибиотики.

Тайленол. Это полезно. У нас он почти закончился. Но это не то, что нам нужно.

В записке с извинениями объясняется, что они проверили все свои обычные источники, но антибиотиков в наличии нет. Автор записки действительно приложил примитивно набросанную карту горстки городов дальше на востоке Кентукки, которые не так сильно разграбили. Там могут иметься заброшенные аптеки, которые не полностью вычищены, если нам удастся забраться так далеко.

Это не очень хорошая новость, но и не пустяк. Мы с Хэмом обсуждаем, сколько времени нам может потребоваться, чтобы добраться до той части Кентукки. В моем детстве поездка заняла бы всего несколько часов, но теперь все не так просто. Дороги все еще существуют, но они уже пять лет не обслуживались, так что, как правило, представляют собой полосу препятствий.

К тому же, дороги опасны. Раньше здесь были стада людей. Жестокие толпы — иногда численностью в тысячи человек — которые разъезжали по округе, грабя, убивая или похищая всех, с кем сталкивались. В прошлом году они в основном распались, поскольку иссякли ресурсы, которые они поглощали, но все еще существуют враждебно настроенные банды воров и просто обычные люди, достаточно отчаявшиеся, чтобы нападать на других с целью добычи еды или припасов. Чем крупнее дорога, тем опаснее, поэтому лучше всего передвигаться по бездорожью или придерживаться труднодоступных проселочных маршрутов.

Но мы, вероятно, могли бы добраться до того региона за день, что означало бы только одну ночевку. Это выполнимо. Если нам удастся найти заброшенную аптеку с оставшимися припасами, мы сумеем запастись другими лекарствами, а также антибиотиками.

И мы можем спасти жизнь Молли.

Эти размышления, наряду с оптимизмом Хэма, помогают мне избавиться от разочарования. Солнце опускается все ниже, но мы без проблем вернемся засветло. И тогда все, что мне нужно сделать — это убедить Джексона, что поездка стоит риска.

Мы в трех километрах от дома и еще не свернули на грунтовую дорогу, ведущую к ферме, и тут мы с Хэмом одновременно слышим звук двигателя. Он направляет винтовку в сторону шума, в то время как я достаю пистолет из кобуры. Мы оба съезжаем с дороги.

Самая безопасная реакция на присутствие другого путешественника — это скрыться из виду, пока он не исчезнет. На этот раз неизвестные приближаются слишком быстро, так что мы еще не добрались до деревьев, когда с ревом подъезжает грубоватого вида мужчина на мотоцикле.

Когда он притормаживает, я понимаю, что у нас неприятности. Очевидно, что мы не нуждаемся в помощи, поэтому единственная причина, по которой кто-то может остановиться, — это обворовать нас или причинить нам боль. Я мельком замечаю знакомую татуировку у него на шее.

— Так-так, — протягивает мужчина голосом, который я узнаю по многолетнему общению со злыми, эгоистичными мужчинами, у которых больше нет социальных ограничений в поведении. — Разве ты не хорошенькая маленькая цы...

Я стреляю ему в плечо.

Этот мужчина из Волчьей Стаи — татуировка на его шее изображает волка, — так что предупредительный выстрел ни к чему хорошему не приведет. Я не колеблюсь, но намеренно наношу рану, выводящую из строя, а не смертельный выстрел. Мужчина издает испуганный, возмущенный возглас и падает в сторону, мотоцикл приземляется на него сверху.

Хэм идет забрать оружие мужчины (у него есть дробовик и пара ножей), в то время как я своим ножом вспарываю шины его мотоцикла.

Он не смог бы последовать за нами, даже если бы был в пригодном для этого состоянии. Он не знает, откуда мы, и мы скроемся из виду прежде, чем он успеет поднять свою задницу.

Удовлетворенная тем, что ситуация разрешилась, я жестом приказываю Хэму продолжать движение. Мы идем быстро. Еще не стемнело, но горизонт окрашивается в грязно-оранжевый цвет.

По выражению лица Хэма я понимаю, что он обеспокоен и расстроен, и это подтверждается, когда он наконец говорит:

— Джек меня выгонит.

— Нет, не выгонит. Ты отлично справился. Мы позаботились о проблеме.

— Но его подстрелила ты. Это должен был сделать я. Я не заметил татуировку, пока не стало слишком поздно. Я не должен был подпускать его настолько близко, чтобы он мог что-то сказать.

Вероятно, это правда. Хэму необходимо научиться быстро распознавать возможные угрозы и реагировать на них. Джексон сбил бы парня с байка прежде, чем тот успел бы вымолвить хоть слово. Но тем не менее... Хэму всего семнадцать. Он еще учится.

— Это утро было моим предупреждением, — продолжает Хэм. — Ты же знаешь, Джек дает нам только одно. А потом мы уходим.

— Но здесь ты ни в чем не облажался. Мы справились без каких-либо проблем. Я уверена, Джексон отчитает тебя за то, что ты действовал недостаточно быстро, но он тебя не выгонит.

Кто-то другой, возможно, попросил бы меня вмешаться, умолял помочь убедить Джексона позволить ему остаться. В конце концов, Джексон не является высшим авторитетом в Новой Гавани. Хэм, может, и работает под началом Джексона, но мы с Джексоном управляем этим местом вместе. Однако Хэм не просит меня о помощи. Он внутренне кипит (я вижу это по его лицу), но не ожидает, что я исправлю ситуацию.

Теперь я тоже немного волнуюсь. Джексон — упрямец, но обычно он не бывает неразумным. Кажется, ему искренне нравится большинство людей здесь, в Новой Гавани, и он усердно работает, чтобы обеспечить нашу безопасность. На протяжении пары лет у него даже была девушка. Они никогда не казались особенно нежными или романтичными, но они вместе ели и спали, пока пару лет назад Монику не убили при вылазке за припасами.

Но сегодня Хэм уже дважды не справился со своими обязанностями, так что неизвестно, что Джексон захочет сделать.

Мигель стоит у ворот, и он впускает нас, помахав рукой. Когда мы приближаемся к дому, Джексон, должно быть, заметил что-то в нашей осанке или походке, потому что он выходит из гаража нам навстречу.

— Что случилось? — спрашивает он, и его глаза быстро пробегают вверх-вниз по моему телу, прежде чем он переключается на Хэма.

Хэм не колеблется и не выдумывает объяснений. Он в простой, прямолинейной манере рассказывает Джексону о том, что произошло.

После пары фраз плечи Джексона напрягаются, и он поворачивается обратно, чтобы окинуть мое лицо и тело испытующим взглядом.

Но когда Хэм заканчивает объяснение, глаза Джексона прищуриваются, губы поджимаются.

В этот момент я задерживаю дыхание. Я не позволю Джексону вышвырнуть Хэма из Новой Гавани, но я действительно не хочу ссориться из-за этого. Выселение людей — одно из самых трудных решений, которое нам приходится принимать, и мы никогда раньше не спорили по этому поводу.

Джексон зол. Это для меня очевидно, хотя он еще не сказал ни слова. Он долго молчит, потом выдавливает:

— Иди в дом и собери свои вещи.

Я напрягаюсь и вижу, как меняется выражение лица Хэма.

Джексон продолжает.

— В обозримом будущем ты будешь спать в старом сарае. Тебе придется завоевать свое право вернуться в дом.

Я сипло выдыхаю, и Хэм издает сдавленный звук, когда его лицо искажается от осязаемого облегчения.

— Понял, — говорит он, бросая на меня быстрый взгляд, прежде чем снова повернуться к Джексону. — Этого больше не повторится.

— Уж постарайся. Сегодня вечером мы поговорим о том, что тебе следовало сделать лучше.

— Понял. Спасибо. Понял.

Хэм выглядит так, словно вот-вот расплатится от облегчения и благодарности, поэтому я говорю ему, чтобы он пошевеливался, так как ему нужно собрать свои вещи.

В доме есть две большие комнаты с двухъярусными кроватями. Мы продолжали добавлять кровати, сколько могли, и теперь в каждой по двенадцать коек. У нас также есть старый сарай, куда мы помещаем жильцов, не поместившихся в доме. Там не так уж удобно. Люди спят на раскладушках или кучах сена. Но Хэм прожил там полтора года, прежде чем в доме нашлось для него место, и он явно не жалуется на переезд обратно.

Он так боялся, что Джексон собирается его выгнать.

Честно говоря, я и сама не была уверена.

Джексон кричит ему в спину:

— Если бы ты хоть немного скрыл правду, тебя бы тут уже не было.

Хэм оборачивается, кивает в знак признательности, а затем продолжает путь к дому.

— Придурок, — бормочет Джексон, когда он оказывается вне пределов слышимости.

— Он не придурок. Он хороший парень.

— Он должен стараться лучше.

— Я знаю это, но он придет к этому. Ему всего семнадцать.

— Когда тебе было семнадцать, ты помогла мне расправиться с той бандой, которая напала на ферму, — его глаза не отрываются от моего лица.

Я притворно закатываю глаза, хотя воспоминание о той конкретной ночи — одно из худших в моей жизни. В ту ночь мы потеряли почти половину наших людей.

— Хэм тоже помог бы, если бы был здесь тогда. Мы делаем то, что должны, и когда должны. Хэм научится. Он уже прошел долгий путь. Он не создан для такого рода вещей. Для такого мира. Он не такой, как ты, но он неплохо справляется.

Я иду в сторону дома, усталая, голодная и готовая завершить этот день.

— Если бы он преодолел свою влюбленность в тебя, у него получалось бы лучше, — бормочет Джексон, шагая в ногу со мной. — Это бестолково и позорно.

Я начинаю спорить с его мнением, поскольку, честно говоря, не уверена, что Хэм вообще влюблен в меня. Но, похоже, это не стоит затраченных усилий, и мы все равно уже дошли до дома. Поэтому я оставляю эти слова без ответа и захожу внутрь.

Глава 2

По вечерам после ужина мои родители собирали весь персонал и подростков вместе. Мы обсуждали любые новости или объявления, а потом вместе читали книги вслух. Это был несколько банальный, старомодный обычай, и дети неизменно насмеялись над ним. Но мои родители настаивали, что это важно для укрепления сообщества, поэтому они не допускали никаких исключений из распорядка дня.

Они продолжали в том же духе даже после Падения, даже после того, как мир погрузился в хаос. И когда мой отец умер, мы с Джексоном сохранили данную традицию.

Она все еще может быть банальной, но над ней уже не так часто насмеются. Без телефонов, компьютеров и телевизоров по вечерам больше нечем заняться для развлечения. И это приятно. Знакомо. Расслабляет. Большинству из нас это нравится... или, по крайней мере, не вызывает негодования.

Сегодня очередь Кейт читать юридический триллер в мягкой обложке, который стал бестселлером двадцать лет назад. К счастью, у моих родителей была довольно хорошая коллекция книг, и мы часто находим новые в вылазках за припасами, поскольку книги не расхватывают сразу, как еду и лекарства. Так что вряд ли в ближайшее время у нас закончатся книги для чтения. Если когда-нибудь это случится, мы просто начнем с самого начала и перечитаем их все.

Я заняла кресло ближе всего к окну, и теперь, когда солнце село, дует легкий ветерок. Он даже не очень пепельный. Я слышу, как снаружи стрекочут несколько сверчков и лягушек, создавая мягкий, пронзительный фон для нашего собрания.

Мир чувствует себя лучше, чем четыре года назад. Лучше даже по сравнению с прошлым годом. В течение месяца, предшествовавшего столкновению с астероидом, все ученые пытались предсказать, что станет с миром. Все оказалось хуже, чем ожидало большинство из них, но все они твердили, что это не катастрофа на уровне вымирания. Планета вернется. Регенерирует.

Сегодня вечером, сидя на своем месте у окна и слушая, как Кейт читает, я почти верю, что это правда.

Джексон сидит в другом конце комнаты, чистя свое оружие, как и всегда во время чтения. Но он слушает книгу. Он фыркает над забавными моментами и отрывается от своей работы, если сюжет становится захватывающим. Он жесткий человек, поэтому я бы не ожидала, что ему будут нравиться подобные вещи так, как другим, но он никогда даже не сомневался, что мы продолжим эту практику после смерти моего отца. Здесь, в Новой Гавани, это определяет ритм жизни.

Когда проходит час, Кейт дочитывает главу, и мы с Джексоном завершаем собрание. Джексон озвучивает несколько кратких напоминаний о назначенных обязанностях на следующий день. Затем все расходятся. Многие люди остаются, проводя время в гостиной и болтая. Другие отправляются спать, а несколько пар, включая Кейт и Мигеля, выскальзывают наружу, чтобы найти местечко для уединенного секса, поскольку в двухъярусных комнатах секс запрещен.

Это одно из правил. На самом деле нам все равно, кто кого здесь трахает, главное, чтобы это было по обоюдному согласию, а не в двухъярусной комнате или общественных местах, чтобы не мешать людям спать и не доставлять неудобств другим. Мы следим за тем, чтобы никто не приставал к юным обитателям фермы, но в остальном предоставляем людям самим делать выбор.

В прошлом году одна из наших молодых женщин забеременела. В последние годы рождаемость была низкой из-за неправильного питания и факторов окружающей среды, поэтому беременность наступает не очень часто. Мы были готовы позаботиться о ребенке. Даже взволнованы, поскольку дети стали такой редкостью. Но и девушка, и младенец умерли в родах.

Никто особо не хочет рисковать, чтобы такое повторилось. Джексон собирает презервативы везде, где только может, но к настоящему моменту у всех них истек срок годности, и поэтому их эффективность сомнительна. В остальном старый-добрый календарный метод², как правило, вполне эффективен в сочетании с низкой фертильностью.

Я остаюсь у окна, перебирая кое-какую одежду из кучи для штопки. Я прислушиваюсь к разговорам вокруг меня и мысленно готовлю свои аргументы для Джексона о том, почему нам нужно рискнуть и отправиться на поиски антибиотиков для Молли.

Комната начинает пустеть, когда Кейден подходит и придвигает старую кожаную оттоманку рядом с моим креслом.

Я пытаюсь скрыть свое внутреннее содрогание. Я знаю, что он собирается сказать.

— Эй, насчет моей завтрашней вылазки, — начинает он.

— Я сказала тебе поговорить с Джексоном. Он отвечает за вылазки, — я бросаю взгляд туда, где все еще сидит Джексон, теперь уже точащий ножи. Кажется, он полностью сосредоточен на своей задаче и не замечает никого вокруг.

— Я знаю. Я так и сделал. Джек сказал «нет» на организацию вылазки, но я все равно думаю...

— Если он сказал «нет», то я не знаю, чего ты хочешь от меня. Я не принимаю таких решений.

— Ты можешь хотя бы поговорить с ним? — он говорит очень тихим голосом. — Я ему почему-то не нравлюсь. Может, он видит во мне угрозу. Я не знаю. Но это хорошая идея и...

— Мы здесь так не делаем, — говорю я более холодным тоном. — Ты не можешь настраивать нас с Джексоном друг против друга, как будто ты избалованный ребенок, а мы твои родители. Нашим приоритетом всегда является то, что лучше для сообщества. У нас всего несколько исправных машин, и как только наш запас бензина закончится, заменить его будет нечем, если только мы не сможем добыть еще. Мы никогда не станем тратить наши ресурсы на вылазку, если результат того не стоит. Спиртное и табак того не стоят. Если тебе не нравятся наши правила и наши решения, ты можешь уйти. В противном случае, озвучивай свои запросы, принимай ответы и живи своей жизнью.

Кейден встает с хмурым видом.

— Тебе необязательно быть такой стервой, — слова звучат как бормотание, но я, очевидно, должна была их услышать.

Прежде чем я успеваю придумать, что ответить, Джексон встает со своего места, берет одну из винтовок, небрежно подходит и ударяет Кейдена прикладом по голове, даже не изменив выражения лица.

Этот удар определенно оставит синяк, и инерция сбивает Кейдена с ног, но этого недостаточно, чтобы нанести серьезную травму.

Джексон смотрит сверху вниз на Кейдена, неуклюже повалившегося на пол.

— Это было твое единственное предупреждение. В следующий раз вылетишь отсюда.

Даже не взглянув на меня, Джексон собирает ножи и пистолеты, над которыми работал, и выходит из комнаты.

Я закатываю глаза, глядя на прямую спину Джексона, широкие плечи и тугую задницу в его выцветших джинсах.

Кейден поднимается на ноги и поспешно выходит из комнаты, прижимая руку к щеке.

Я знаю, что в нынешнем мире физическое насилие иногда является необходимостью. Это единственный способ выжить в обществе, утратившем безопасность культурных и этических границ. Но я предпочитаю, чтобы насилие оставалось за пределами наших стен. Мы, может, и противостоим всему миру, но мы не должны противостоять друг другу.

² Под календарным методом подразумевается то, что пара не занимается сексом в дни, когда женщина по своему менструальному циклу наиболее фертильна.

Но Кейден становится проблемой. Были и другие, которых нам пришлось выселить, потому что они подстрекали толпу или являлись потенциальной угрозой нашему здешнему миру, и Кейден может оказаться одним из них.

Так что Джексон, может, и мудак, но мне на самом деле не жаль, что он заткнул Кейдена.

У меня есть своя комната в доме. Это помещение было моим с тех пор, как моя семья переехала на эту ферму. Это приятная комната с потертым розово-зеленым постельным бельем, мебелью из клена и кружевными занавесками. После смерти моего отца Джексон занял комнату моих родителей, так что только у нас двоих есть свои комнаты.

Иногда я чувствую себя немного виноватой из-за всего того пространства, которое можно было бы разделить с другими, но Джексон настаивает. Он говорит, что атрибуты лидерства, даже поверхностные, укрепляют наш авторитет, и я подозреваю, что он, возможно, прав.

Кроме того, мне нравится уединение. Это всегда была моя комната, и я не собираюсь отказываться от нее без крайней необходимости.

Я испытываю облегчение, когда закрываю на ночь дверь своей спальни. Я могу на некоторое время ослабить бдительность.

Я зажигаю свечу, так как на улице уже темно, и единственный другой свет исходит от луны и звезд снаружи. В колеблющихся тенях я вручную набираю воду в свой фарфоровый таз и использую ее, чтобы смыть грязь, пот и вонь. Затем я надеваю короткую розовую хлопковую ночную рубашку на бретельках с оборками (когда я покупала ее в шестнадцать лет, мне казалось, что это самая красивая вещь на свете) и расчесываю волосы.

Теперь они длинные. Я не стриглась с момента Падения. Могла бы. У нас есть ножницы, и пара здешних девушек действительно хорошо укладывают волосы. Но я не хотела этого делать. Мои волосы длинные, густые, волнистые и рыжеватого-золотистого цвета. У меня карие глаза, а губы немного великоваты для моего лица. В тусклом свете я выгляжу довольно симпатично. Это почти удивляет меня.

Сейчас я выгляжу мягче, чем днем, в своей обычной рабочей одежде и с конским хвостом. Такой же мягкой, какой я была, когда мне было шестнадцать и я читала любовные романы, мечтала о захватывающих приключениях и плакала, когда Джексон обращался со мной как с избалованной принцессой.

Я не думаю, что меня когда-либо по-настоящему баловали. Мои родители научили меня усердно работать и заботиться о себе. Но они любили меня больше всего на свете и защищали от всего, что могли. Тогда мир всегда был довольно снисходителен ко мне.

Раньше я была мягкой, и в данный момент я почти снова выгляжу такой.

Я подавляю слабое удовольствие от этого осознания.

Мне всего двадцать один год. Это должно быть нормально — выглядеть красиво. Но на самом деле это не имеет значения в моей нынешней жизни.

Воспользовавшись ванной, которая прилегает к моей комнате, я забираюсь в постель и вытягиваюсь под простынями. Я закрываю глаза и пытаюсь расслабиться.

Обычно я так много работаю в течение дня, что мне нетрудно заснуть, но сегодня вечером голова идет кругом. Такое ощущение, что под моими веками вращаются огоньки.

Я открываю глаза и смотрю в потолок темной комнаты.

В окно проникает слабое свечение от луны и звезд. Из-за висящего в воздухе пепла они не такие яркие, как в моем детстве, но они все равно есть.

Я мысленно прокручиваю в голове то, что скажу Джексону завтра о вылазке за антибиотиками. Потом я думаю о Хэме сегодня днем. О Кейдене этим вечером. Я поворачиваюсь с боку на бок несколько раз, пытаюсь устроиться поудобнее.

Закрываю глаза, но не могу унять мысли.

С разочарованным стоном я встаю, чтобы снова пописать. Затем я останавливаюсь, замерев между своей кроватью и дверью.

Мне требуется около тридцати секунд, чтобы принять решение. Я снова зажигаю свечу, выхожу из комнаты и бесшумно иду по коридору босиком, неся свечу, так как в противном случае здесь была бы крошечная тьма.

Комната Джексона находится в конце коридора. Я ненадолго колеблюсь, прежде чем повернуть дверную ручку и распахнуть дверь.

В его комнате темно. Он уже в постели. На третьем моем шагу скрипит половица — та самая половица, которая скрипит всегда.

Я слышу, как шуршит его одеяло. Теперь он шевелится. Он знает, что я здесь. Я ставлю свечу на стол. Когда я добираюсь до кровати, он хватается за меня и тянет на матрас, укладывая и перекатываясь на меня сверху.

Не говоря ни слова, он целует меня, глубоко, крепко и жадно.

Его губы настойчиво прижимаются к моим. Его язык проникает в мой рот. Его тело тяжелое. Он спит совершенно голым, и его кожа горячая и влажная, когда он трется о меня.

Моя кровь быстро бежала по венам еще до того, как я добралась до его постели, а теперь пульс просто бешено колотится. Я хватаю Джексона сзади за шею, удерживая, полностью открываю свой рот для его и прижимаюсь к его твердому телу. Пружины кровати слегка поскрипывают, пока мы целуемся. Это и наше затрудненное дыхание — единственные звуки в тишине.

В комнате темно, если не считать мерцающих отсветов от моей свечи и слабого свечения луны через открытое окно, но я вижу лицо Джексона, когда он без предупреждения прерывает поцелуй и выпрямляет руки, чтобы приподнять верхнюю часть туловища. Я вижу его взъерошенные волосы. Ямочку у него на подбородке. То, как потемнели его глаза. Блеск пота у него на лбу. Его ноги обхватывают одну из моих, так что наши бедра переплетены вместе. Он даже ни капельки не улыбается, пока смотрит на меня сверху вниз.

На мгновение мне кажется, что Джексон собирается что-то сказать, но он этого не делает. Вместо этого он наклоняется, сжимает кулаками мое платье и стягивает его через голову, с грубым нетерпением швырнув на пол, а затем смотрит на мое обнаженное тело.

Он не может очень хорошо разглядеть меня при слабом освещении, но должно быть, увидел достаточно. Он уже возбудился от поцелуя, и теперь я чувствую, как его член твердеет, упираясь в мое бедро.

Джексон издает тихий звук. Ни слова. Просто короткий, хриплый выдох. Затем он сгибает локти и снова целует меня.

Этот поцелуй длится дольше. Так долго, что я чувствую себя пойманной в ловушку его весом и глубинной потребностью, которая продолжает нарастать внутри меня. Я издаю беспомощный, хныкающий звук ему в рот. Джексон немедленно отрывается от моих губ и прокладывает дорожку поцелуев вниз по моей шее, касаясь зубами моего бьющегося пульса, пока я не выгибаюсь от острого приступа удовольствия, громко ахнув.

Джексон дышит так же тяжело, как и я, когда добирается до моей груди, одаривая ее грубым, жадным вниманием.

Может, Джексон был бы другим, если бы влюбился. Если бы у него были отношения. Или если бы мир за пределами этой комнаты не погрузился в жестокий хаос, не превратился в постоянную войну, где у нас нет другого выбора, кроме как сражаться. Может, он не стал бы торопиться. Был мягче. Нежнее. Может, он бы улыбнулся или даже рассмеялся.

Может, я тоже была бы другой.

Может, я не нуждалась бы в его голодных глазах и требовательных руках в темноте.

Но именно так мы каждый раз сливаемся воедино.

Его рот на моей груди — это уже слишком. Когда я не могу держать бедра неподвижно и вынуждена бесстыдно тереться о его эрекцию, я хватаю Джексона за голову и отрываю ее от своей груди. Затем я опускаю руку вниз между нашими телами, чтобы дотянуться до его твердого члена.

У него перехватывает дыхание, но я не пытаюсь подарить ему удовольствие. Мне просто нужно прикоснуться к нему. Прикоснуться к нему. Провести пальцами по его крепкому телу, по текстуре его кожи.

Джексон переставляет ноги так, чтобы оказаться на коленях, а затем раздвигает мои бедра еще шире, чтобы поласкать меня пальцами. Я мокрая, горячая и ноющая, выгибаю спину и сжимаю в кулаке простыню, пока он двигает рукой. Удовлетворенный тем, что я готова для него, Джексон приподнимает мою задницу, пока я не оказываюсь на одном уровне с его пахом, а затем вводит свой член внутрь меня.

Он чувствуете большим, напряженным и вторгающимся. Я делаю несколько судорожных вдохов, привыкая к ощущениям. К интенсивности удовольствия. Когда я расслабляюсь, Джексон начинает трахать меня.

Он полностью контролирует мое тело. Я обхватываю ногами его бедра, насколько могу, но в основном могу двигаться только тогда, когда он двигает мной. Толчки его бедер быстрые. Сильные. Мои груди покачиваются от движения, а волосы льнут к влажной коже щек и шеи.

Его глаза скользят вверх и вниз по моему телу. От моего лица к тому месту, где его член входит и выходит из меня. Мои глаза лучше приспособились, так что я могу видеть больше деталей. Его растрепанные волосы постоянно падают ему на глаза, и время от времени Джексон быстро встряхивает головой, чтобы убрать их с лица. На его обнаженной груди россыпь темных жестких волос, сильные, рельефные мышцы рук бугрятся и напрягаются.

У меня возникает мимолетное желание погладить их. Почувствовать их форму. Провести кончиками пальцев по его знакомым чертам. Откинуть со лба его густые локоны.

Я ничего этого не делаю. Оргазм туго скручивает мое нутро, и я развожу руки в стороны, чтобы надежнее ухватиться за простыни, когда пик приближается.

Ощущения нарастают, а Джексон трахает меня сильнее и быстрее. С тихим всхлипом я отпускаю простыню одной рукой и вместо этого потираю свой клитор.

Моя киска трепещет вокруг его члена. Это разрядка, но недостаточная. Не такая глубокая и интенсивная, как мне хотелось бы. Я продолжаю тереть клитор быстрыми кругами и мотаю головой взад-вперед, издавая невнятные звуки от неудовлетворенности.

Это не слово. Ничего связного. Но Джексон охает и выходит, опуская меня обратно на кровать. Затем он переворачивает меня на четвереньки и пристраивается сзади.

Меня поглощает ноющее ощущение, настойчивая потребность, которую я чувствую всеми костями. Я громко задыхаюсь, когда Джексон снова проникает в меня, сжимая плоть моей задницы обеими руками.

Он работает в том же быстром, грубом ритме, и на этот раз помогает угол проникновения. Я хнычу, когда оргазм снова нарастает. Мои волосы падают мне на лицо, и они развеваются от моего дыхания.

Джексон собирает их в кулак, чтобы они больше не падали мне на лицо. Затем он той же рукой давит мне на шею, пока мои локти не подгибаются и верхняя часть тела не ложится на постель, оставляя приподнятым только зад.

Он издает почти первобытный стон. Трахает меня так сильно, что пружины кровати стонут, а каркас кровати сдвигается по старому деревянному полу.

Теперь моя щека прижата к матрасу. Я стараюсь быть тихой. Я даже прикусываю нижнюю губу. Но я издаю беспомощный всхлипывающий звук, когда меня накрывает сильным оргазмом, вырывающимся из моей сердцевины и пронзающим все мое тело, вплоть до пальцев рук и ног.

Джексон знает, что я кончила. Даже ошеломленная ощущениями, я слышу грубый звук удовлетворения, который он издает, наблюдая за мной, чувствуя, как я кончаю вокруг него. Затем он, наконец, сбивается с ритма, даря мне несколько последних сильных толчков, затем вытаскивает свой член и влажно хрипит, несколькими толчками кончая мне на поясницу.

Мы остаемся в таком положении с минуту — я уткнулась лицом в кровать и задрала задницу вверх, он стоит на коленях позади меня, вцепившись в мои волосы. Единственный звук в комнате сейчас — это наше тяжелое дыхание.

Затем Джексон начинает действовать. Он хватается с пола предмет одежды — похоже, футболку, которую он носил сегодня — и быстрым, эффективным движением вытирает свою сперму с моей спины. Я переворачиваюсь на бок, разминая мышцы спины и бедер, пока не убеждаюсь, что могу двигаться, не морщась.

Затем я встаю с кровати, хватаю с пола свое платье, натягиваю его через голову, и иду за свечой со стола.

Ни я, ни Джексон не говорим ни слова, когда я ухожу, пробираясь по темному коридору и возвращаясь в свою комнату.

Там я писаю и немного привожу себя в порядок, прежде чем лечь в постель. Когда мои глаза закрываются на этот раз, мир не идет кругом. Я засыпаю меньше чем через пять минут.

Может, все было бы по-другому, если бы у нас были отношения, но это не так. Он мне не друг и не бойфренд, и мы не проводим вместе каждую ночь.

Но иногда я иду в его комнату после захода солнца. Мне это нужно. Не ради милых слов или ласковых поцелуев, а потому, что его руки, как мерцающий огонек той одинокой свечи — единственное, что способно прогнать ночь.

Глава 3

Когда стоит такая жара, как сейчас, мы стараемся выполнять большую часть самой тяжелой ручной работы первым делом с утра, даже до завтрака. Поэтому на следующее утро я встаю, одеваюсь и иду поработать в саду пару часов. Джексон и еще несколько парней укрепляют одну из стен по периметру, поэтому я не пытаюсь с ним разговаривать, пока этот проект и садовые работы не будут завершены.

Затем наступает середина утра, и я нахожу укромное местечко у ручья, чтобы искупаться, так как в этом году хороший уровень воды, и мыться так намного проще, чем накачивать достаточное количество воды в ванну в доме. Я уделяю время тому, чтобы расчесать свои мокрые волосы, чтобы они высохли на солнце без излишних изгибов и колтунов.

Когда я становлюсь настолько чистой, насколько это вообще возможно, я снова проверяю Молли, у которой со вчерашнего дня не наблюдается никаких улучшений.

Ну все. Я больше не собираюсь ждать.

Молли умрет, если мы не найдем ей какие-нибудь антибиотики.

Я еще не видела, чтобы Джексон возвращался в дом этим утром, поэтому направляюсь к сараю, чтобы поискать его.

Я нахожу его без рубашки, покрасневшимся от жары и мокрым по пояс, потому что он только что окатил себя водой из дождевой бочки, чтобы охладиться.

Надо признать, то, как вода стекает по волосам на его груди и рельефным мышцам, весьма сильно отвлекает, но это слишком важно, чтобы позволить себе переключиться на что-то столь поверхностное. Я снова поднимаю глаза к его лицу и говорю:

— Эй, нам нужно поговорить.

Джексон трясет головой, расплескивая капли воды, и быстро вытирает лицо руками.

— Что случилось?

— Молли не становится лучше.

— Я знаю. Мне это нравится не больше, чем тебе, но мы больше ничего не можем поделать.

— Мы можем попытаться найти для нее какие-нибудь антибиотики.

Джексон не возражает сразу. Он с минуту пристально смотрит мне в лицо, как будто думает, переваривает или решает, что сказать.

— Мы не знаем, где найти антибиотики. Мы прочесали все возможные источники в окрестностях, а все остальное — чепуха.

— Мак — парень из сети, который вчера оставил записку — рассказал об одном районе на востоке Кентукки, который еще не был полностью разграблен.

Джексон хмурится, протягивая руку, чтобы взять сложенную записку, которую я ему протягиваю. Я вижу, как его карие глаза пробегают по каждой строчке, пока он читает. Этим утром на солнце они выглядят почти зелеными, хотя обычно кажутся более серыми.

Когда он заканчивает читать и продолжает пялиться в бумажку, я говорю:

— Видишь? Он утверждает, что регион пострадал от очень сильных землетрясений, и поэтому большинство людей быстро оттуда выбрались. И поблизости нет больших городов, так что этот район никогда не подвергался нападениям стада. Возможно, мы сумеем найти там антибиотики. И кучу других вещей, которые нам нужны. Вероятно, мы могли бы добраться туда и вернуться обратно за два дня.

Джексон вдыхает, а затем медленно выпускает воздух. Он прикусывает нижнюю губу, и мое сердце замирает в груди.

— Ты ведешь себя так, будто двухдневная поездка — это ерунда, но у нас будет только 50% шанс вернуться оттуда живыми. Все, что у нас есть — это слова какого-то случайного незнакомца. Ты действительно хочешь рисковать нашими жизнями ради этого?

— Ради Молли, — мой голос срывается, и мне приходится прочистить горло. — И я ему верю. У нас нет причин этого не делать. Он оставил нам тайленол, в котором мы нуждались.

— Любой антибиотик, который мы найдем, устарел на пять лет. Это может даже не сработать.

— Большая часть лекарств, которые мы находим, все еще работает. Ты знаешь, что большинство этих дат истечения срока годности указывались наобум. Я думаю, мы должны это сделать. Думаю, это стоит того, чтобы рискнуть. Она умрет через несколько недель, если мы ничего не предпримем, Джексон. Ты же знаешь, что это так.

— Я знаю, — выдавливая он, и его челюсти впервые напрягаются. — Ты думаешь, я хочу, чтобы она умерла? Из-за нескольких гребаных порезов на ноге? Но как это поможет, если еще двое или трое из нас погибнут, пытаюсь спасти ее?

— Я не думаю, что мы умрем. В последнее время здесь было довольно тихо. Не проезжало никого плохого после того стада в прошлом году, направлявшегося в Форт-Нокс.

Раньше стада были самой большой угрозой в мире — орды жестоких людей, которые уничтожали каждую пройденную ими милю — но теперь они распадаются. Стадо, напавшее на Форт-Нокс, распалось на десятки более мелких стад, которые называют себя Волчьими Стаями. В основном они перебрались на запад, в центр страны, куда мигрировало большинство людей и ресурсов, но в этом регионе все еще есть несколько групп, которые всегда ищут неприятностей.

— Стада — это всего лишь один из чертовски большого количества враждебных факторов, — говорит Джексон. — Приуменьшение угрозы не заставит меня согласиться.

Теперь я раздражена. Расстроена при мысли о Молли и о том, насколько мы беспомощны перед инфекцией, которая убивает ее. И злюсь на Джексона за то, что он удерживает меня от того, что, по моему мнению, нам нужно сделать.

— Я не приуменьшаю, — холодно говорю я. — Я знаю, что это опасно. Но я не думаю, что это самоубийственная миссия. Мы должны взвесить риски и затраты. Я думаю, это стоит того, чтобы рискнуть.

Джексон задумывается на минуту, стоя неподвижно, уперев в бок руку, сжатую в кулак. Он дышит часто и тяжело. Я знаю его так же хорошо, как и кто-либо другой, но я действительно понятия не имею, что он собирается сказать, когда наконец заговорит.

— А как насчет того маленького магазинчика в Честере?

— А что с ним? Ты сказал, что слишком опасно пытаться разбирать завалы.

Пару лет назад мы наткнулись на старую местную аптеку, которая выглядела так, словно ее переехал грузовик. Все здание обрушилось, и большая часть товаров была разграблена. Но часть аптечного отделения оказалась погребена под завалами. Возможно, под обрушившейся секцией здания все еще хранились не растащенные лекарства, но мы не смогли безопасно добраться до них, поэтому просто взяли то немногое, что получилось, и двинулись дальше.

Я действительно забыла об этом. Мое сердце учащенно бьется, когда я думаю о возможностях.

— Это опасно, — говорит Джексон. — Но это безопаснее, чем долгое путешествие. Мы могли бы добраться туда за пару часов и проделать большую часть пути по бездорожью. Что, если мы попробуем? Я не хочу рисковать больше чем одним транспортным средством, но я могу отправить Мигеля и Бретта на одном из квадроциклов.

Я качаю головой.

— Мне тоже нужно будет поехать. Даже если они смогут добраться до этой части аптеки, они понятия не имеют, какие лекарства являются нужными нам антибиотиками.

Нет никакой гарантии, что даже я буду знать, но у моих родителей сохранилось несколько медицинских справочников, и я потратила последние несколько лет на их изучение, так что есть хороший шанс, что я узнаю названия большинства распространенных антибиотиков.

— Черт возьми, — бормочет Джексон. — А ты не можешь написать им список, чтобы они сопоставили названия?

— Ты хоть представляешь, сколько на свете существует антибиотиков?

Он издает рычащий звук и с минуту смотрит в одну точку в воздухе.

— Я достаточно сильная, чтобы помочь с разбором завалов. Мы с Мигелем справимся.

Он по-прежнему не отвечает. Я чувствую, как от него исходит напряжение.

— Молли это нужно. И это должно быть мое решение. Я несу ответственность за здоровье здешних людей.

— А я несу ответственность за твою безопасность, — его голос низкий и грубый, и Джексон подходит ко мне так, что оказывается всего в нескольких дюймах. — Но ладно. Вы с Мигелем можете поехать. Но перед отъездом он получит множество инструкций о том, на какой риск ему позволено пойти, чтобы проникнуть под завалы.

Я вздыхаю с облегчением, проигнорировав последний комментарий. Я не беспокоюсь об этом. Мигель, может, и правая рука Джексона, но я уверена, что смогу уговорить его сделать то, что мне от него нужно. В конце концов, Мигель — один из изначальных подростков. Он тоже любит Молли.

— Скажи Мигелю, что мы уедем после обеда, — говорю я, поворачиваясь, чтобы уйти. — Мы легко смогаемся туда и обратно до наступления темноты.

После обеда я направляюсь в гараж и испытываю шок, когда вижу, как Джексон загружает рюкзак в багажное отделение одного из двух наших работающих квадроциклов. На нем серые брюки-карго и черная футболка, а все его дополнительное оружие убрано в кобуру.

— Где Мигель? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Сегодня утром он подвернул лодыжку во время патрулирования, так что не может поехать.

— Тогда я могу отправиться с Бреттом, или Хэмом, или еще с кем-нибудь.

Джексон качает головой.

— Ты думаешь, я доверю им твою защиту? Мигель — единственный, кого тебе не удастся уломать на какую-нибудь глупость. Поскольку он не может поехать, тебе придется отправляться со мной, если только ты не передумала.

— Я не передумала.

— Тогда мне жаль разочаровывать тебя, котенок, но ты поедешь со мной.

Он не в первый раз называет меня котенком, и это вовсе не ласковое обращение. Я точно знаю, что он имеет в виду. Слегка насмешливо. Впервые он использовал это прозвище, когда мне было шестнадцать, и я разозлилась на него. Милый маленький пушистый комочек, который довольно забавно выпускает свои коготки.

Я уговариваю себя не показывать Джексону, что злюсь, и вместо этого холодно смотрю на него прищуренными глазами.

— Отлично. Мне не очень-то важно, кто поедет со мной. Но если ты идешь, то, пожалуйста, держи подобные манеры при себе.

Правда в том, что мне не все равно, кто поедет со мной. И теперь, когда это Джексон, поездка не вызывает такого восторга. Мое сердцебиение участилось, а руки немного дрожат, пока я жду, когда Джексон проверит бензин, усядется на сиденье и пристегнет свою винтовку.

Он бросает взгляд на меня.

— Шевели своей маленькой задницей.

Я сажусь позади него, вынужденно прижимаясь к его спине. Мне приходится обхватить его руками за талию. Мое лицо на мгновение зарывается в его рубашку, и меня окружает его знакомый, землистый запах.

Выпрямляясь, я говорю ему:

— Помни, что я сказала о твоих манерах.

Джексон заводит квадроцикл.

— Помни, что я сказал о твоей заднице.

Мой мозг сегодня работает не очень быстро. Или, может быть, я настолько привыкла к грубым замечаниям Джексона, что смысл его слов доходит до меня по-настоящему, только когда мы выезжаем с фермы и проезжаем около десяти минут по грунтовой дороге к тропе, которой мы всегда пользуемся, когда путешествуем на запад.

«Помни, что я сказал о твоей заднице».

По какой-то причине воспоминание о том, что он это сказал, и о том, *как* он это сказал, пробуждает мое давно дремлющее чувство юмора. Я подавляю смешок. Затем еще один.

— Что у тебя там происходит сзади? — требовательно спрашивает Джексон.

Я ерзаю, поудобнее обхватывая его талию. Сейчас он едет не так быстро, но ветер бросает мне в лицо свободные пряди волос, которые выбились из моего конского хвоста.

— Ничего.

Его раздраженный тон заставляет меня рассмеяться еще сильнее. На этот раз я не могу сдержаться. Я прижимаюсь к нему, пытаюсь сдержать смех.

— Что за черт? У тебя там что, приступ астмы? — Джексон притормаживает и оглядывается через плечо.

— Нет. Просто подумала кое о чем забавном.

— О чем? — он снова поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Наши лица всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Да ничего, — повторяю я снова. — Просто мои мысли, — я крепче обнимаю его, пока не осознаю, что делаю. Тогда мне приходится целенаправленно ослабить свою хватку. Я отворачиваю голову, чтобы он не видел, как я смеюсь.

Джексону бы понравилось, если бы он знал, что его остроумное замечание заставило меня захихикать. Он воспринял бы это как самодовольную победу. Нет смысла давать ему такое удовлетворение.

Поездка в Честер проходит по лесам и холмам, вдоль старой пешеходной тропы, которой мы любим пользоваться, потому что она позволяет избежать всех городов и большинства попутчиков. Наша поездка проходит без происшествий. Мы останавливаемся один раз, чтобы Джексон мог убрать с нашего пути упавшую ветку, и я писаю за деревом и делаю несколько глотков воды, пока мы стоим. Но в остальном вторая половина дня проходит без происшествий, и мы добираемся до дороги в Честер, больше никого не встретив.

Город заброшен. За последние несколько лет каждый город, который не был забаррикадирован и защищен вооруженной охраной, опустел — лишь случайные бродяги или путешественники находят убежище в заброшенных зданиях.

Как и в других городах этого региона, все доступные дома и магазины были основательно разграблены, но когда мы добираемся до старой аптеки, которую нашли в стороне от всех главных дорог, я с облегчением вижу, что она все еще в том состоянии, в котором мы видели ее раньше.

Здание обрушилось, и обломки все еще громоздятся над его задней частью.

Возможно, никто другой еще не нашел и не разграбил его.

— Это будет занозой в заднице, — бормочет Джексон, останавливаясь и визуально оценивая ситуацию вместе со мной.

— Мне все равно.

— Было бы здорово, если бы у нас был бульдозер.

— Было бы здорово, если бы у нас было много всего. Давай не будем жаловаться и просто сделаем это.

Это так же тяжело, раздражающе и непосильно, как и предсказывал Джексон. Час спустя у меня появилось несколько синяков, и у него тоже. Мы бы не смогли сдвинуть некоторые более тяжелые секции, если бы он не принес веревку. Мы закрепляем ее на квадроцикле и используем его тягу, чтобы сдвинуть самые большие фрагменты стены.

Но в конце концов мы освобождаем достаточно места, чтобы осмотреть сломанные стеллажи и разбросанные пузырьки с лекарствами.

Здесь много чего есть. У меня все болит, я потею и изжариваюсь на солнце, но собираю все, что вижу, что может пригодиться. Ибупрофен, отпускаемый по рецепту. Бенадрил. Стероидный крем.

Я чуть не рыдаю, когда вижу знакомое название на бутылке. Я хватаю его и смотрю на этикетку. Чернила немного потекли, и надпись не совсем разборчива.

— Антибиотик? — спрашивает Джексон. Он собирает лекарства точно с таким же энтузиазмом, как и я.

— Да. Но это не то, на что я надеялась. Это то же самое, что и антибиотик от синусита. Не очень сильный. Но это лучше, чем ничего. Продолжай искать.

— У меня есть куча глазных капель и кое-какие лекарства от аллергии. О черт. Это уколы эпинефрина, — Джексон складывает все найденное в мешок. — Это мне не знакомо, — он бросает мне флакон.

Я прищуриваюсь, читая этикетку.

— Думаю, что это тоже антибиотик, но я не уверена, для чего он используется. По крайней мере, мы нашли два.

Мы полчаса разбираем завалы и получаем больше лекарств, чем за весь первый год. Но только два антибиотика. Очевидно, остальные лекарства, которые продавались в этой аптеке, стояли на других полках, которые давным-давно опустели.

Но все же... Это хороший улов. Поездка того стоила.

Самый последний бутылёк, который я нахожу, откопав из-под тяжелого куска стены, имеет знакомое название. Я смотрю на него сверху вниз, и моя рука дрожит.

— Антибиотик? — спрашивает Джексон, и его глаза изучают мое застывшее лицо.

Я качаю головой и протягиваю ему бутылочку, не говоря ни слова.

Он читает, что написано на этикетке. *«Оксикодон» (прим. обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид, получаемый из тебаина).*

— Черт, — выдыхает он. — Нас могли бы разорвать на куски из-за этой штуки, — он замолкает. Затем наклоняется и берет бутылочку с биодобавкой тестостерона, которую мы отвергли за ненужность. Он выбрасывает таблетки и вместо них кладет гидрокодон в этот пузырек (*прим. полусинтетический опиоид, получаемый из природных опиатов кодеина или тебаина*). Затем добавляет его к остальным.

— Хорошо, что ты додумался приехать сюда, — говорю я, пытаюсь засунуть наши наполненные мешки в багажный отсек. — Я совсем забыла об этом месте.

— Я тоже забыл до сегодняшнего утра и нашего разговора. Может, эти антибиотики помогут Молли.

Я надеюсь на это.

Я сажусь на сиденье позади него и обнимаю Джексона, когда он трогается с места.

Обратная поездка проходит также без происшествий, пока мы не сворачиваем с тропы на дорогу.

Эта дорога небольшая и в стороне, но на ней все же бывает некоторое движение. В основном безобидные путешественники, пытающиеся проехать через этот регион. Опасные типы, как правило, держатся на межштатных трассах, но так бывает не всегда.

Вскоре после того, как мы сворачиваем на дорогу, я слышу женский крик. Затем мужской смех.

Джексон съезжает с дороги и едет по траве рядом с лесом, пока мы минуем источник звука.

Группа мужчин на джипе и паре мотоциклов — явно Волчья Стая — напала на пару, которая, должно быть, ехала на велосипедах.

Мужчина истекает кровью на земле. Женщина кричит, хотя на самом деле я ее не вижу.

Джексон ускоряется. Один из парней стреляет в нашу сторону, но, должно быть, это в основном предупредительный выстрел, потому что пуля и близко не попала в нас.

Я издаю протестующий звук и крепче обнимаю его. Этим людям нужна помощь, и мы просто бросаем их.

— Джексон, — хриплю я.

— Нет, — выдавливает он из себя. — Мы не можем.

— Но они...

— Я знаю. Я знаю. Но мы не можем.

— Мы могли бы, по крайней мере...

— Могли бы что? Расправиться с Волчьей Стаей? Только я и ты, без какой-либо защиты или преимущества? Мужчина уже мертв, а женщина вот-вот умрет. Мы ничего не можем сделать. Мы не можем помочь всем.

Я знаю, что он прав, но это ужасно. Я беспомощно тряусь позади него, и это не из-за вибрации двигателя.

Джексон продолжает говорить, хотя я больше не спору.

— Если мы попытаемся позаботиться обо всех, то не сможем позаботиться о наших людях. Мы не можем позаботиться обо всех. Мы не можем, Фэйт.

Я больше ничего не говорю. Я не смогла бы, даже если бы захотела.

— Мне жаль, — добавляет Джексон хриплым шепотом.

Это уже что-то.

Это больше, чем я когда-либо слышала от него раньше.

Без всякой видимой причины это заставляет меня почувствовать себя немного лучше.

Совсем чуть-чуть. Всю обратную дорогу до фермы я все еще слышу крики той бедной женщины.

Глава 4

Когда мы добираемся до Новой Гавани, Бретт открывает ворота, чтобы мы могли въехать. Мигель, очевидно, ждал нас. Он стоит рядом с посыпанной гравием подъездной дорожкой, когда мы заезжаем в ворота.

Джексон останавливается, и мы оба выходим. Мигель не стал бы ждать нас здесь, если бы не хотел сказать что-то важное.

Мой желудок скручивает, пока я стою рядом с Джексоном и слушаю.

— Кейден попытался кое-что провернуть, — говорит Мигель, напряженный и явно раздраженный.

— Нас не было меньше шести часов, — тон и выражение лица Джексона стоические, но я вижу, как напряглись его шея и плечи.

— Я знаю. Думаю, он уже некоторое время закладывал фундамент. Пытался втирать, какие вы двое эгоистичные и неразумные, и что остальные должны захватить контроль. В основном просто жаловался, но всегда за этим скрывается что-то реальное. Он никогда не делал этого при мне. Он, должно быть, знал, что не стоит. Но другие сказали, что он уже давно ворчал.

— Так что именно произошло? — спрашивает Джексон.

— Он снова завелся, когда вы уехали. И это было не просто его обычное нытье. Он пытался оценить, сможет ли он сделать ход и избавиться от вас двоих, пока вас не было. Хэм забеспокоился, что это не просто болтовня, и пришел сказать мне, — губы Мигеля слегка кривятся, прежде чем он продолжает. — Я не был уверен, что делать, но решил, что надо что-то предпринять, поскольку ты уже вынес предупреждение. Итак, я поговорил с Кейт, и мы решили сделать то, что ты сделал два года назад с этим ублюдком Робом. Я попросил Хэма и Бретта помочь, и мы отправили его собирать вещи. Спросили, не хочет ли кто-нибудь пойти с ним, и никто не пошел.

Мои брови приподнимаются.

— Значит, Кейден ушел?

— Э-э, да. Его нет уже час. Вы ведь не злитесь, правда?

— Нет, мы не злимся. Он начинал доставлять неприятности, и, похоже, ты поступил правильно. В такой ситуации больше ничего не остается. Если ты позволяешь такому негодованию тлеть, оно всегда нарастает и берет верх, а затем кусает тебя за задницу, — я бросаю взгляд на Джексона, который еще ничего не сказал. — Он сопротивлялся?

— Нет. Не особо. Парням вроде него обычно не хватает духу.

— Верно. Он там долго не протянет, если быстро не найдет себе группу. Он, вероятно, свяжется с людьми наихудшего сорта, — я качаю головой. — Может, даже лучше будет избавиться от него. По крайней мере, он больше не наша проблема.

Мигель кивает в ответ, но затем его взгляд поворачивается к Джексону. Он явно ждет от него какого-то подтверждения.

— Ты молодец, — говорит Джексон, и еще через мгновение напряжение на его лице исчезает. Он крепко хлопает Мигеля по спине. — Спасибо, что разобрался с этим.

Лицо Мигеля расплывается в улыбке облегчения. И чего-то вроде гордости. Это действительно очень трогательное зрелище.

Дом гудит от разговоров о том, что произошло сегодня днем. Мне требуется всего несколько коротких бесед, чтобы убедиться, что на самом деле никто не был на стороне Кейдена, и поэтому в наших рядах не зреет скрытой враждебности. Не все любят меня и Джексона. И некоторых пугает суровая грубость Джексона. Но они знают, что жизнь, которую они ведут здесь, лучше, чем почти все, что они могли бы найти за пределами этих стен. Они понимают, что мы делаем все возможное, чтобы так оно и оставалось.

Однажды мы можем столкнуться с реальным вызовом нашему лидерству. Однажды на нас могут напасть более сильные силы извне и захватить власть. Но ни того, ни другого пока не произошло.

После ужина я уделяю некоторое время изучению своих медицинских книг по двум антибиотикам, которые мы нашли. Один из них, как я и подозревала, довольно мягкий, обычно назначаемый при инфекциях носовых пазух. Другой в основном использовался при инфекциях мочевого пузыря. Ни один из них не кажется идеальным для нужд Молли, но я не нахожу никаких противопоказаний между ними, поэтому решаю просто дать ей оба и посмотреть, что получится.

Судя по тому, что мне рассказали другие, у нее был плохой день, но сейчас ее температура начала немного спадать. Ее глаза закрыты, когда я кладу руку ей на лоб. Она не так горячая, как иногда бывает, и она не испытывает видимой боли или беспокойства.

Оказывается, на самом деле она не спит. Она открывает глаза, когда я прикасаюсь к ней.

— Привет, ты вернулась. Они сказали, что ты отправилась на вылазку.

— Так и было. Вернулась с несколькими антибиотиками для тебя.

— Правда? — ее голубые глаза широко раскрываются. Измученные. — Это то, что ты искала?

— Не совсем, но это в любом случае может помочь. Ты готова проглотить кое-какие таблетки? Я всегда могу раздавить их, если понадобится.

— Думаю, что справлюсь.

Я помогаю ей приподнять голову и сделать несколько глотков воды, чтобы проглотить таблетки. Усилие, кажется, утомляет ее, и после этого она закрывает глаза, а я влажной тряпкой вытираю немного пота с ее лица и шеи.

Закончив, я сажусь на стул рядом с ее кроватью.

Она открывает глаза и снова улыбается мне.

— Спасибо, что нашла их.

— Не за что. Я действительно рада, что все сложилось так легко.

— Если эти синяки на твоих руках о чем-то говорят, то это было не так-то легко.

Я опускаю взгляд на свои предплечья, смутно удивляясь темнеющим там синякам. Я едва их почувствовала.

— Все нормально. Джексон взял на себя большую часть тяжелой работы.

— Держу пари, что так оно и было. Я удивлена, что он вообще отпустил тебя. Обычно он так заботится о тебе.

Что-то в этих словах заставляет меня заерзать на стуле. Я даже не уверена, почему. Я слегка пожимаю плечами.

— Я не оставила ему особого выбора. Ты же знаешь, он мне не начальник.

— Я знаю. Он тоже это знает. Но это не мешает ему относиться к тебе как к драгоценности.

Теперь мне очень неуютно. Что-то глубоко внутри меня, ниже живота, болезненно сжимается.

— Все совсем не так. Он пытается защитить всех нас. Это его работа, и он относится к ней серьезно. Но мы не друзья или что-то в этом роде. Я даже не нравлюсь ему по-настоящему.

Молли начинает дрожать и хрипеть, и на мгновение я впадаю в панику, вскочив, чтобы попытаться помочь ей. Потом я понимаю, что она на самом деле смеется.

— Боже мой, Фэйт, ты очаровательна, — выдыхает она наконец.

— О чем ты говоришь? — приятно видеть, как Молли смеется. Я не видела этого очень давно. Но я сбита с толку и странно встревожена, и мне кажется, что я не контролирую этот разговор, а мне такое никогда не нравилось.

Она мне толком не отвечает. Просто продолжает хихикать.

— Ты «не нравишься» Джеку. Ох, Фэйт. Еще раз спасибо тебе за антибиотики.

Вскоре после этого я уйду в полном непонимании происходящего.

После вечернего собрания той ночью я выхожу вслед за Джексоном на улицу. Сегодня он собирается проверить периметр, потому что Мигеля все еще беспокоит лодыжка.

Из-за странного разговора с Молли я не очень хочу с ним разговаривать, но Джексон казался озабоченным с тех пор, как мы вернулись. Как будто его действительно что-то беспокоит.

И если в нашем маленьком мире что-то не так, то мне нужно знать, что именно.

— Эй, — окликаю я, прежде чем Джексон успеет сделать несколько шагов по подъездной дорожке, ведущей к воротам.

Он останавливается, оборачивается и ждет, пока я подойду к нему. Его глаза изучают мое лицо в свете луны и звезд.

— Что-то не так? — спрашиваю я у него. — Может быть, что-то из-за Кейдена?

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я не знаю. Просто кажется, что ты о чем-то беспокоишься, и это началось, когда Мигель рассказал нам о Кейдене. Ты думаешь, он поступил неправильно?

— Нет, он сделал все верно. Он сделал единственное, что мог, — Джексон долго смотрит в пустое место прямо за моим плечом. Затем он, наконец, произносит хриплым голосом: — Но меня беспокоит, что он там. Кейден. В своем репертуаре. И с известными ему сведениями о нас.

Я втягиваю воздух, следуя за ходом его мыслей.

— Ты думаешь, он доставит нам неприятности?

— Я не знаю. Есть большая вероятность, что он уже мертв. Но он из тех скользких людей, которые всегда умудряются подлизаться к людям настолько, чтобы выжить. Что, если он попадет не в ту компанию... Волчью Стаю или что-то в этом роде... и они решат напасть на нашу ферму? Единственная причина, по которой мы продержались так долго, заключается в том, что самые опасные группировки не знают, что у нас здесь есть. Что, если они узнают? Что, если Кейден расскажет им?

Я скрещиваю руки на животе и напрягаю их.

— Черт. Я даже не думала об этом. Что нам делать?

— Я не знаю, — он качает головой и снова отводит от меня взгляд. — Меня так и подмывает выйти, найти его и убедиться, что он не сможет говорить.

— Джексон! — ахаю я.

— Я знаю, — бормочет он. — Я знаю. Но что, черт возьми, я должен делать? Если придется выбирать между его жизнью и сохранением в безопасности всего, что у меня здесь есть, как ты думаешь, что я выберу?

Я с трудом сглатываю.

— Д-да. Я понимаю это. Но теперь уже слишком поздно, не так ли? Я имею в виду, как бы ты вообще его нашел?

— Сомневаюсь, что я смог бы. И, как я уже сказал, он, вероятно, не продержался там и часа в одиночку. Просто я жалею, что вообще однажды впустил этого ублюдка в наши ворота.

— Я тоже об этом жалею, — я глубоко вздыхаю и снова обнимаю себя. — Что ж, мы готовы защищаться, если понадобится.

— Да. Возможно, я усилю тренировки в течение следующих нескольких недель. Просто на всякий случай.

Я киваю. Это неплохая идея, даже если в конечном итоге для этого не будет никаких причин. Разворачиваясь и возвращаясь в дом, я волнуюсь, но не слишком сильно.

Перед сном я как обычно умываюсь, причесываюсь и надеваю ночную рубашку. Смотрю на себя, мягкую и красивую в мерцающем свете свечей. Пытаюсь узнать себя в девушке в зеркале. Интересно, вот кого видят другие люди, когда смотрят на меня, или же они видят кого-то совершенно другого? Хладнокровного, сдержанного, эффективного человека, которым я стараюсь быть.

В шестнадцать лет я была бы в восторге от того, что выгляжу так, как сейчас. Более чистая кожа. Более пышные изгибы бедер и груди. Какая-то незаметная рельефность мышц на моих руках. Густые, волнистые волосы, которые свисают до середины спины. Я выгляжу взрослой, а не той девочкой, которой была раньше. Но я не уверена, что кто-то еще видит то, что я вижу прямо сейчас. Никто не смотрит на меня с восхищением и не относится ко мне как к сексуальной женщине. Я не получаю комплиментов, и единственные люди, которые заигрывают со мной — это незнакомцы, с которыми мы сталкиваемся за пределами наших стен.

Даже Джексон никогда и намеком не давал понять, что я интересую его как женщина, пока однажды ночью я не появилась в его комнате. Молли рассмеялась, когда я сказала, что не нравлюсь ему, но я никогда не была из тех, кто лжет себе, выдавая желаемое за действительное. Джексон — красивый, мужественный, здоровый двадцатипятилетний мужчина. Ему нравится секс, и он, вероятно, пригласил бы любую готовую, доступную женщину в свою постель так же, как он приглашает меня.

Насколько я знаю, так оно и есть.

Ко мне не приходит откровение, дающее ответ на эти вопросы, поэтому я наполовину приоткрываю окно, чтобы впустить ветерок, и забираюсь в постель под простыню.

Я закрываю глаза и стараюсь не думать о Джексоне.

Обычно я этого не делаю. Обычно я могу сразу же заснуть. Раз в несколько недель, когда я не могу расслабиться, я иду в комнату Джексона и хорошенько трахаюсь, а потом какое-то время снова могу спокойно спать.

Он трахнул меня буквально прошлой ночью. Сегодня ночью я смогу спокойно спать, утолив зуд, по крайней мере, на пару недель. Мне не нужно думать о нем прямо сейчас. Вспоминать, как он выглядел и как звучал, когда я разговаривала с ним на улице некоторое время назад. Представлять, что он мог бы делать прямо сейчас в своей постели, под одеялом, совершенно голый. Представлять, что произойдет, если я снова приду к нему сегодня вечером. Прямо сейчас. Как бы он прикасался ко мне, брал меня, заставлял меня чувствовать.

Я стону и ворочаюсь с боку на бок, уговаривая себя не делать глупостей.

Первый раз у нас был секс восемнадцать месяцев назад. Мы весь день спорили о том, стоит ли расширять старый сарай до шести новых помещений для людей, и, в отличие от большинства наших разногласий, мы не смогли решить этот вопрос до конца дня. Так что я лежала без сна в постели, как сейчас, и снова и снова мысленно спорила с Джексоном. Пока мне, наконец, не надоело, и я не пошла по коридору в его комнату.

Я постучала в его дверь, прежде чем открыть ее, и к тому времени, когда я вошла внутрь, он уже вскочил с кровати, совершенно голый, и целился из пистолета в мою сторону. Такая загорелая кожа и рельефные мышцы. Плоть. Сухожилия. Напряжение. Сила.

И член.

Отведя взгляд от этой части его тела, я выпалила:

— Опустит это, засранец ты этакий. И где твое нижнее белье?

Он опустил пистолет, когда я закрыла за собой дверь его спальни, не желая будить кого-либо еще в доме из-за ссоры, которая, как я думала, вот-вот должна была произойти.

Ее так и не случилось. Вместо ответа Джексон схватил меня и поцеловал, увлекая вниз на кровать настойчивостью своих объятий.

До той ночи я знала, что Джексон был сексуальным парнем, и я могла испытывать к нему физическое влечение, но я никогда не думала о том, чтобы что-то предпринять. Но в ту ночь все изменилось. Мы трахались как животные на его кровати... грубо, неряшливо,

напористо и все еще наполовину злясь друг на друга. Мы оба стонали, приближаясь к кульминации с первобытной настойчивостью, и мне все время приходилось прикусывать свой кулак, чтобы заглушить звуки того, как сильно я кончала и продолжала кончать. Джексон взял меня, закинув мои ноги себе на плечи. Затем сзади, когда я перегнулась через край кровати. Затем я была сверху, скача на нем так энергично, что звуки влажных шлепков смущали меня. Но, похоже, я ничего не могла с собой поделать. Мне это было нужно именно так.

Тогда мне было девятнадцать, но моя настоящая молодость закончилась три года назад. У меня и раньше был секс с парой других парней, но не такой. Это не заставляло меня кончить так сильно. Это не оставляло меня полностью удовлетворенной.

И это не был бессловесный секс в темноте.

Потом, обмякшая, с сильной болью во всем теле, мокрая от пота и грязная от его спермы, я вылезла из постели, чтобы взять свое платье. Я понятия не имела, что ему сказать. Джексон растянулся на кровати, тяжело дыша и уставившись на меня, как будто чего-то ждал.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не вышло. Я прочистила горло.

— Это не должно повториться, — потом я ушла.

Конечно, это повторилось снова. Месяц спустя я снова оказалась в его спальне. На этот раз я даже не постучала. Я просто вошла и закрыла за собой дверь. Джексон никогда не задавал вопросов. Он затащил меня к себе в постель и трахнул именно так, как я хотела.

И с тех пор я постоянно возвращаюсь к нему. Не так уж часто. Не настолько часто, чтобы я терялась в догадках о том, что именно нас объединяет. Ровно столько, чтобы удовлетворить ту глубинную потребность, от которой я, кажется, не могу избавиться.

Я снова чувствую это прямо сейчас. Голод, который пытается пробиться наружу из моего нутра. Но я не могу снова пойти к нему сегодня вечером. Мы только вчера трахались. Еще слишком рано. Какое-то время я должна быть физически удовлетворена.

Мне не нужно, чтобы меня снова трахали этой ночью.

Я продолжаю ворочаться в постели, пытаюсь думать о чем-нибудь другом. В конце концов, я просовываю руку между ног и потираю себя, воображая нелепую фантазию о том, как Джексон прямо сейчас входит в мою комнату, видит, как я трогаю себя, перекидывает меня через колено и шлепает, пока я не кончу снова и снова.

Фантазия заводит меня так сильно, что я кончаю слишком быстро. Поскольку этого недостаточно, чтобы насытить меня, мне приходится попробовать еще раз для более продолжительного и глубокого оргазма, используя два пальца в своей киске. Это требует некоторой работы, но мысль о том, что Джексон отшлепает меня, вызывает достаточное возбуждение, чтобы я достигла действительно хорошей кульминации. Я заглушаю звук своей разрядки подушкой и чувствую, как моя киска сжимается вокруг моих пальцев.

Вот. Этого должно быть достаточно. Я очень хорошо кончила. Мне жарко, я задыхаюсь, и мое тело расслабляется. Я падаю на спину, закрываю глаза и пытаюсь насладиться маленькими отголосками удовольствия.

Я довольно быстро засыпаю, но мне снятся сильные руки Джексона и строгий голос, и пару часов спустя я просыпаюсь с колотящимся сердцем.

Черт возьми. Что, черт возьми, со мной не так? Я не должна быть такой.

Мне придется снова себя удовлетворить.

Иначе...

Со стоном я скатываюсь с кровати, зажигаю свечу и иду по коридору в его комнату. Я вхожу, и половица скрипит на моем третьем шаге.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, Джексон вскакивает с постели. Голый и целящийся в меня из пистолета, как в самый первый раз.

Он моргает, когда понимает, кто это, и тревога на его лице исчезает.

— Фэйт? Господи, что... все в порядке?

Не так он обычно реагирует на мое присутствие в его комнате. Он никогда не притворяется удивленным. Он никогда не подвергает это сомнению. Мы просто делаем то, что делаем, и двигаемся дальше.

Но сегодня он в шоке. Он меня не ожидал. Еще слишком рано. Меня не должно здесь быть. Мы трахались прошлой ночью, и я не должна была возвращаться так скоро.

По какой-то причине его реакция меня огорчает. Я совершила ошибку, придя сюда, и теперь я беззащитна, смущена, нетерпелива. Слишком юная.

С рычанием, которое в основном защищает мои необузданные чувства, я поворачиваюсь на пятках и начинаю выходить из комнаты. Мне вообще не стоило этого делать.

— Фэйт, подожди, — Джексон следует за мной, хватая меня за руку прежде, чем я успеваю дойти до двери, и разворачивает обратно.

Я смотрю на него снизу вверх, свеча в моей руке дрожит.

Он забирает ее у меня и ставит на стол, где я обычно ее оставляю. Затем он наклоняет голову, вглядываясь в мое лицо со странной настойчивостью.

Может быть, он пытается меня раскусить. Он ничего не добьется, потому что даже я сама не могу разобраться в себе.

Затем он хрипло произносит одно слово.

— Котенок.

А потом прижимает меня к стене и крепко целует.

Меня должно раздражать это насмешливое прозвище, но это не так. Как ни странно, это реально возбуждает меня. Я хватаю Джексона за шею и открываюсь для поцелуя, и прежде чем успеваю опомниться, я уже обхватываю одной ногой его бедра и трусь своей ноющей киской о его ногу.

Он не был твердым, когда начал целоваться, но сейчас он тверже некуда. Я чувствую, как его член прижимается ко мне, когда его язык проникает в мой рот, а его руки обхватывают мою голую попку под сорочкой. Сорочка, очевидно, мешает ему, потому что он нетерпеливо срывает ее, прерывая поцелуй, чтобы стянуть ткань через мою голову.

Я не уверена, кто из нас начинает процесс, но довольно скоро я раздвигаю ноги, чтобы он мог согнуть колени и приставить свой член к моему входу. Он толкается внутрь, поднимая меня, крепко прижимая к стене, а мои ноги полностью обхватывают его.

Я задыхаюсь от удовольствия при тугом проникновении. Я прислоняюсь головой к стене, пока Джексон удерживает нас совершенно неподвижно. Он тяжело дышит мне в шею, и я умираю от желания.

— Двигайся, Джексон, — требую я резким шепотом. — Пожалуйста. Трахни меня жестко.

Он издает гортанный звук и начинает двигать бедрами. Я зажата между стеной и его телом, поэтому могу принимать только то, что он мне дает. Он набирает сильный, энергичный ритм тугих толчков, и я сжимаю его руками, ногами и киской. Наше тяжелое дыхание превращается в тихое, животное урчание, когда мы набираем обороты, и я сильно прикусываю его обнаженное плечо, кончая в глубоких, мощных спазмах.

Я едва успеваю прийти в себя, как Джексон переносит меня на кровать, раздвигает мои ноги и становится на колени между ними, чтобы снова трахнуть меня в другой позе. На этот раз я могу видеть его лучше, и он лицезреет меня распростертой, обнаженной и полностью открытой его взгляду.

Я не могу лежать спокойно. Как будто в меня вселилась бесстыдная незнакомка. Я ласкаю свою грудь, пока он трахает меня, пощипываю свои соски почти до боли. Затем я тру клитор до тех пор, пока не начинаю трепетать вокруг его члена, но Джексон не перестает трахать меня. Его глаза скользят вверх-вниз по моему телу, как будто он пытается переварить все, что видит.

Моя голова беспокойно мечется на матрасе. Волосы падают мне на лицо. Мое тело необузданное, дикое и мучительно нуждающееся. Я снова кончаю. Джексон опускает мою

задницу и сгибает мое тело так, что мои лодыжки оказываются у него на плечах. Затем он снова принимается трахать, пока я не начинаю всхлипывать и не прижимаюсь к его груди, чтобы заглушить звуки.

Когда я кончаю на этот раз, Джексон издает сдавленный звук, как будто вот-вот потеряет контроль. Он меняет наше положение, освобождая мои ноги и вынимая свой член как раз вовремя, чтобы кончить мне на живот.

Справившись со спазмами своего оргазма, он падает на кровать рядом со мной, выглядя таким же измученным, как и я.

Несколько минут я не могу пошевелиться. Я буквально не могу пошевелиться, только судорожно дышу.

Однако эта глубинная жажда наконец-то получила утоление. Вот что мне было нужно с самого начала.

Свеча мерцает в темноте. Я вытираю простыней пот со своего лица и его сперму со своего живота. Я пытаюсь найти в себе силы встать и вернуться в свою комнату, чтобы наконец-то немного поспать.

Все еще неровно дыша, Джексон поворачивает голову в мою сторону.

— Ты в порядке?

Я не отвечаю на этот вопрос. По какой-то причине это меня смущает.

После этого мне удается уйти.

Глава 5

Я не знаю, почему — это, конечно, не сознательное решение — но я хожу в комнату Джексона каждую ночь в течение всей следующей недели.

Он больше не задает вопросов, так что мне не нужно стесняться. Я просто появляюсь в темноте, и мы трахаемся. Он переполнен таким же энтузиазмом, как и я. Кажется, ему не надоедает, он не устает, не сбит с толку и не нуждается в передышке. Его даже не волнует, что нам приходится пережить четыре ночи моих месячных. Я просто беру с собой полотенце, чтобы мы не испачкали его простыни.

Если бы Джексон задал хотя бы один вопрос о том, почему я изменила свои привычки, я бы снова начала оставаться в своей комнате. Но он не спрашивает. Это просто секс в темноте. Это не обязательно должно что-то значить. Мы можем просто заниматься этим.

На данный момент это помогает мне чувствовать себя лучше, поэтому я продолжаю возвращаться туда каждую ночь.

Это не может длиться вечно. Во-первых, еще через неделю или около того у меня наступит самое фертильное время цикла, и даже если он вытасчит, заниматься сексом в это время не очень хорошая идея, если только я не готова рискнуть забеременеть.

Я бы не возражала однажды завести ребенка.

Но не так, как сейчас.

Хорошо, что на следующей неделе нам придется остановиться. Может, необходимый перерыв поможет мне посмотреть на ситуацию со стороны, и я смогу вернуться к тому состоянию, когда мне не нужно каждую ночь чувствовать тело Джексона, прижимающееся к моему, и его руки, обнимающие меня.

В любом случае, у меня есть более важные вещи, о которых стоит беспокоиться. В течение первых трех дней после начала приема антибиотиков у Молли наметились некоторые улучшения. Я была полна надежд. Я действительно думала, что, может быть, лекарство подействует. Но мне не следовало быть оптимисткой. В конце концов, это не тот мир, где когда-либо смягчаются удары. Последние несколько дней доказали, что мои надежды глупы и наивны.

Молли снова стало хуже, и сегодня утром она в том же состоянии, в каком была до того, как мы начали принимать антибиотики на прошлой неделе.

Я пытаюсь сохранить улыбку на лице, когда проверяю у нее температуру, охлаждаю ее влажной салфеткой, даю выпить немного куриного бульона и принять утренние таблетки.

— Тебе необязательно пытаться одурачить меня, — говорит она слегка надломленным голосом после того, как ей удалось проглотить таблетки. — Я знаю, что дела у меня не очень хорошо.

— У тебя все хорошо.

Она качает головой, ее голубые глаза серьезно смотрят мне в лицо.

— Они не работают, не так ли?

Я пожимаю плечами.

— Мы не знаем этого наверняка.

— Да, знаем. Все в порядке, Фэйт. В любом случае, надежда была лишь небольшой.

— Небольшая надежда лучше, чем никакой. Если понадобится, я достану тебе антибиотики получше.

— Ты не можешь совершать такое долгое путешествие всего лишь в надежде найти то, что мне нужно.

— Еще как могу.

— Джек тебе не позволит.

— Не Джексону принимать это решение, — мой голос холоден, но она поймет, что эти эмоции адресованы не ей.

— Что ж, тебе придется убедить его, если только ты не хочешь рисковать. Вдруг он забаррикадирует тебя в шкафу, чтобы уберечь от опасности, — теперь она почти улыбается.

Я качаю головой и закатываю глаза, стараясь не улыбнуться в ответ.

— Пусть только попробует провернуть что-нибудь в этом роде. Посмотрим, кто выйдет победителем.

Лучше бы я не произносила этих слов. Буквально прошлой ночью я была сверху, оседлав Джексона, пока он тер мой клитор, а я кончала снова и снова. Я краснею при воспоминании, а потом ненавижу себя за то, что была такой глупой.

Может быть, Молли видит что-то на моем лице. Она спрашивает притворно небрежным тоном:

— Как у тебя вообще дела с ним?

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Ты мне скажи. Просто в последнее время у него, кажется, стала более пружинистая походка, и всякий раз, когда он заходит повидаться со мной, создается впечатление, будто он вот-вот улыбнется.

Я хмурюсь. В последние дни Джексон казался мне примерно прежним. Только по ночам мы чаще занимаемся сексом.

— Джексон не улыбается.

— Я знаю! Вот почему это примечательно. Я подумала, может быть, что-то намечается.

Я снова закатываю ей глаза и останавливаю себя от чрезмерно острой реакции.

— Ничего не намечается. Тебе все мерещится.

— Ладно. Может быть, — она не выглядит убежденной.

— Ты действительно думаешь, что я влюблюсь в такого жесткого, стоического мудака, как он?

— Я думаю, ты очень хорошо его знаешь, — крайне тихо говорит Молли. — И поэтому ты знаешь, что в нем есть нечто гораздо большее, чем это.

В этом она права. Я знаю, что он — нечто большее, чем показывает миру. Точно такой же, как и я сама. Точно такой же, как и все, кто все еще пытается выжить в компостной куче, в которую превратился этот мир после Падения.

Я прочищаю горло.

— В любом случае, это не имеет значения. Прямо сейчас единственное, о чем я забочусь — это о том, чтобы тебе стало лучше. Если мне придется еще раз отправиться за антибиотиками, я это сделаю.

Выражение ее лица меняется.

— Я не хочу, чтобы ты рисковала своей жизнью ради меня, Фэйт. Я не хочу, чтобы кто-либо это делал. Все в порядке, просто отпусти меня.

Мое горло сжимается так резко, что становится больно. Я едва могу проглотить ком.

— Перестань нести чушь. Я не собираюсь тебя отпускать.

Я расстраиваюсь, когда ухожу от Молли, и не хочу ни с кем разговаривать, поэтому вместо того, чтобы помогать в саду или со стиркой, я бреду на кухню, где все еще стоит немытая посуда после завтрака.

Предполагалось, что этим займется Лэнгли, но ее вызвали помочь со стиркой, где им понадобилась дополнительная пара рук. Поскольку что-нибудь бездумное — это именно то, что мне сейчас нужно, я наливаю воду в одну из раковин, добавляю немного мыла и принимаюсь за работу.

Я заканчиваю примерно половину работы, когда не могу удержаться от воспоминаний о том, что сказала Молли в конце. О том, чтобы отпустить ее. Я смотрю на раковину, мои руки погружены в мыльную воду, и я закрываю глаза, борясь с волной эмоций, которая накатывает на меня.

Если бы мне было шестнадцать, я бы залилась беспомощными слезами, но сейчас я не плачу. Я вообще не плачу.

Я не уверена, что вообще способна заплакать.

Мне вдруг захотелось, чтобы сейчас была ночь. Чтобы я могла быть с Джексоном. Почувствовать его дыхание, его тело, его руки.

Это часть проблемы, когда дело касается регулярного секса с ним. Я начинаю нуждаться в этом не только для отдыха, но и по другим причинам, и это нехорошо для меня.

Я пытаюсь взять себя в руки, когда чувствую чью-то руку на своей спине.

Люди не прикасаются ко мне. Никто больше не прикасается ко мне, кроме Джексона, и то только в темноте спальни. Поэтому ощущение руки на моей спине заставляет меня ахнуть и дернуться.

Это Джексон. Стоит рядом со мной, положив свою большую ладонь мне между лопаток. Он не встречается со мной взглядом, и это единственная причина, по которой я не отстраняюсь.

Мне нравится чувствовать его руку. Это ненавязчиво. Поддерживает. Придает мне сил, и я нуждаюсь в этом. Мне это *необходимо*.

Так же сильно, как мне необходимо, чтобы он трахал меня каждую ночь.

И это гораздо страшнее, чем все остальное.

Я стою совершенно неподвижно, внутренне содрогаюсь и не в силах отстраниться, пока он, наконец, мягко не спрашивает:

— Как она?

Я качаю головой.

— Нехорошо. Мы потеряем ее, если не получим лучшие антибиотики.

Джексон отвечает не сразу, но природа этого молчания иная. Он собирается возразить. Я знаю это и осторожно отодвигаюсь от его руки.

— Мы должны пойти, — выдавливаю я из себя. — Мы *должны*.

— Ты действительно хочешь рискнуть двумя нашими жизнями в призрачной надежде, что мы, возможно, сможем спасти одну? Что это за математика такая?

— Это не математика! Она — личность. Она человеческое существо, и она была одной из нас с самого начала. Я не позволю ей умереть, если мы можем что-то сделать, чтобы спасти ее.

— Ты понятия не имеешь, может ли эта вылазка спасти ее, но ты все равно хочешь это сделать, — теперь он суров. Сердит. Я слышу это в его мягком голосе и вижу в глазах, которые, кажется, с каждым мгновением становятся все более серыми.

— Да, я все равно хочу это сделать. Я говорила тебе. Я не собираюсь просто позволять ей умереть. *Я не могу.*

— Ты потеряла своих маму и папу, Брэда, Рикки, Грету, Даниэль, Монику, Стивена и по меньшей мере двадцать других наших людей здесь. Но теперь ты готова пойти на иррациональные меры, чтобы спасти одну из них?

Я дрожу. Заметно. Я знаю, что Джексон это увидит, но, похоже, ничего не могу с собой поделать.

— Да. Меня не волнует, что это иррационально. Я должна это сделать.

— Тогда скажи мне почему.

Я смотрю на его напряженное, влажное лицо.

— Скажи мне, — хрипло произносит Джексон. — Скажи мне сейчас.

Я открываю рот в ответ на его настойчивость, но, по правде говоря, я понятия не имею, что сказать. Понятия не имею, как объяснить принуждение, которое продолжает толкать меня на это, хотя я никогда раньше не поступала так опрометчиво.

Поэтому вместо этого я делаю долгий, прерывистый вдох и говорю:

— Что бы ты ни думал, последнее слово здесь не за тобой. Если я решу, что нам нужно это сделать, ты не сможешь меня остановить.

— Не смогу? — в его голосе есть что-то почти опасное.

— Ты действительно думаешь, что победил бы, если бы мы провели вотум доверия среди здешних жителей?

— Нет. Ты бы получила больше голосов. Но почти все лучшие бойцы встали бы на мою сторону.

Моя голова непроизвольно откидывается назад.

— Ты действительно применишь силу, чтобы попытаться добиться своего против меня?

— Нет! — это единственное слово звучит негромко, но в нем слышится что-то похожее на отчаяние. — Это ты угрожаешь отстранить меня от руководства, потому что не можешь отказаться от этой самоубийственной миссии, за которую ухватилась без единой весомой причины.

— Я не собираюсь устраивать голосование против тебя! — мои глаза щиплет, так что я почти ничего не вижу. — И это не самоубийственная миссия. Все наши поездки и вылазки за припасами в течение последних шести месяцев проходили гладко. Мы знаем, что делаем. Там уже не так опасно, как раньше. Мы можем держаться подальше от дорог. Мы можем это сделать. Возможно, есть какой-то способ спасти ее. Джексон, пожалуйста.

Он смотрит на меня сверху вниз, дыша так тяжело, как будто только что пробежал по всему периметру фермы. Наконец, он бормочет:

— Можем мы просто подождать еще пару дней? Разве это не десятидневный курс антибиотиков? Мы можем точно узнать, работают они или нет. Тогда мы сможем продолжить этот разговор.

Я знаю, что антибиотики не помогают. Еще пара дней ничего не изменит. Но я также не могу больше спорить с Джексоном прямо сейчас.

— Ладно, — бормочу я, поворачиваясь обратно к тарелкам, которые мне еще нужно закончить мыть. — Но это будет в последний раз.

Я не уверена, почему я так легко оставила эту тему. У меня просто сейчас больше нет сил бороться.

Решение принято за нас на следующий день, когда ломается топливный насос на тракторе.

Джексон тратит весь день, пытаясь отремонтировать его. Он неплохой механик, но никогда не обучался этому ремеслу и в основном учился на практике. Он не может реконструировать сложную часть механизма без рабочих деталей.

К вечеру становится ясно, что он не сможет устранить поломку, а без трактора мы никогда не сможем поддерживать тот образ жизни, который мы здесь установили.

Нам нужен исправный трактор, и единственный способ получить его — это добыть новый или использованный, но работающий насос, которым мы сможем заменить наш. Мы прочесали все прилегающие районы. Здесь поблизости нет ничего подобного. Нам придется поискать в другом месте.

Джексон все еще возится с трактором после ужина, и я иду в гараж, чтобы найти его.

— Черт возьми, — бормочет он, склонившись над двигателем. — Черт бы побрал все это в саму преисподнюю!

Матерясь, Джексон не знает, что я подхожу, но я могу определить момент, когда он чувствует мое присутствие. Его руки замирают. Плечи напрягаются.

— Не получается? — нейтрально спрашиваю я. Это вежливое завязывание разговора, поскольку я уже знаю ответ.

— Нет, — он выпрямляется, чтобы посмотреть мне в лицо. Затем разочарованно выдыхает. — Черт.

— Нам нужен трактор, и мы вряд ли найдем здесь работающий насос, который можно было бы использовать.

— Я знаю это.

— Итак, мы можем вернуться к разговору, который начали вчера?

Джексон выглядит сердитым, измученным и таким же смиренным, какой я чувствовала себя вчера.

— Ты действительно думаешь, что там будет валяться именно та деталь, которая нам нужна?

— Я думаю, что это сельская местность, а марка этого трактора — «Джон Дир», и, вероятно, в том районе было много тракторов, которые люди не взяли с собой, когда мигрировали. Там больше шансов найти что-нибудь, чем сидеть здесь и надеяться, что что-нибудь упадет нам на колени.

— И ты хочешь поискать антибиотики.

— Да.

Джексон долго смотрит на меня, и я вижу точную секунду, когда его внутренняя борьба прекращается.

Поэтому я спрашиваю:

— Кого ты хочешь отправить со мной? — он начинает возражать, но я продолжаю прежде, чем он успеет. — Мне нужно отправиться. Мы уже говорили об этом. Никто другой не сможет распознать антибиотики, которые могут сработать.

Он издает горловой звук, но затем его плечи и челюсти расслабляются.

— Ладно. Ты поедешь. Шанс, что тот, кого я выберу отправиться с тобой, вернется живым — всего лишь 50:50. Чьей жизнью, по-твоему, мы должны так рисковать?

Я прищуриваюсь, выдерживая его взгляд.

— Значит, ты и я?

Джексон наклоняет голову в быстром полупоклоне.

— Ты и я.

— Ладно. Мы отправимся первым делом утром.

Если в поездке все пойдет хорошо, нас с Джексоном не будет всего на два дня, но нет никаких оснований предполагать, что все пройдет хорошо. Мигель и Кейт так же хороши в поддержании порядка на ферме, как и мы с Джексоном, так что все должно быть в порядке, пока нас не будет, но это все равно заставляет меня нервничать. Поэтому я даю Кейт целый список инструкций после вечерней встречи.

Джексон, должно быть, тоже нервничает, потому что он делает то же самое с Мигелем.

В течение пары дней после того, как Кейдена выгнали, Джексон выходил на несколько часов без объяснения причин. Я знаю, что он искал Кейдена, чтобы убедиться, что тот не доставит нам неприятностей.

Очевидно, он не смог его найти, но это, вероятно, хороший знак. Ни одна банда или Волчья Стая не пыталась прорваться к нашим воротам. Кейдена, скорее всего, убили еще до того, как он отъехал хотя бы на десять миль. Я понимаю, почему Джексон беспокоился по этому поводу, но мы не можем откладывать всю нашу жизнь на потом из-за того, что ему могло повезти, и он связался с опасными компаньонами. Наша оборона здесь хороша, и Мигель с Кейт могут удерживать ее так же хорошо, как Джексон и я.

Молли умрет, если мы ничего не предпримем, и нам нужен работающий трактор. Мы больше не можем откладывать эту поездку.

Мне все еще тяжело думать о том, чтобы оставить Новую Гавань на целых два дня, и я чувствую беспокойство, когда умываюсь перед сном.

Я хочу пойти в комнату Джексона. Это заставит меня почувствовать себя лучше. Я даже начинаю спускаться по коридору, почти дрожа от желания добраться до него.

Но я останавливаюсь посреди коридора.

Это просто не идет мне на пользу. Я не могу так сильно нуждаться в ком-то.

Мне нужно поработать над тем, чтобы стать более сильной. Более самостоятельной.

В конце концов, Джексон может умереть в любой момент, и я останусь совершенно одна.

Именно осознание этой реальности и полное отчаяние, которое вызывает во мне такая перспектива, заставляют меня развернуться и направиться обратно в свою комнату.

Мне не так уж сильно нужен секс. Мне ничто не нужно настолько сильно. Я избавлю себя от этой странной одержимости, которая у меня развилась, и я стану лучше и сильнее, когда смогу избавиться от нее.

Я должна утвердиться в этом решении, поскольку оно должно быть правильным, но я все равно не могу заснуть, когда ложусь в постель. Я ворочаюсь с боку на бок, волнуюсь и веду мысленные споры сама с собой, и представляю, о чем подумает Джексон, когда я не появлюсь сегодня вечером.

Ночь почти закончилась, мне так и не удалось выспаться, и я со стоном встаю. Еще через час рассветет. Больше нет смысла лежать в постели и быть несчастной. В любом случае, есть несколько организационных вопросов, о которых я хочу позаботиться, прежде чем мы отправимся в путь.

Джексон всегда встает раньше всех. Есть хороший шанс, что он уже проснулся. Я пойду обговорю с ним пару вещей, а потом оденусь и буду готова к поездке.

Может, это результат недосыпания и моей рассеянности, но мне это кажется вполне разумным планом, когда я иду босиком по коридору и легонько стучу в его дверь.

Обычно я не стучу, но сейчас нетипичное время, и я здесь не для секса.

Я слышу ворчание, которое доказывает, что Джексон проснулся, поэтому я распахиваю дверь и вхожу внутрь.

Он явно только что встал с постели, что меня удивляет. Он совершенно голый и, хмурясь, приближается ко мне.

— Какого черта тебя так долго не было? — хрипло требует он, прежде чем захлопнуть за мной дверь и подхватить меня на руки.

Я разеваю рот, мое сердце бешено колотится, а щеки вспыхивают.

— Я... Я пришла сюда не ради секса. У меня было несколько... несколько... вопросов, — последнее слово звучит как громкое оханье, потому что он бросил меня на свою кровать.

Джексон забирается на меня.

— Вопросы позже. Сначала это.

Затем он целует меня крепко и настойчиво, и это последнее, чего я от него ожидаю.

Я могла бы оттолкнуть его. Если бы я была умной и настолько приверженной решениям, принятым прошлой ночью, как мне хотелось бы, я бы сделала это. Я бы остановила его.

Но когда его губы накрывают мои, все внутри меня оживает, и вместо того, чтобы оттолкнуть его, я обвиваю руками его шею, притягивая ближе.

Мы долго целуемся. Я прижимаюсь к Джексону и обвиваю его ноги своими. Он просовывает руки мне под сорочку, чтобы потрогать меня всю.

Наконец, он спускается к моей шее и покусывает ее, посасывает точку пульса. Он срывает с меня платье через голову, прежде чем двинуться дальше вниз по моему телу.

Джексон занимается моей грудью до тех пор, пока я не начинаю извиваться и беспомощно хныкать. Я так возбуждена, что подтягиваю его плечи повыше к своему телу, чтобы мы могли перейти к главному действию, но он сопротивляется.

— Джексон, — выдыхаю я, поднимая голову, чтобы посмотреть вниз на то, как он опускается еще ниже по моему телу, целуя линию, пересекающую мой живот. — Что... что...?

Я не заканчиваю вопрос. Я не могу, потому что он раздвигает мои бедра и прижимается носом к моей горячей киске. Он глубоко дышит и издает горловой звук, который посылает крупицу удовольствия от моего естества до самого сердца.

Затем он раскрывает меня, чтобы подразнить клитор языком. Я издаю задыхающийся звук, затем еще один. Я широко раздвигаю ноги и вжимаю ступни в матрас, пока он с удивительным мастерством ласкает меня языком.

Не то чтобы я удивлена, что Джексон хорош в сексе. Очевидно, что он хорош. Без вопросов. Но он не мягкий, неспешный, осторожный любовник, и я не думала, что он будет хорош *в этом*.

Я даже не знаю точно, зачем он это делает. Он никогда раньше этого не делал.

Я продолжаю пытаться что-то сказать, пока Джексон ласкает меня пальцами и ртом. Может, объяснить, что я не ожидала этого, когда пришла в его комнату. Может, спросить его, что вообще здесь происходит. Но я не могу выдать из себя ни слова, даже если бы хотела сказать что-то связанное. Я издаю множество мяукающих и хрипящих звуков по мере того, как оргазм нарастает и продолжает нарастать.

Через некоторое время Джексон засовывает два пальца в мою киску, прижимая их к моей точке G. И он наклоняется, чтобы дотянуться до моего клитора и несколько раз влажно, сильно пососать его.

Я полностью распадаюсь на части, выгибаюсь дугой и кричу от ощущений, которые сотрясают мое тело. Когда я начинаю приходить в себя, это становится почти облегчением, но Джексон еще не закончил. Он продолжает свои манипуляции до тех пор, пока я не кончаю снова и снова.

Я стараюсь быть тихой. В конце концов, все остальные в этом доме спят. Но, кажется, я не могу полностью заглушить отчаянные звуки, которые слетают с моих губ. Слезы текут по моим щекам, и у меня першит в горле, когда Джексон наконец выпрямляется, глядя на меня сверху вниз с почти волчьей улыбкой.

— Не будь таким самодовольным, — говорю я ему, в основном потому, что это нужно было сказать. Он действительно заслуживает того, чтобы немного побыть самодовольным после такого результата.

Джексон тихо и мягко усмехается, сдвигаясь вверх по моему телу, и снова целует меня, так же долго, как в прошлый раз, так же жадно.

Он действительно возбужден. Его член тверд и зажат между нашими телами. Я трусь об него, пока он не начинает стонать мне в рот, и мои движения, в конце концов, снова заставляют его действовать.

Он раздвигает мои ноги, чтобы освободить для себя место, а затем помогает мне обхватить ногами его талию и толкает свой член внутрь меня, заставляя нас обоих застонать.

Ему не требуется много времени, чтобы кончить. Не после всего, что произошло, и не тогда, когда он так глубоко. Он делает короткие, быстрые движения, при каждом толчке выдыхая повторяющееся слово, которое звучит как «котенок». Я продолжаю пытаться закинуть ноги повыше ему на спину, принять его глубже. Это причиняет боль, но именно такую, как мне хочется.

Мне это нужно.

Джексон издает сдавленное восклицание прямо перед тем, как достигает кульминации. Я расслабляю ноги, и ему удается выйти из моей киски как раз вовремя, чтобы кончить мне на бедро.

На минуту я засомневалась, успеет ли он вовремя, и отчасти мне понравилась эта идея.

Это не та часть меня, которой можно потакать прямо сейчас. Я запикиваю эту мысль обратно в тугий комочек в темном уголке своего сознания, где она меня не побеспокоит.

Мы оба отчаянно задыхаемся, и наша потная кожа слипается, пока Джексон пытается высвободиться из моих объятий, падая на спину рядом со мной.

— Это было... — хрипит он.

— Да, — соглашаюсь я. — Да.

Кажется, я пока не могу пошевелиться. Все мое тело ноет и пульсирует, и меня переполняет глубинное удовлетворение. Но Джексон находит в себе достаточно энергии, чтобы опуститься на пол, схватить свою рубашку и стереть сперму с моей кожи, прежде чем повернуться на бок лицом ко мне.

— Итак, — говорит он с легким намеком на улыбку в уголках рта. — Какие вопросы ты хотела мне задать?

Мы разговариваем около пятнадцати минут, обсуждая логистику поездки, о которой я раздумывала ранее. К тому времени начинает всходить солнце, так что мне нужно вернуться в свою комнату, чтобы одеться и подготовиться к предстоящему дню.

Я выхожу в коридор и осторожно закрываю дверь его спальни, чтобы не было слышно ни звука. Я поворачиваюсь к своей комнате, когда внезапно сталкиваюсь с Лэнгли, которая, должно быть, пошла в кладовку за прокладками для месячных, которые держит в руках.

Ее глаза расширяются, когда она осознает мое присутствие и то, из чьей комнаты я только что вышла.

Мои щеки горят, и немедленное (фальшивое) оправдание готово сорваться с моих губ, но я останавливаю себя, чтобы не произнести его.

Вместо этого я слегка машу ей рукой и направляюсь в свою комнату, и никто из нас ничего не говорит.

Вероятно, было ошибкой идти в комнату Джексона этим утром. Теперь Лэнгли может рассказать остальным, и все может стать странным или запутанным.

Я этого не хочу.

Я даже не знаю точно, чего именно я хочу.

Но, несмотря на предстоящие осложнения, я, кажется, не могу убедить себя, что сегодняшнее утро было ошибкой.

Глава 6

Когда я в последний раз уезжала из Новой Гавани больше, чем на день, мне было шестнадцать. С момента Падения жизнь ограничилась примерно сотней миль вокруг фермы.

Раньше мне нравились автомобильные поездки. Сидеть в машине и смотреть на проплывающие мимо пейзажи. Позволять своим мыслям блуждать. Ожидать, что может появиться за следующим поворотом дороги.

Путешествовать сейчас слишком опасно, поэтому я не смогла бы отправиться в путешествие просто ради развлечения, даже если бы в моей жизни было время на такие поездки. Но примерно в полдень, когда мы с Джексоном направляемся на восток, у меня возникает ощущение именно такой прогулки на авто.

Чтобы найти самый безопасный маршрут, мы изучили старую бумажную карту Кентукки, которая принадлежала моим родителям. По большей части мы сторонимся крупных дорог, придерживаясь троп и пастбищ. В этой части штата есть населенные пункты, все забаррикадированные и защищенные, но мы можем избегать их, так как большинство из них уже отмечены на карте. Некоторые из них, о которых мы раньше знали, оказались заброшены за последние пару лет. По мере того как ресурсы иссякали или вымирало слишком много людей, целым городам приходилось мигрировать.

В разгар угрозы от стад люди бежали к военным базам, многие из которых еще держали оборону. Но поскольку стада рассыпались, почти все теперь направляются в центр страны, потому что он меньше пострадал от стихийных бедствий и, очевидно, имеет больше продовольствия, припасов и доступной инфраструктуры.

Сейчас в поле зрения нет ни души — только акры заросших пастбищ и несколько лесистых холмов вдалеке. Джексон и я взяли квадроцикл вместо грузовика, чтобы мы могли передвигаться по разным участкам бездорожья, и ветер швыряет мне в лицо волосы, которые выбились из моего конского хвоста.

Я нетерпеливо убираю пряди и бросаю взгляд на Джексона, который уже почти час рулит молча. Некоторое время назад мы остановились пообедать и немного поболтали о нашем маршруте, но Джексон не из разговорчивых, так что я знаю, что не стоит ожидать непринужденной беседы.

Но тишина начинает действовать мне на нервы. Пустота окружающего нас ландшафта, хотя это означает, что мы в безопасности. Я понятия не имею, о чем думает Джексон. О чем он думал весь день.

— Здесь так пусто, — говорю я наконец. Просто один из тех бессодержательных комментариев, которые люди используют, чтобы заполнить паузу.

Он переводит взгляд, его глаза быстро изучают мое лицо, прежде чем снова повернуться к грунтовой дороге, на которую мы выехали некоторое время назад.

— Да. Это хорошо.

— Раньше здесь не было так пусто, не так ли? Я имею в виду, раньше. Я не помню, чтобы даже в сельской местности чувствовалось что-то подобное.

— Там не было настолько пусто. Люди ушли. Или умерли. С каждым месяцем эти места становятся все более заброшенными.

— Я думаю, сейчас мы в глуши. На окраине. Поскольку побережья полностью опустели, — никто из тех, кто остался на обоих побережьях, не выжил в течение первых двух лет. Череды ураганов на востоке и постоянные землетрясения на западе сделали жизнь там почти невозможной. — Все направились в центр.

— Ага.

Я на мгновение замолкаю, размышляя. Чувствую себя лучше теперь, когда Джексон разговаривает со мной.

— Ты когда-нибудь думал об этом?

— Думал о чем?

— О том, чтобы мигрировать. Направиться в центр. Мы постоянно слышим о городах, которые реорганизуются и перестраиваются заново. Предположительно, сейчас в Хьюстоне и Чикаго есть электричество и вода, а довольно скоро все это появится и в Сент-Луисе. Особенно теперь, когда стада распались, они, вероятно, смогут расширяться и застраиваться. Открывать больницы, школы и церкви.

— Всем управляет военизированное руководство, — бормочет Джексон.

Я смотрю на его лицо и с удивлением замечаю, что оно помрачнело.

— Возможно, все не так уж плохо. Я уверена, есть места, где это не диктатура.

— Значит, ты хочешь уехать? — хрипло спрашивает Джексон, бросив еще один быстрый взгляд в мою сторону. — Вот чего ты хочешь?

— Я этого не говорила! Я просто задала вопрос. У нас в Новой Гавани все довольно хорошо, но у большинства людей здесь нет наших ресурсов, поэтому я понимаю, почему они хотели бы мигрировать и искать что-то более безопасное и близкое к... нормальному.

— Прежней нормы больше не существует. И я не собираюсь отказываться от того, что у нас есть, ради призрачной мечты о мире, который мы когда-то знали. К некоторым из нас прежний мир с самого начала был не так уж благосклонен.

Мои глаза расширяются от этого комментария. От того, что он разглашает.

— Да. Думаю, это правда, — я замираю на несколько мгновений, и что-то внутри меня сжимается от моих размышлений. Затем я, наконец, продолжаю: — Но прежний мир не был... не был таким уж плохим для тебя, не так ли? Ну то есть, я думала, у тебя все было хорошо. С моими родителями. На ферме. Я уверена, что для тебя это не было воплощением мечты, но я думала, что это было... неплохо.

— Я не имел в виду Новую Гавань. Я имел в виду то, что было до нее, — теперь Джексон немного расслабился. Выглядит не таким уж встревоженным. — Когда я был ребенком. Мир был для меня весьма отстойным, пока твои родители не приютили меня, — он прочищает горло. Немного ерзает на своем сиденье. Не смотрит мне в глаза. — Для меня это было своего рода воплощением мечты. Приезд в Новую Гавань.

Я никогда не слышала, чтобы Джексон раскрывал что-то настолько личное. Такое серьезное. Ни разу за все те годы, что я его знаю. Мое сердце болит так сильно, что мне приходится поднести руку к груди, будто я могу каким-то образом удержать все чувства внутри. Мои губы приоткрываются, потому что я чувствую, что должна что-то сказать, но слова не выходят.

Джексон бросает на меня несколько быстрых взглядов.

— Разве ты этого не знала? — спрашивает он наконец.

Я качаю головой.

— Я думала, что эта жизнь стала более хорошей для тебя, но я не знала, что...

«Что ты любил эту жизнь». Вот что я собиралась сказать.

Эти слова кажутся запретными. Как будто они отказываются быть произнесенными вслух.

— Ну, а я знаю, — бормочет Джексон, как будто я закончила свою мысль. — У меня никогда не было другого дома, кроме этого. Так что я не собираюсь отказываться от него ради призрачной фантазии о лучшей, безопасной жизни где-то в другом месте.

— Я правда не предлагала нам уехать. Это была просто случайная мысль.

Джексон молчит с минуту, но его лицо слегка искажается, как будто он переживает некую внутреннюю борьбу. Затем он, наконец, выпаливает:

— Почему у тебя вообще возникают такие мысли?

Я моргаю, удивленная и тоном, и словами.

— Что?

— Почему ты вообще думаешь об этом? Ты настолько несчастлива?

— Нет, нет! — мой ответ выходит более пылким, чем я намеревалась. — Это всего лишь мысли. Они есть у людей постоянно, и они не обязательно должны что-то значить.

— Но обычно они все же имеют значение. И что-то гложет тебя уже некоторое время, — Джексон хмуро смотрит на дорогу перед нами. — Почему, бл*ть, ты не хочешь сказать мне, в чем дело?

— Это не так... Это... — я пытаюсь заговорить. Попытаться объяснить. Я искренне стараюсь. Я не знаю, почему я не могу вымолвить ни слова.

— Это что? — он притормозил так, что квадроцикл едва ползет, и напряженно наклоняется ко мне. — Черт возьми, котенок, скажи мне!

— Я не знаю! Прости, но я просто не знаю. Я чувствую беспокойство. Нервозность. Как будто я хочу, чтобы что-то произошло. Как будто я хочу что-то изменить. Но я действительно не знаю, что это такое, — все слова вылетают беспорядочным лепетом, и я шокирована этим признанием. Насколько это личное. И как я просто выплеснула все это наружу.

— Ты хочешь что-то поменять? — теперь его голос стал мягким и фактурным. Уже не торопливым.

Я пожимаю плечами, уставившись на свои руки.

— Я знаю, это звучит глупо. Вот почему я не говорю об этом. Ну то есть, какой смысл говорить, что ты чего-то хочешь, если ты даже не знаешь, чего ты хочешь?

Джексон тяжело дышит, глядя в мое лицо так, словно мог бы проглотить меня целиком.

Это не мягкий, не романтичный и даже не сексуальный образ, но я все равно хочу к нему прильнуть.

Прямо сейчас в воздухе что-то вибрирует. Я чувствую это так же, как ощущаю густоту июльской влажности. Я чувствую, что это могло бы быть ответом, который я ищу, если бы только я могла протянуть руку и схватить его.

Все рассеивается, когда Джексон отводит взгляд и снова поворачивается к дороге, разгоняясь до своей обычной скорости.

— Если ты поймешь, то скажешь мне, верно?

Я киваю. Сглатываю. Смотрю на колоссящиеся луга вокруг нас.

— Да. Я тебе скажу.

Уже середина дня, когда мы сворачиваем с троп, по которым ехали, и выезжаем на небольшую проселочную дорогу.

По крайней мере, раньше это была дорога. Теперь это куча битого щебня с несколькими более длинными участками дорожного полотна.

— Это ненормальный износ, — говорит Джексон, съезжая с дороги и проезжая по траве рядом. — Это, должно быть, последствия землетрясения. Видимо, мы приближаемся к нужному месту.

Я держусь за опорную перекладину, потому что даже грунтовая дорога вся изрыта ямами, и поездка получается ухабистой.

— Этот район, должно быть, действительно сильно пострадал. Неудивительно, что все бросились бежать. Смотри, раньше это была церковь.

Это даже больше не здание. Просто груда обломков с половиной креста, торчащего из секции, которая раньше была шпилем.

Я снова достаю дорожную карту, сравнивая ее с набросанной схемой в записке.

— Похоже, здесь есть несколько старых городов, которые стоит посетить. Мак говорит, что некоторые из тех, что находятся дальше к северу, переселились, но в этом направлении есть много такого, что еще не исследовано полностью.

— Нам нужны небольшие фермы или посевные площади. Места, где, скорее всего, будут небольшие тракторы, — Джексон останавливается и наклоняется, чтобы вместе со мной изучить карты. — А по пути мы поищем аптеки.

Мы составляем маршрут и придерживаемся его, останавливаясь в нескольких различных сельских домах. Должно быть, в прошлом на них нападали другие группировки, потому что большинство домов и амбаров вычищены.

Поскольку район, в котором мы находимся, уже разграблен, мы едем дальше на юг, подальше от крупных городов. На маленькой ферме мы приходим в восторг, когда

обнаруживаем в доме шкафы, полные консервов. Мы оставляем банки для кого-нибудь другого, так как у нас в Новой Гавани полно еды получше, но это доказательство того, что здешние места еще не разграблены. На подъездной дорожке также стоит старый пикап, который не заводится, но бак полон бензина, так что мы откачиваем достаточно, чтобы заправить наш квадроцикл.

— Я не могу поверить, что никто еще не нашел это место. Давай проверим хозяйственные постройки, — говорю я, затаив дыхание от предвкушения, когда мы возвращаемся в нашу машину. — Может, у них был «Джон Дир».

Джексон тоже взволнован. Я вижу это по его напряженному лицу. Он ведет нас к тому, что раньше было большим сараем или мастерской. Стены обвалились, но отодвинуть их в сторону не так уж сложно, чтобы обнаружить два трактора, выкрашенных в знакомый зеленый цвет.

Я хлопаю в ладоши и обнимаю себя, когда Джексон подбегает, чтобы проверить модели.

Один из них — точная копия того, что стоит в нашем сарае, что не так уж удивительно, поскольку раньше это была популярная модель. Джексон открывает капот и осторожно отсоединяет нужный нам насос. Он также берет некоторые другие запчасти, так что у нас будет резерв.

Он реально широко улыбается, пока мы загружаем их в наш багажный отсек.

Может, это потому, что я счастлива. Может, это потому, что это похоже на чудо. Может, это потому, что Джексон улыбается. Но я делаю то, чего никогда бы не ожидала от себя.

Я бросаюсь к нему в объятия.

Джексон обнимает меня в ответ. Его руки сжимают меня почти до синяков, и он кружит меня на полпути к квадроциклу. Я зарываюсь лицом в его рубашку. Он большой, твердый и сильный, и пахнет горячо и естественно. Как Джексон.

Прошло больше времени, чем должно было пройти, прежде чем мы отстраняемся друг от друга. Я краснею и смущаюсь, а он прочищает горло и смотрит в землю.

Дерьмо. Зачем я это сделала? Наши отношения никогда не были такими.

— Теперь нам нужно найти аптеку, — говорю я, пытаюсь отвлечь нас от этой странности. — Где-то здесь должна быть минимум одна. Есть ли поблизости город?

Мы снова изучаем карту, и это помогает. Мы находим город примерно в двенадцати километрах к востоку и направляемся туда. Местность настолько пустынна, и мы решаем, что придерживаться дороги будет достаточно безопасно. Мы не знакомы с этим регионом и не хотим заблудиться.

Прежде чем добраться до него, мы минуем полосу того, что раньше было магазинами. Мы останавливаемся и проверяем старые указатели. Ресторан. Прачечная самообслуживания. Магазин фейерверков. И хозяйственный универмаг.

— Жаль, что у нас нет места для больших пакетов куриного корма, — говорю я, глядя на то, сколько его можно найти под полуразвалившимся зданием.

— На самом деле нам это не нужно, и подумай о том, сколько бензина потребовалось бы, чтобы перевезти все это обратно.

— Да. Жаль, что здесь нет аптеки.

— Мы продолжим поиски.

Мы действительно роемся в обломках и находим кое-какие инструменты, которые могут оказаться полезными. Затем продолжаем двигаться в направлении города, который мы наметили.

Мы находимся примерно в миле от города, когда происходит что-то ужасное. Квадроцикл шипит. Дергается. А затем постепенно останавливается.

— Что за хрень? — бормочет Джексон, тупо уставившись на панель управления.

— Мы знаем, что бензин еще не закончился. Может, это легко исправить.

Я не знаю, откуда берется этот оптимизм. Нам повезло с запчастями для трактора, но это не значит, что все остальное пойдет хорошо. Но Джексон выходит из машины и открывает капот.

— Это приводной ремень, — говорит он усталым, но не расстроенным голосом.

Я выхожу, чтобы вместе с ним осмотреть двигатель, хотя я ни за что не смогу что-либо в нем узнать.

— Звучит не слишком серьезно. Ты можешь это починить?

— На самом деле это не то, что можно исправить на данный момент. Нам нужен новый.

— О, — я сглатываю, внезапно осознав, что это значит. — О. Значит, мы застряли у черта на куличках?

Джексон вытирает пот с лица краем футболки и закрывает капот.

— Держу пари, я смогу найти замену в том хозяйственном магазине. В этих магазинах всегда есть несколько квадроциклов, и им не обязательно работать. Просто заберем ремень, который мы могли бы использовать. Надо было подумать об этом, когда я был там.

— О. Хорошо. Это всего в паре миль отсюда. Может, нам просто пройти пешком? — я сразу же испытываю облегчение, так как это досадно, но явно не критическая ситуация.

— Я не хочу оставлять нашу машину здесь, на обочине дороги, особенно с запчастями для трактора. Ты не возражаешь побыть здесь? Я доберусь туда и обратно так быстро, как только смогу.

— Нет, все в порядке, — мне не нравится мысль о том, что мы разлучимся, но я больше беспокоюсь о том, что он проделает весь этот путь в одиночестве, чем о том, что я буду сидеть здесь и ничего не делать.

Его лицо искажается, когда он вешает винтовку за спину.

— Я вернусь, как только смогу. Достань свой пистолет. Не уходи далеко. Не писай. Не закрывай глаза. Ничего не делай, только сиди здесь и будь начеку.

Я закатываю глаза.

— Я не ребенок, Джексон. Я знаю, как защитить себя.

— Я знаю, — его челюсти все еще сжимаются от напряжения. — Стреляй в любого, кто приблизится. Не стоит рисковать. Мы не знаем, что здесь происходит.

— Насколько мы видели до сих пор, никто не ездит этим путем, но я обещаю быть осторожной. А теперь пошевеливайся, чтобы мы могли выбраться отсюда. Через час или около того стемнеет.

Несмотря на мой спокойный тон, Джексон все еще выглядит встревоженным, когда уходит в том направлении, откуда мы пришли. Сначала он движется в темпе быстрой ходьбы, но через минуту я вижу, как он переходит на бег.

Этот болван-здоровяк собирается пробежать весь путь туда и обратно.

Джексона нет около пятнадцати минут, когда я слышу вдалеке шум двигателя. Сначала я думаю, что это может быть Джексон. Может, он нашел исправную машину и едет на ней сюда. Но потом я понимаю, что звук исходит не с той стороны. Он доносится впереди меня по дороге.

Я встаю и направляю пистолет на едва различимое пятно приближающейся машины.

Через минуту я уже могу различить очертания старого джипа Вранглер.

Когда он продолжает приближаться ко мне, я делаю предупредительный выстрел. Он сворачивает с дороги, явно обходя меня стороной. Я слегка расслабляюсь от такого проявления вежливости, но не опускаю пистолет.

Я расслабляюсь еще больше, когда машина подъезжает достаточно близко, чтобы я могла разглядеть, что за рулем мужчина, а на пассажирском сиденье сидит женщина. У женщины подняты обе руки, а мужчина ведет машину одной рукой, а другую высунул из окна ладонью вверх.

Они ясно дают понять, что не представляют угрозы, но я не настолько глупа, чтобы верить, что они не причинят мне вреда.

— Вам нужна помощь? — кричит женщина, когда джип поравнялся с квадроциклом. Они все еще далеко от дороги, не подъезжая ко мне слишком близко. — Вы в порядке?

— Я в порядке. Мне не нужна помощь. Я не одна. Мой мужчина вернется с минуты на минуту, — я прицеливаюсь из своего пистолета. Моя рука не дрожит.

Женщина чрезвычайно хорошенькая, с милым сердцевидным личиком. Она, наверное, примерно моего возраста, но волосы у нее заплетены в две длинные каштановые косы, из-за чего она выглядит еще моложе.

— У вас проблемы с двигателем? Трэвис — механик. Он может помочь вам с вашим двигателем, если вы ему позволите.

Ее мужчина, которого, очевидно, зовут Трэвис, выглядит старше ее. Недурен собой, с пронизывающими серыми глазами и длинноватыми волосами, но и небезопасен. Жесткий, эффективный, наблюдательный и сильный. Может, даже под стать Джексону.

— У нас все под контролем. Я же говорю вам. Мой мужчина вернется с минуты на минуту, и ему не понравится видеть вас здесь.

Я говорю им правду. Мне нравится внешность этой женщины, но я сомневаюсь, что доверяю этому мужчине. И я чертовски уверена, что Джексон не собирается оправдывать их сомнения, если вернется и обнаружит, что они торчат тут.

— Мы уедем, если ты действительно этого хочешь, — говорит женщина, наклоняясь через Трэвиса, чтобы иметь возможность разговаривать со мной через окно. — Но ты можешь поехать с нами, если хочешь.

— Что? — я так удивлена, что просто таращусь.

— Ты можешь поехать с нами. Если не хочешь быть со своим мужчиной. Если он плохо к тебе относится, или если ты думаешь, что у тебя нет другого выбора, кроме как быть с ним. У тебя *есть* выбор. Ты можешь пойти с нами прямо сейчас. Трэвис может показаться грубоватым, но он действительно хороший человек. Никто тебя не тронет. Никто ничего не будет от тебя ожидать. Мы можем обеспечить твою безопасность. У нас много друзей, и мы можем помочь тебе жить так, чтобы не приходилось полагаться на мужчину для выживания. Я Лейн, и я говорю правду. Ты можешь поехать с нами прямо сейчас, и твой мужчина никогда не узнает, куда ты подевалась. Ты будешь в безопасности.

Я удивлена, но, как ни странно, тронута таким серьезным предложением. Я не думала, что еще в силах больше доверять незнакомцам, но я доверяю этой женщине с милым лицом. Инстинктивно.

— Спасибо, — говорю я более мягким тоном. — Правда. Но все обстоит не так. Мой мужчина не такой. Я серьезно.

— Ладно. Я рада. Ничего, если мы останемся здесь, пока он не вернется? Ты выглядишь так, будто знаешь, что делаешь, но на самом деле никому небезопасно оставаться одному.

Я колеблюсь. Может, я веду себя глупо. Но все это время я полагалась на свои инстинкты в отношении того, кому доверять и в кого стрелять, и они меня еще ни разу не подводили.

— Хорошо, — говорю я. — Думаю, было бы неплохо. Он не должен задержаться надолго.

Лейн улыбается мне, пока Трэвис ставит джип на парковочный тормоз. В машине нет никаких дверей, но, похоже, она находится в довольно приличном состоянии. Впервые я замечаю, что у ног Лейн сидит собака. Какая-то помесь овчарки с заостренным носом и умными темными глазами.

— Это Герцог, — говорит она, поглаживая собаку по голове.

— Привет, Герцог. Я Фэйт, — я все еще держу свой пистолет (я не собираюсь его убирать), но я опустила его, чтобы он больше не был направлен прямо на джип.

— Фэйт? — Лейн бросает взгляд на Трэвиса, который отвечает ей таким взглядом, словно они оба о чем-то подумали. — У тебя случайно нет фермы в центральной части Кентукки, нет?

Я моргаю, мое сердцебиение ускоряется.

— А ч-что?

Она пожимает плечами, все еще улыбаясь.

— Просто есть Фэйт, которая принимает запросы в одной справочной сети, с которой мы работаем. Мак упоминал о ней. Иногда она предлагает продукты, и у нее есть кто-то, кто может помочь с машинами. Если это ты, то очень приятно с тобой познакомиться.

Теперь я расслабляюсь еще больше. Я не ошиблась насчет этих двоих.

— Вы знаете Мака?

Лейн улыбается так, словно встретила давно потерянного друга.

— Он наш хороший друг. Он не перестает восхищаться вашими яйцами и овощами. Я не могу поверить, что мы столкнулись с тобой здесь. Мы просто помогали переселить некоторых людей и сейчас возвращаемся домой. Что ты делаешь так далеко на востоке?

— Мы поехали на вылазку за припасами. Пытаемся найти антибиотики для одного из наших людей. Мак упомянул, что здесь есть кое-какие ресурсы, которые еще не были разграблены, так что мы надеялись... — я оглядываюсь на дорогу, но пока никаких признаков Джексона. — Вы случайно не знаете, есть ли здесь поблизости какие-нибудь аптеки, где еще могут быть лекарства?

— В нескольких милях отсюда есть старый Уолмарт, — сообщает Трэвис, заговорив в первый раз. У него густой, приятный горный акцент, и он указывает в ту сторону, куда направлялись мы с Джексонном. — Продолжайте ехать еще какое-то время, и вы не сможете его пропустить. Его немного поковыряли, но, возможно, вы все равно сможете что-нибудь найти, если вас не смущает необходимость рыться.

— Не смущает. Спасибо вам.

— Ты уверена, что Трэвис не может помочь с двигателем? Он действительно хороший механик.

— Это всего лишь ремень. Джексон пошел за новым. Там сзади есть магазин, где, по его мнению, может найтись новая запчасть.

— Вам нужны какие-нибудь другие лекарства? У нас нет антибиотиков, но есть тайленол, аспирин и ибупрофен, если вам понадобится что-то еще для вашего больного.

— Я думаю, с этим у нас все в порядке. Мак достал нам еще немного тайленола, и недавно мы нашли ибупрофен. Оставьте себе то, что у вас есть. Кому-то другому это может понадобиться больше.

— Конечно. Итак, когда... — дружелюбный тон Лейн резко обрывается ровно в тот момент, когда Трэвис напрягается и опускает одну руку к кобуре на бедре.

Я поднимаю свой собственный пистолет в том направлении, куда они смотрят, и испытываю облегчение, когда вижу Джексона. Он нацелил винтовку на джип, и выражение его лица напряженное. Опасное.

— Все в порядке, Джексон. Не делай глупостей. Они остановились, чтобы помочь.

— Нам не нужна никакая помощь, — говорит Джексон почти рычащим тоном. — Отвалите к чертовой матери. Немедленно, — он весь взмок от пота. Капли пота стекают по его лицу и делают футболку почти прозрачной. Он явно бежал всю обратную дорогу, если судить по его прерывистому дыханию. Через одно плечо у него перекинута пара штуквин, похожих на приводные ремни.

— Я же говорю тебе. Они остановились, чтобы помочь. Они друзья Мака. Часть этой сети помощи.

Джексон не опускает винтовку, но выглядит немного менее свирепым.

— Чертовски удачное совпадение. Просто случайно наткнулись на тебя?

— Мы переселяли кое-каких людей в том направлении. Здесь почти никого больше нет. Мак рассказывал вам об этом районе, верно? Это не такое уж большое совпадение, — голос Лейн такой же приятный и ободряющий, как и у меня. — Мы не хотели оставлять Фэйт здесь совсем одну. Это казалось небезопасным.

— Фэйт может сама о себе позаботиться, — он бросает на меня быстрый, испытующий взгляд.

— Все действительно хорошо, Джексон. Ты можешь перестать ершиться.

Наконец он опускает винтовку, но взгляд, которым он сверлит джип, не совсем дружелюбный.

— Мы уедем, если ты этого хочешь, — говорит Трэвис, — но я бы предпочел убедиться, что ваша машина заработала, а то вдруг мы бросим вас застрявшими.

Для меня это имеет смысл, и даже Джексон не возражает. Он подходит к квадроциклу, открывает капот и стягивает с плеча найденные ремни. На самом деле я не знаю, то ли он взял запасные, то ли у него ремни других размеров, но первый, который Джексон вставил в двигатель, очевидно, подходит. Он включает зажигание и отъезжает на несколько метров. Кажется, все работает нормально.

— Превосходно! — восклицает Лейн, хлопая в ладоши, как маленькая девочка. — Теперь вы можете ехать. Я надеюсь, вам удастся найти антибиотики в том Уолмарте.

На вопросительный взгляд Джексона я объясняю ему, что они сказали, где найти магазин.

— Спасибо вам за помощь, — говорю я им с улыбкой. Джексон стоит прямо рядом со мной, и мне все еще кажется, что он оцетинился. Это очень отвлекает. — Правда. Я больше не ожидала, что незнакомцы будут такими милыми.

— Ну, ты тоже была мила с незнакомцами, — говорит Лейн. — И не думай, что это не было оценено по достоинству. Мак дал нам немного ваших помидоров. Я надеюсь, ты не возражаешь. У нас достаточно еды, но не так много фруктов и овощей. А Трэвис всегда беспокоится, что я получаю недостаточно витаминов, — она краснеет от удовольствия. — Я беременна, срок уже несколько месяцев.

— О боже мой, я желаю тебе всего наилучшего, — я удивлена, что она выглядит такой счастливой. Беременность в наши дни — такое рискованное занятие. — О, погодите, — я подхожу к нашему багажному отсеку и достаю большой бумажный пакет, полный цуккини, помидоров, патиссонов и зеленого перца. Мы всегда берем с собой запас, потому что это полезно для обмена. — Возьмите это.

Джексон издает гортанный звук, который, вероятно, означает неодобрение, но открыто не возражает.

— О, мой бог! — Лейн ахает. — Они выглядят потрясающе, но мы не можем забрать у вас все это! У нас правда все хорошо с точки зрения питания.

— Но ты беременна. Тебе нужны витамины. Пожалуйста, возьмите. В этом году у нас их более чем достаточно. Серьезно, — я протягиваю пакет Трэвису, и он принимает его с выражением благоговейной благодарности, от которого у меня замирает сердце. — Мне нравится помогать. Так что, пожалуйста, возьмите их.

— Большое вам спасибо, — говорит Лейн с таким видом, словно вот-вот расплатится. — Это будет самое большое лакомство, которое у нас было за долгое время.

— Я рада помочь. И мы поможем больше, если вы знаете людей, которые в этом нуждаются.

— Ну, если ты говоришь серьезно, то людям, которых мы только что поселили, нужна некоторая помощь в ведении сельского хозяйства. Они собираются заняться садоводством и хотят содержать животных, но там нет никого, кто действительно много знает об этом. Им точно не помешало бы немного обучиться, чтобы получить фору.

Я моргаю, думая об этой возможности, взволнованная идеей сделать что-то настолько новое и не похожее на все остальное.

— Где они?

— Примерно в 110 километрах отсюда, — отвечает Трэвис. — К северо-востоку. Мы можем показать на карте, если хотите.

— Это слишком далеко, — вмешивается Джексон, и его голос звучит очень раздраженно. — Здешние места — предел безопасных путешествий для нас. Дальше мы не поедим, и завтра нам нужно возвращаться домой.

— Но... — я обрываю свое возражение, когда смотрю на его лицо. За хмурым выражением скрывается нечто почти отчаянное. Я поворачиваюсь обратно к Лейн. — Нам действительно нужно возвращаться. У нас есть серьезно больной человек. Но, возможно, мы сможем помочь с семенами и другими припасами. Мы могли бы оставить их где-нибудь поблизости от нашей фермы, чтобы Мак или кто-нибудь другой забрал их?

— Да, это было бы идеально. Он должен проезжать этой дорогой где-то на следующей неделе. Посмотрим, сможем ли мы что-нибудь устроить, — Лейн снова улыбается, поглаживая овощи в пакете, как любимого питомца.

— Нам пора, — говорит Джексон, кладя руку мне на спину и подталкивая к квадроциклу. — Скоро стемнеет.

— Рядом с Уолмартом есть несколько домов, которые не полностью разрушены. Вы, наверное, сможете провести ночь в одном из них.

Мы прощаемся, и они уезжают. Джексон хмурится и молчит, когда мы возвращаемся в квадроцикл.

— Что? — спрашиваю я через минуту.

Он бросает на меня прищуренный взгляд, но не отвечает.

Наверное, это даже к лучшему.

Мы легко находим старый Уолмарт и тратим около часа на разбор завалов и поиски лекарств. Много уже расхищено, но мы находим немало пригодной одежды, которую складываем в кучу, чтобы забрать домой, а Джексон отыскивает хорошую пару рабочих ботинок, которые идеально ему подходят, и это шикарная находка, потому что его ботинки едва держатся на изоленге и последнем издыхании.

Здесь есть еще кое-что, что мы могли бы взять с собой и использовать, если бы у нас было место в машине, но большую часть нам приходится оставить. Наконец мы находим уголок с аптекой, и мое сердце медленно опускается в пятки, пока мы пробираемся сквозь завалы.

Большинство таблеток уже пропало, и в оставшемся мы не можем найти ничего из действительно нужных нам антибиотиков.

Я продолжаю искать, даже после того, как почти уверена, что здесь нечего искать.

Джексон позволяет мне некоторое время этим заниматься, но в конце концов подходит к тому месту, где я, согнувшись, во второй раз роюсь в куче по большей части пустых бутылочек.

— Фэйт, — говорит он, наклоняясь, чтобы положить руку мне на плечо.

— Здесь может что-то остаться, — слова вылетают не сразу. Это больше похоже на сдавленное рыдание.

— Это не так. Мне жаль. Уже стемнело, и мы больше не можем здесь оставаться. Мы продолжим поиски завтра утром. По дороге домой мы посетим столько мест, сколько сможем.

Я выпрямляюсь и прижимаю руки к груди, окидывая разрушенное здание еще одним отчаянным взглядом. Участок перед нами освещен только фарами квадроцикла. Все остальное пребывает во тьме.

Джексон прав. Это опасно. Мы не должны здесь находиться.

Все равно тут нечего искать.

У меня такое чувство, будто мое горло раздулось в два раза больше своего размера. Я пытаюсь проглотить этот ком.

— Мне жаль, котенок, — хрипло бормочет Джексон. — Но, пожалуйста, можем мы сейчас уйти?

Я киваю совершенно безмолвно. Мы садимся в квадроцикл, и Джексон увозит нас прочь. Мы находим неподалеку район с довольно большим количеством домов в сомнительном состоянии. Мы ищем, пока не находим тот, который кажется стабильным и в котором есть гараж, где можно спрятать наше транспортное средство подальше от посторонних глаз. Джексон разбивает окно, чтобы проникнуть в дом. Мы быстро и спокойно ужинаем вяленой свининой, помидорами и хлебом. Мы принесли с собой питьевую воду, но здесь нет водоснабжения, чтобы умыться, поэтому мы просто писаем снаружи, а потом Джексон передвигает мебель, чтобы забаррикадировать нас в одной из спален.

Здесь не так безопасно, как на ферме, где есть стена периметра, охрана и мины-ловушки. Но это настолько безопасно, насколько мы можем себе обеспечить во время путешествия. Район совершенно пустынен, и выглянув наружу, никто не узнает, что мы здесь. Единственный способ, которым кто-нибудь мог бы найти нас — это случайность.

Я чувствую себя в достаточной безопасности, чтобы в одних трусиках и майке забраться под простыни огромной кровати, до сих пор аккуратно застеленной красивым стеганым одеялом.

Джексон все еще чистит свою винтовку, как делает это каждую ночь, используя свет старого фонаря, работающей от батареек, которой якобы хватит навечно.

— Тебе необязательно сидеть на страже всю ночь, — говорю я ему после того, как он заканчивает и все равно не двигается с места. — Здесь мы в полной безопасности. С таким же успехом ты мог бы немного поспать.

Я одновременно вижу и слышу, как Джексон выпускает долгий вздох. Затем он встает с мягкого бокового кресла, на котором сидел, и смотрит сверху вниз на меня, лежащую на кровати. Его знакомое лицо окутано тенями таким образом, что выглядит пугающе привлекательным. Ему действительно нужно побриться. Его волосы в беспорядке. Он вспотел еще сильнее, чем я.

Он бегом несся до магазина и обратно, чтобы я не оставалась одна слишком долго.

По какой-то причине я думаю о Лейн. Какой милой и невинной она казалась. Как Трэвис смотрел на нее так, словно она была самым драгоценным существом на свете.

Мне интересно, каково это — быть в таких отношениях. Быть вот так влюбленной. Родить ребенка от мужчины, который не хочет никого в мире, кроме тебя.

Я не милая и не невинная. Я больше не уверена, кто я такая.

— Ничего страшного, если ты не хочешь, чтобы я был с тобой в постели, — наконец говорит Джексон, выводя меня из задумчивости.

— Что? Не будь смешным. Я же сама сказала тебе лечь в постель, — я пододвигаюсь, чтобы освободить для него больше места под одеялом.

Джексон все еще смотрит на меня, будто подозревает, что я говорю неправду, но скидывает ботинки, расстегивает ремень и снимает его вместе с оружием в кобуре. Затем он стягивает свои джинсы. Под ними у него поношенные боксерские трусы, и он оставляет их, снимая футболку.

— Почему ты все еще в нижнем белье? — спрашиваю я его с искренним любопытством, когда он забирается в постель рядом со мной.

— Не был уверен, что ты сегодня вечером захочешь полный комплект, — он переворачивается лицом ко мне, подпирая голову рукой.

Несмотря на мое истощение — физическое и эмоциональное — или, может, как раз из-за него, я хихикаю.

Его лицо почти незаметно смягчается, когда Джексон наблюдает, как я смеюсь. От этого у меня странно ноет в груди.

— Полный комплект — это очень даже хорошо, — говорю я ему, пока устраиваюсь удобнее.

— Вот как?

Я киваю, и мое сердцебиение ускоряется, как это бывает всегда, когда мы так близко.

Джексон протягивает руку и очень нежно касается пряди волос, упавшей мне на лицо. Я так и не потрудилась освободить большую часть волос от конского хвоста, который носила весь день.

— Я бы предпочел, чтобы это было лучше, чем просто хорошо, — мягко говорит он.

У меня перехватывает дыхание.

— Это лучше, чем просто хорошо, — шепчу я.

— Ты серьезно? — он придвигается ближе, и его вид и запах ошеломляют меня.

— Да, — я наклоняюсь вперед и касаюсь его губ своими. Странно нежно. — Я серьезно.

Джексон издает горловой звук и обхватывает мою голову обеими руками, переворачивает меня на спину и ложится сверху, целуя меня. Это знакомо, но в то же время странно ново, по-другому. Свет фонаря освещает комнату ярче, чем когда-либо освещала моя свеча. Я ясно вижу его, когда открываю глаза, и в его взгляде есть некий глубинный голод, в котором я нуждаюсь и которого одновременно боюсь.

Мы долго целуемся. Я обхватываю Джексона одной ногой и скольжу руками вниз к его заднице, ныряя под резинку трусов, чтобы почувствовать там упругую плоть. Его член тверд и зажат между нашими телами. Он охает каждый раз, когда я вжимаюсь в него.

Когда я настолько возбуждаюсь, что не могу перестать ласкать его тело, Джексон, наконец, прерывает поцелуй и медленно снимает с меня майку и трусики, так что я остаюсь полностью обнаженной под ним. Он целует мою грудь и живот. Несколько раз быстро лижет мою киску, отчего я задыхаюсь от визга. Затем срывает с себя трусы и раздвигает мои ноги.

Он смотрит на меня сверху вниз дольше, чем я ожидаю. Я обнажена, выставлена напоказ и пульсирую от глубинного желания, и я уверена, что выгляжу бесстыдно, пока тяжело дышу и извиваюсь. Джексон стоит на коленях между моих ног, держась за мои бедра. Наконец он опускает руку на одно мое колено и прижимает его обратно к моему плечу, сгибая ногу и наклоняясь ко мне.

Он целует меня, а затем приставляет свой член и вонзается глубоко в меня.

Я издаю хныкающий звук от ощущения наполненности. Я двигаю бедрами, но не могу сильно пошевелиться, потому что Джексон крепко держит мою ногу на месте. Он нависает надо мной, когда начинает совершать толчки, его лицо не так уж далеко от моего. Выражение его лица тревожит. Сбивает с толку. Я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться только на сильных ощущениях.

Это приятное чувство. Действительно хорошее. Его толчки быстрые и сильные, сотрясают все мое тело своей мощью. Я запрокидываю голову, зажимаю глаза и пытаюсь не представлять, как Джексон выглядит надо мной, глядя на меня сверху вниз. Видя меня. Зная меня. Всю меня. Полностью.

— Котенок, — хрипит он.

Я издаю беспомощный звук. Удовольствие сворачивается в клубок. Я чувствую, как оно нарастает, но недостаточно быстро. Я чувствую столько всего еще.

— Котенок, — повторяет Джексон. На этот раз более настойчиво.

Я знаю, почему он это говорит. Он хочет привлечь мое внимание. Он хочет, чтобы я открыла глаза.

Я подчиняюсь. Кажется, я ничего не могу с собой поделать, даже если это останавливает наступление моего оргазма.

Джексон все еще трахает меня, все еще держится за мою ногу, все еще нависает надо мной, опираясь на другую руку, когда я открываю глаза.

Его глаза сосредоточены на моем лице, он больше никуда не смотрит.

— Скажи мне, что хочешь этого, — выдавливает он. Его голос суров и требователен, как это часто бывает, но за этими интонациями скрывается что-то еще.

Все мое тело сотрясается от его толчков. Я протягиваю руку, чтобы схватить его за бицепс, так как мне нужно за что-то держаться. Такое чувство, будто каждая молекула во мне в любой момент может разлететься на части.

— Я хочу этого, — мой голос натянутый, задыхающийся.

Джексон издает горловой звук и слегка мотает головой, его ноздри раздуваются.

— Скажи, что ты хочешь меня.

Я издаю всхлипывающий звук, когда эти слова пробуждают что-то глубинное. Я царапаю линии на коже его рук.

— Я хочу тебя.

Он ускоряется, вбиваясь в меня с такой силой, что кровать громко ударяется о стену.

— Скажи мне, кого ты хочешь.

— Тебя. Джексон. Я хочу тебя. Джексон. Тебя. Только тебя! — последние слова вырываются хриплым криком, потому что я уже бурно кончаю.

Он следует прямо за мной, сдерживая громкий, собственнический рык и вытаскивая свой член как раз вовремя, чтобы кончить мне на живот.

Он падает на меня сверху, неожиданно обрушиваясь на меня всем своим весом. Я охаю от удивления, но это не неприятно. Я чувствую себя в безопасности.

В безопасности.

Я обнимаю Джексона и держу так, зная, что он долго не задержится.

Он задыхается, уткнувшись мне в шею, дольше, чем я ожидала. Возможно, в этом затрудненном дыхании слышатся невнятные слова, но они недостаточно ясны, чтобы я могла их разобрать. Затем, наконец, со стоном он отталкивается от меня и падает на матрас рядом.

Мое тело сотрясают небольшие отголоски удовольствия, а легкие горят от натуги. Простыней я вытираю немного пота с лица и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Джексона.

Он смотрит на меня в ответ.

Такое чувство, что я должна что-то сказать. Как будто он ждет от меня чего-то. Но я понятия не имею, что я могу сказать. Так что мне удается выдать:

— Это было хорошо.

Он издает фыркающий звук. Может, это сухой юмор.

— Да.

— Нам нужно немного поспать.

— Да. Завтра долгий день, — Джексон протягивает руку, чтобы выключить фонарь, оставляя нас в темноте. — Спокойной ночи, Фэйт.

— Спокойной ночи, Джексон.

Мы никогда раньше не спали в одной постели, но сейчас я достаточно устала и насытилась, чтобы эта странность недолго беспокоила меня. Я погружаюсь в сон, окруженная запахом Джексона на простынях и на своей коже.

Некоторое время спустя я просыпаюсь, крепко прижавшись к его боку. Я пытаюсь откатиться, но его рука удерживает меня на месте, не давая сдвинуться с места. Он спит, так что это явно бессознательно. Это не имеет значения. Мне достаточно комфортно, и я чувствую себя в безопасности. Будто обо мне заботятся.

Я не часто испытываю такое чувство, и я не хочу, чтобы оно заканчивалось.

Поэтому я позволяю себе снова заснуть в объятиях Джексона.

Конечно, это нормально — позволять себе так поступать.

Только в этот раз.

Глава 7

На следующий день мы оба тихие, и воздух между нами наполнен усталостью, тяжелым смирением.

Раньше я все время чувствовала себя таким образом. Когда я наблюдала, как мир, который я знала, рушится вокруг меня. Когда я видела, как умирает так много людей, которых я любила. Когда у меня не осталось ничего известного и надежного, кроме фермы и угрюмого, пугающего парня, который мне даже никогда не нравился.

Прошло много времени с тех пор, как я чувствовала себя подобным образом, но оцепенелая тяжесть этого возвращается ко мне этим утром, как ненавистный член семьи. Это чувство всегда было где-то там. Скрывалось. Даже когда я притворялась, будто жизнь не обязана нести это в себе. Я должна была знать, что это вернется ко мне как раз в тот момент, когда я подумала, что может измениться что-то значимое.

Я не совсем уверена, как Джексон себя чувствует этим утром, но он тоже выглядит отяжелевшим. Как будто его тянут вниз так же, как и меня.

Первым делом мы проверяем еще пару близлежащих городов, но единственные аптеки, которые мы можем найти, уже разграблены или подверглись воздействию стихии, так что там нет ничего стоящего. Затем мы должны отправиться домой, если у нас есть шанс вернуться до наступления темноты.

Так что на этом все.

Возможно, мы и нашли запчасти для трактора, но для Молли нет лекарств.

Для нее больше ничего не остается.

Она скоро умрет, и я не могу этому помешать.

Мы оба молчим, пока Джексон возвращается тем же маршрутом, которым мы добирались сюда. Время от времени я ловлю на себе его взгляд. Проверяет меня. Смотрит, как у меня дела. Ждет, когда я развалюсь на куски.

Я не собираюсь разваливаться на части.

Я пережила слишком многое, выживала слишком долго, чтобы позволить еще одной потере сбить меня с ног. Быть сильной — единственный способ добиться успеха в этом мире. Я усвоила это на собственном горьком опыте. Все мы это усвоили.

Единственный раз, когда мы разговариваем за весь день — это обсуждение вопросов логистики, связанных с перерывами на прием пищи и изучением маршрута. Мы едем в хорошем темпе. Мы не сталкиваемся ни с какими проблемами. И уже середина дня, когда мы сворачиваем с тропы на дорогу, которая ведет нас домой.

К тому времени, когда Гейл радостно машет нам рукой и начинает открывать ворота, у меня так сильно болит грудь, что я едва могу дышать из-за давления. Я заламываю руки на коленях, не в силах держать их неподвижно. Джексон, должно быть, чувствует это. Он тормозит сразу после того, как въезжает на нашу территорию, а затем протягивает руку, чтобы накрыть обе мои беспокойные руки одной своей ладонью.

Я делаю судорожный вдох. Я могу держать себя в руках. Мне придется.

— Я могу пойти с тобой, поговорить с ней, — говорит Джексон мягко и хрипло.

Нежность этих слов словно пронзает мое сердце. Все скрученное напряжение внутри меня начинает опасно подрагивать.

Потом я вдруг придумываю способ сдержать это.

— Сначала я хочу пойти проверить точку. Ещё раз. Просто на всякий случай.

— Что? Прямо сейчас?

— Да. Прямо сейчас. Я хочу проверить и убедиться, что никто ничего не нашел.

— Мы могли сделать это по пути сюда, — в его голосе звучит недоумение. Легкая сварливость.

— Я знаю. Я не подумала об этом раньше. Но это не так уж далеко. И я не хочу разговаривать с Молли, пока не проверю. Никогда не знаешь наверняка. Может, они все-таки что-то нашли, — я делаю прерывистый вдох. Я знаю... я знаю... это акт отчаяния, но я все равно должна это сделать.

Джексон, должно быть, тоже это понимает.

— Ладно. Отлично. Я отвезу тебя обратно туда.

— В этом нет необходимости. Мы уже израсходовали слишком много бензина, и было бы глупо тратить еще больше. Я просто прогуляюсь. Тебе нужно разложить все наши вещи и убедиться, что детали трактора работают. Я могу довольно быстро добраться туда и обратно.

— Ты точно не пойдешь одна, — он указывает на Бретта, который стоит на посту у ворот. — Бретт может пойти с тобой. Я найду кого-нибудь, кто заменит его на посту.

Я не трачу время на споры. Если я не уйду прямо сейчас, я сорвусь. Поэтому я жду, пока Бретт доберется до нас, и Джексон дает ему краткие инструкции. Затем я отправляюсь в путь, удаляясь от Джексона, фермы и всего, что мне там осталось сделать.

Мы добираемся до точки вовремя, но... как кто угодно мог бы предсказать... там меня не ждут чудодейственные антибиотики. Так что мне придется вернуться. У меня больше не осталось никаких отсрочек или поводов для прокрастинации.

Мы уже недалеко от Новой Гавани, когда происходит сразу несколько событий.

Я слышу выстрел еще до того, как вижу хотя бы намек на возможный источник. Затем раздается тошнотворный глухой удар. Бретт рухнул на землю рядом со мной, его рубашка пропиталась кровью.

Он погибает прежде, чем я успеваю даже ахнуть, не говоря уже о том, чтобы выхватить оружие и защититься.

А потом меня окружают. Они выходят из лесистой местности, которая тянется вдоль грунтовой дороги. Они явно ждали нас. Затаились в засаде. На этой дороге почти нет движения, так что мне сразу становится ясно, что они надеялись устроить засаду именно на нас.

Это Волчья Стая. Я вижу очертания черных чернил татуировки на шее одного из них как раз перед тем, как они бросаются на меня. Я сопротивляюсь. Конечно, я сопротивляюсь. Но я не смогла вовремя выхватить оружие, так что против четырех или пяти здоровяков у меня только голые руки.

Они не убивают меня и не насилуют, что было бы моим предположением. В паническом тумане моего разума я ожидаю этого, и моя единственная мысль — достать оружие, чтобы я могла покончить с собой до того, как они причинят мне боль.

Но они этого не делают.

Не причиняют мне боль.

За исключением нескольких незначительных ударов и заломанных конечностей в борьбе, они не причиняют мне вреда. Мой разум проясняется достаточно, чтобы понять, что это не нападение.

Это захват в плен.

Они связывают мне руки за спиной крепкими шнурами, и двое из них удерживают меня на месте, пока я перевожу дыхание, моргаю и пытаюсь точно осмыслить происходящее.

Я оглядываюсь по сторонам. Определенно Волчья Стая. Их тут десять или одиннадцать. Грязные. Дурно пахнущие. С довольными, злобными выражениями лиц. Я для них вещь и ничего больше, вот почему для них не имеет смысла захватывать меня таким образом, не тронув.

Затем я вижу, как кто-то еще выходит из-за спин двух других, и последняя деталь встает на место.

Кейден.

Джексон был прав насчет него. Мы ни в коем случае не должны были позволять ему уйти, понимая, что ему известно о Новой Гавани.

Я заложница, и они собираются использовать меня, чтобы попытаться проникнуть за наши ворота и разграбить все, что у нас есть внутри.

Я еще раз быстро оцениваю размер стаи, борясь с паникой, которая продолжает подниматься внутри. У меня скручивает желудок, и я покрываюсь холодным потом, но я

подсчитываю численность, и это меня успокаивает. Их меньше дюжины. И у них много оружия и мало мотоциклов.

Недостаточно.

Здесь далеко недостаточно живой силы и огневой мощи, чтобы осадить Новую Гавань.

— Ты погубишь и себя, и всех своих приятелей здесь, — выплевываю я Кейдену, довольная тем, что мой голос ровный и не срывающийся. — У вас нет ни малейшего шанса пробиться внутрь с такой численностью.

— Я знаю это, — говорит Кейден, одаривая меня наихудшей ухмылкой. — Но у нас есть секретный элемент. У нас есть ты.

Когда он подходит ближе ко мне и берет прядь моих волос, я отдергиваю голову достаточно сильно, чтобы высвободить волосы.

— Ты сумасшедший. Это никогда не сработает. Они не откроют ворота только потому, что я в опасности.

— Думаю, ты ошибаешься на этот счет. Я жил со всеми вами, помнишь? Джек сделает все, чтобы спасти тебя.

Я нахожусь в странном кризисном режиме, когда я думаю, говорю и действую почти на автопилоте. Как будто поверхностный уровень меня все еще функционирует, даже когда мои глубинные части воют от страха и отчаяния.

— Я не ошибаюсь. Ты можешь приставить пистолет к моей голове, и Джексон все равно никогда не откроет тебе ворота. Но я бы не хотела оказаться под его прицелом, если бы ты попытаешься проверить что-то настолько глупое.

Я уверена, что в этом я права, но Кейден просто смеется, так что в мое сознание все равно закрадывается сомнение.

Затем он отводит руку назад и бьет меня по лицу точно в то же место, куда Джексон ударил его прикладом своей винтовки.

После этого меня одолевают боль и головокружение. Я не теряю сознание, но на какое-то время как будто отключаюсь. Я падаю ничком, и меня удерживает на ногах один мерзкий, вонючий парень. Если бы мои руки не были связаны, я, возможно, смогла бы дотянуться до пистолета в кобуре у него на поясе, но путы слишком крепкие, чтобы я могла их разорвать.

Когда я вижу, как они подтаскивают обмякшее тело Бретта — часть меня плачет внутри при виде его очевидно мертвого тела — и стаскивают с него одежду, я понятия не имею, что происходит. Пока я смутно не осознаю, что Кейден надевает одежду.

Вот тогда я по-настоящему пугаюсь.

Потому что они не так невежественны, как я предполагала, и у них есть очень небольшой шанс заставить наших людей добровольно открыть для них ворота в Новую Гавань

Моя скула пульсирует от боли, но в голове немного прояснилось. Я пытаюсь разработать план. Ответ. Сигнал. Что-нибудь, что сообщило бы об опасности Гейл и тому, кого Джексон послал заменить Бретта у ворот.

Но потом подходит Кейден и заклеивает мне рот скотчем, так что я не могу издать ни звука. Он снова бьет меня, и мир снова становится тусклым и расплывчатым.

Много движения, мало разговоров. Очевидно, они заранее проработали детали этого плана.

Нашим единственным преимуществом здесь является тот факт, что рядом с воротами нет никаких укрытий. Это участок чистой грунтовой дороги, поросший травой. Лес разросся ближе, чем раньше, и группа ведет свои мотоциклы между деревьями, как можно ближе к воротам, оставаясь незамеченной. Но Стае придется преодолеть довольно значительное расстояние от укрытия, прежде чем они смогут добраться до ворот, даже если обман одурачит охранников.

Я продолжаю пытаться продумать детали. Сообразить какой-нибудь план. Но в основном я просто повторяю одно и то же, снова и снова, как молитву.

— Джексон, пожалуйста. Джексон, пожалуйста. Джексон, пожалуйста.

Раньше он, казалось, беспокоился обо мне. Может, он будет ждать меня. Он увидит, что что-то не так. Он не позволит им открыть ворота.

Не успеваю я опомниться, как это происходит. Кейден стаскивает резинку с моего конского хвоста и разрезает путы на моих запястьях. Я не знаю, зачем, пока он не бьет меня кулаком в живот, отчего я падаю вперед. Он обнимает меня рукой, чтобы поддержать. Мои волосы падают мне на лицо.

Я понимаю, почему, когда он идет вперед, увлекая меня за собой.

На нем одежда и шляпа Бретта. И я выгляжу так, словно ранена. Мои волосы закрывают скотч на моем рту. Издалека — и, возможно, даже вблизи — это будет выглядеть так, будто Бретт тащит меня на себе после ранения.

Конечно, они откроют ворота. Они сделают это быстро, чтобы доставить меня внутрь и позаботиться о моих ранах.

Это нелепый план, придуманный бессердечными людьми. Но это действительно может сработать.

Спешка побуждает меня к действию. Несмотря на туман боли в голове, я пытаюсь бороться. Но Кейден крепко держит меня за руки, и он намного крупнее меня. Я просто не могу освободиться.

Я пытаюсь закричать сквозь скотч на рту, но не могу издать ни звука, кроме сдавленного хныканья.

Мы подходим все ближе. Я слышу крики со стены. Они беспокоятся обо мне. Один из голосов — Хэм. Должно быть, он занял место Бретта. Затем я слышу скрипучий звук шарниров на воротах.

Да провались все в преисподнюю. Это работает. Они собираются открыть ворота. И Волчья Стая может проникнуть внутрь.

Я не уверена, почему никто не понимает, что под шляпой Кейден, а не Бретт. Они примерно одинакового размера и имеют схожий цвет кожи и волос, но это явно два разных человека. Может, ему удастся скрывать свое лицо. Я действительно не могу сказать наверняка из-за слезящихся глаз.

Я бьюсь в его хватке, как загнанный зверь, когда мы приближаемся к полуоткрытым воротам.

Затем я слышу голос Джексона.

— Подожди. Подожди! Что-то не так. Остановись!

К моему огромному облегчению, скрип ворот немедленно прекращается.

Затем:

— Это не Бретт. Бейте тревогу! Будьте наготове.

Теперь я почти рыдаю. У меня не так много шансов выбраться из этого живой. Кейден убьет меня назло, даже если ему придется сделать это на последнем издыхании. Но все же... Джексон на протяжении многих лет заставлял нас готовиться к такого рода вещам. Мы знаем, как защитить себя.

Так что, по крайней мере, с остальными все будет в порядке.

Я слышу, как воеет сигнализация по периметру, призывая всех занять свои оборонительные позиции.

Все будет хорошо.

Затем я слышу, как со стены стреляют из ружей. Стая, должно быть, бросилась из леса к воротам, но их единственным шансом было застать нас врасплох. У Хэма и Гейл имеется преимущество, так что они должны справиться и уничтожить большинство еще до того, как те приблизятся.

Кейден, должно быть, одновременно со мной понимает, что все кончено. Свободной рукой он достает пистолет и приставляет его к моей голове. Другая рука все еще держит меня как в тисках.

— Отпусти ее, Кейден, — голос Джексона. Жесткий, холодный и разъяренный. — Здесь ты проиграл. Ты никогда не попадешь внутрь.

Я моргаю сквозь слезы, пока не вижу Джексона, стоящего в нескольких метрах от меня, прямо за полуоткрытыми воротами. Он целится в нас из своей винтовки. Я не вижу, что происходит у меня за спиной, но я почти уверена, что Хэм и Гейл позаботились об остальной угрозе. Я все еще слышу гул двигателей, но они не приближаются. Водители, должно быть, застрелены.

— Попробовать стоило, — говорит Кейден. Он по-прежнему звучит несносно, самоуверенно, но я также слышу оттенок страха, таящийся в глубине. — Вы не заслуживаете того, что у вас здесь есть.

— Мы работали ради этого. Ради всего этого. И мы предложили поделиться этим с тобой, если бы ты тоже захотел поработать, — Джексон не стал бы утруждать себя попытками завязать разговор с Кейденом, если бы у него не было на то причины. Он, наверное, тянет время. Выжидает свой момент. Соображает, как лучше всего с этим справиться.

Я не уверена, как он сможет вытащить меня из подобной ситуации. Кейден приставил пистолет к моей голове, так что я все равно что мертва.

По крайней мере, Джексон не будет убит. Или Хэм, или Гейл, или кто-нибудь еще.

С ними все будет в порядке, даже если со мной нет.

— Ну, а теперь ты позволишь мне уйти отсюда, если только не хочешь увидеть, как мозги твоей девчонки разбрызгаются по всей земле.

— Ты не сделаешь этого. Ты не прикоснешься к ней. Если ты отпустишь ее, тогда, возможно, тебе удастся выйти отсюда живым.

— Ты думаешь, я куплюсь на это? — Кейден все еще пытается казаться крутым, но сейчас он по-настоящему напуган. Я это слышу. Как и Джексон. — Опусть пистолет и дай мне уйти, или, клянусь Богом, я убью ее.

Боль и паника к настоящему времени утихли настолько, что я могу видеть более ясно. Я поднимаю взгляд на Джексона, и всего на мгновение он встречается со мной взглядом.

Я понимаю, что означает этот взгляд. Мы практиковали это — точно так же, как практиковали любой другой сценарий нападения, который только смогло придумать наше воображение.

Поэтому, когда Джексон начинает моргать в медленном, устойчивом темпе, я знаю, что начался обратный отсчет.

Если бы Кейден когда-нибудь обращал внимание во время строевой подготовки, он, возможно, тоже узнал бы это.

Но он этого не узнает.

На пятом моргании я использую последние силы, которые могу собрать, чтобы пригнуться и вывернуться из-под руки Кейдена. Я не могу по-настоящему убежать, но отвлекаю его настолько, что он убирает пистолет.

Джексон стреляет ему в голову.

Рука Кейдена обмякает, и он падает. В конце концов я падаю, больно распростершись прямо рядом с его мертвым телом.

Но я жива, а он — нет.

С моей точки зрения, это чудо.

Вероятно, прошло всего несколько секунд. Я не в том состоянии, чтобы судить о течении времени. Но следующее, что я осознаю — это сильные руки, поднимающие меня и притягивающие к мужской груди.

Знакомой. И со знакомым запахом.

Джексон.

Он обнимает меня, пока я безвольно прижимаюсь к нему, и он бормочет что-то, что я начинаю понимать.

— Фэйт. Ох, бл*дь. Ты в порядке? Поговори со мной, котенок.

Я чувствую настойчивость в его руках, пока они двигаются по моему телу, проверяя, нет ли травм, а его голос такой мягкий, но в то же время звучит почти испуганно. Этого достаточно, чтобы заставить меня моргнуть, открыть глаза и выдавить:

— Думаю, я в порядке.

Джексон издает горловой звук, и его руки сжимаются вокруг меня всего на несколько секунд. Затем он спрашивает почти своим нормальным голосом:

— Они тебе что-то сделали?

Конечно, они мне что-то сделали. Они похитили меня и пытались использовать, чтобы проникнуть через ворота нашего дома. Но я знаю, о чем он спрашивает, поэтому отвечаю.

— Они просто ударили меня несколько раз. Ничего серьезного. Они больше ничего не делали.

Теперь я чувствую себя яснее и устойчивее, поэтому пытаюсь сесть. Мне нравится, каково это — развалиться на коленях Джексона, когда его руки крепко обнимают меня, но я не могу оставаться в таком состоянии. Слишком много всего произошло. Слишком много всего нужно сделать.

Потом я кое-что вспоминаю и говорю с надломом в голосе:

— Они убили Бретта.

Джексон не выглядит удивленным. Он, должно быть, уже пришел к такому выводу. Это причиняет ему такую же боль, как и мне. Я понимаю это, хотя выражение его лица характерно стоическое.

— Скажи мне, где они его оставили. Мы пойдем и заберем его домой.

Я даю самое лучшее описание, какое только могу, а затем пытаюсь встать.

— Тебе нужно побережись, — говорит Джексон, обнимая меня одной рукой, даже когда я пытаюсь отстраниться. — Ты выглядишь очень побитой.

— Все не так уж плохо. Всего лишь несколько синяков, — я поворачиваюсь к главному дому и вспоминаю все. — Мне все равно нужно поговорить с Молли.

— Я знаю. Мы можем это сделать. Но у тебя идет кровь. Позволь мне привести тебя в порядок и сходить за Бреттом. Потом мы сможем поговорить с ней.

Я не возражаю против его плана. У меня для этого нет ни желания, ни энергии. Я позволяю Джексону отвести меня внутрь, усадить на стул на кухне и взять влажную тряпку, чтобы стереть кровь с моего лица и шеи.

Мне показалось, что мое лицо было мокрым от слез, но часть влаги была кровью. У меня на скуле глубокая рана. Джексон использует немного антисептического средства для промывания, найденного нами в аптеке Честера, чтобы продезинфицировать рану, а затем накладывает повязку. Его руки очень осторожны, когда он прикасается ко мне. Нежны.

Мои волосы распущены, растрепаны и мешают. Я потеряла резинку, которой стягивала их назад, когда Кейден распустил мой конский хвост. Я нетерпеливо перебрасываю часть волос за спину, расправляя плечи.

— Я правда в порядке. Нескольким из вас нужно сходить за Бреттом. Будьте очень осторожны.

— Обязательно, — его карие глаза изучают мое лицо. — Что ты собираешься делать?

— Я поговорю с Молли.

— Подожди меня. Остальные говорят, что она сегодня была очень плоха. Она ничего не ела и не пила. Просто подожди меня, и я...

— Я знаю, что ты это сделаешь. Но я больше не хочу ждать. Я бы предпочла сходить в одиночку, — мне удастся проглотить новый комок боли в горле. — У нее осталось не так много времени.

Это бесспорно верно. Джексон не возражает. Но он говорит очень тихо:

— Если она захочет, чтобы ты что-нибудь сделала, подожди меня. Я сделаю это за тебя.

Я знаю, о чем он говорит. О чем именно он говорит. И я едва могу проглотить комочек в горле. Я молча киваю.

Джексон бросает еще один пристальный, пыливый взгляд на мое лицо, после чего выходит из кухни. Я слышу, как он просит нескольких человек пойти с ним, чтобы забрать тело Бретта.

Когда я прихожу туда, Молли одна в нашей палате для больных. Она выглядит ужасно. Бледная, слабая и желтоватая. Она открывает глаза, когда я закрываю за собой дверь.

Она не бредит. Она узнает меня. Говорит:

— Фэйт. Все в порядке?

— Да. Да, все в порядке.

— Ты пострадала. Я слышала сигнал тревоги.

— Кейден связался с Волчьей Стаей и предпринял попытку, но все в порядке. Мы позаботились об этом. Не беспокойся, — я не рассказываю ей о Бретте. Ей необязательно это знать. Это лишь причинит ей ненужную боль.

— Ладно. Я рада, что с тобой все в порядке. Как прошла поездка?

— Мы не смогли найти никаких антибиотиков, — говорю я, придвигая стул поближе к ее кровати и садясь на него. — Мы искали повсюду.

— Я знаю. Ничего страшного, — кажется, она задохнулась на последнем слове. Ее дыхание слишком громкое. Немного хриловатое. — Думаю, все равно уже слишком поздно, и они не помогут.

Я издаю звук, но это не слово.

— Все в порядке, Фэйт, — она продолжает, как будто мне удалось заговорить. — Я так устала. Я хочу, чтобы это поскорее закончилось.

Я протягиваю руку туда, где на одеяле покоится ее ладонь, и беру ее.

— Я понимаю. Мне жаль, что я не сумела найти ничего, что могло бы помочь тебе.

— Ты сделала все, что могла, — теперь ее голубые глаза сфокусированы на моем лице. Серьезные и усталые. — Ты так много сделала для меня. Но я собираюсь попросить тебя сделать еще кое-что.

— Все, что угодно. Ты знаешь, что я все сделаю, — я знаю, что будет дальше, и я уже знаю свой ответ. Вот почему я так отчаянно пыталась найти другой вариант.

— Я не знаю, как долго я так продержусь, и я больше не хочу этого делать, — пара слезинок скатывается из ее глаз. — Прямо сейчас я мыслю ясно, и я не знаю, буду ли я такой снова. Мне так жаль, что я взваливаю это на тебя, но, пожалуйста, Фэйт, ты можешь сделать это побыстрее?

На мгновение я слишком задыхаюсь, чтобы говорить. Но мне удастся кивнуть.

— Спасибо тебе, — говорит она с легким всхлипом. — Я не хочу показаться слабачкой, но я просто так устала.

— Я знаю, что это так. Тебе больше не нужно бороться. Все хорошо. Все правда хорошо, — я протягиваю руку и убираю ее тонкие, спутанные волосы с лица. Обычно я расчесываю их по утрам, но сегодня меня тут не было, чтобы сделать это.

Теперь Молли улыбается. Она слегка прислоняется к моей ладони.

— Это была неплохая жизнь, даже если мне пришлось пережить апокалипсис. Я любила твоих маму и папу. Ты и они — самое близкое подобие семьи, которое когда-либо у меня было.

На мгновение я не уверена, что смогу это сделать. Я не думаю, что у меня достаточно сил, чтобы пережить этот момент. Но это мир, где удары никогда не смягчаются, где спасение никогда не падает с неба, и поэтому я должна быть достаточно сильной, чтобы встретить это. Мое зрение проясняется, руки перестают дрожать, и мне удается сказать почти ровным голосом:

— Ты была мне сестрой.

Молли кивает и неловко ерзает на кровати. Ей больно. Это очевидно, хотя она ни разу не пожаловалась.

— И у нас было много хороших моментов. Летом мы обычно собирали клубнику и ели ее у ручья.

— И мы тайком выбирались кататься на лошадях по ночам.

— И Джек отвозил нас всех за мороженым в город, включал радио на полную громкость, и мы все сидели и ели мороженое в кузове грузовика.

— И Моника всегда пыталась заставить нас потанцевать.

— И мне всегда нравилось работать в саду. Выращивать всякое. И каждый вечер читать вместе со всеми, — теперь она улыбается по-настоящему, хотя ее голос становится все тише. — У меня была хорошая жизнь. Я познала любовь. Я любила вас всех, и вы любили меня.

— Да, — я все еще глажу ее по волосам, отводя их назад. — Мы всегда будем тебя любить.

— Было бы здорово влюбиться. Чтобы кто-то смотрел на меня так, как Джек смотрит на тебя. Но у меня была очень хорошая жизнь и без этого.

— Я рада, что это так, — я не могу осознать ничего, кроме ощущения ее волос на одной моей руке и ножа, который я вытасила из-за пояса другой. — И без тебя моя жизнь далеко не была бы такой счастливой.

— Спасибо тебе за то, что ты это сказала. Я знаю, тебе трудно открыться. Ты всегда должна быть такой крутой. Ты так много сделала, чтобы позаботиться обо всех нас, и теперь я прошу тебя еще о большем.

— Не беспокойся об этом. Я в полном порядке.

— По крайней мере, у тебя есть Джек.

Я не знаю, что на это сказать. Это слишком много, чтобы уложить в голове. Однако я бы ни за что не стала с ней сейчас спорить, поэтому отвечаю невнятно:

— Да. Он у меня есть.

Молли облизывает губы и слабо улыбается мне.

— Ты помнишь ту ночь в прошлом году, когда Лэнгли оставила дверь открытой, и свиньи сбежали? Мы все бегали вокруг как сумасшедшие, пытаюсь их поймать.

Я слегка смеюсь при этом воспоминании.

— Мигель упал и с ног до головы вымазался в грязи.

Она хихикает.

— Потом он ходил вокруг с распростертыми руками, пытаюсь всех обнять грязными объятиями. Мы так сильно смеялись. Это была хорошая ночь.

Я должна это сделать. Пока она улыбается. Джексон сказал подождать его, но я никогда не переключалась ни одну из своих обязанностей на кого-то другого.

Я сжимаю нож в руке и приказываю себе сделать это быстро. Это то, чего она хочет. Это будет милосердием.

Но вместо этого я жду.

Она заснула без предупреждения. Ее дыхание очень хриплое. Болезненное.

Я долго наблюдаю за ней, пока не понимаю, что она больше не дышит.

Я задыхаюсь. Проверяю ее пульс. Пытаюсь почувствовать какое-то дыхание.

Ничего нет.

Она скончалась.

Я не знаю, как и почему это произошло так быстро. У моей мамы была агония день за днем.

Я все еще держу нож, но теперь он мне не нужен. Я даже осмыслить не могу, почему он не нужен.

В конце концов Джексон находит меня там. Он входит в комнату один, и я слышу, как он издает бессвязный звук при виде меня.

— Бл*дь, — бормочет он, со щелчком закрывая дверь. — Ох, бл*дь, котенок, — он подходит и забирает нож из моей руки. Поднимает меня на ноги. — Я же сказал тебе подождать меня.

Я открываю рот, чтобы попытаться объяснить. Это то, чего она хотела.

Джексон смотрит на нож, как будто его смущает, что он чистый и сухой.

— Мне не пришлось, — удается выдать мне. — Она просто... умерла.

Затем я начинаю дрожать. Кажется, я ничего не могу с собой поделать. Джексон быстро заключает меня в крепкие объятия. Я хочу утешиться ощущением этого — его — но я не могу отпустить себя настолько, чтобы сделать это. Я отстраняюсь от него.

— Иди умойся и немного отдохни. Я позабочусь здесь обо всем. И я могу сам провести собрание сегодня вечером, если хочешь.

Я качаю головой.

— Мы потеряли Бретта и Молли. Я тоже буду там.

Но в остальном я делаю так, как он говорит. Я позволяю Джексону позаботиться о том, что осталось сделать, так как все равно не уверена, что смогла бы справиться с таким.

Я провожу некоторое время в одиночестве в своей комнате, но на самом деле не чувствую себя лучше. Я помогаю с ужином, а затем мы с Джексоном провожаем остальных попрощаться с нашими друзьями, как мы всегда это делали. Мы читаем вслух 23-й псалм. Затем мы говорим обо всем хорошем, что помним. Мне даже удается рассказать небольшие забавные истории и о Бретте, и о Молли.

После этого я обнимаю Хэма и Лэнгли, поскольку они оба, похоже, в этом нуждаются. А потом приходит время ложиться спать. Я иду в свою комнату. Моюсь. Переодеваюсь в сорочку. И сажусь на край моей кровати. Дрожу.

Я так сильно хочу пойти к Джексону, что едва могу себя сдерживать, но я иду к нему только ради секса. И я ни за что не соглашусь на это сегодня вечером.

Я долго сижу на краю своей кровати, пойманная в ловушку нерешительности.

Я понятия не имею, что делать.

Я не хочу, чтобы Джексон трахал меня. Я просто хочу его.

Глава 8

Я не знаю, как долго я там сижу. Слишком долго. Застывшая. Застрявшая.

Просто застрявшая.

Я думала, что этот мир никогда не смягчает свои удары, но прямо сейчас я все еще жива. Бретт мертв, и Молли мертва, но мне не пришлось ее убивать. Ничто не имеет никакого смысла. Это что-то новое. Незнакомое. И я в абсолютном ужасе.

Я не такая сильная, какой хотела бы быть, потому что в конечном счете все внутри меня слишком сильно болит. Мне нужен Джексон, даже если мне придется трахнуться с ним, чтобы получить его.

Если так нужно, я смогу это сделать. Это лучше, чем ничего.

Все лучше, чем это.

Поэтому я беру свечу и выхожу из своей комнаты, медленно пробираясь по коридору в его комнату. Я беззвучно открываю дверь. Захожу внутрь. Я еще даже не добралась до третьей скрипучей половицы, когда Джексон встает с кровати и широкими шагами направляется ко мне.

— Ну наконец-то, — хрипло произносит он. — Самое время. Я как раз собирался пойти и найти тебя.

Я застигнута врасплох его словами, поэтому не могу придумать, что ответить. Я позволяю ему взять свечу из моих рук и поставить ее на стол. Затем Джексон притягивает меня к кровати. Покрывала на кровати смяты и откинuty назад. Я ложусь.

Когда Джексон садится рядом со мной, он не целует меня сразу, как обычно. Он переворачивается на бок лицом ко мне, глядя на меня в тусклом, мерцающем свете.

Я не хочу, чтобы на меня смотрели. Такое чувство, будто в любой момент я могу разбиться вдребезги.

В странном оцепенении я переворачиваю Джексона на спину и ложусь на него сверху. Поглаживаю его грудь. Целую в шею. Пытаюсь начать заниматься сексом.

— Какого черта, котенок? — хрипло бормочет он, хватая мои руки оттуда, где они скользили вниз по его обнаженному телу к члену. — Что ты делаешь?

— Собиралась... — я все еще пытаюсь поцеловать его в плечо и высвободить руки. — ...трахаться...

Джексон получает контроль над моим телом, обхватывая меня обеими руками и переворачивая нас обратно на бок.

— Я не хочу трахаться вот так.

Я настолько эмоционально не в себе, что искренне сбита с толку.

— Но ты так... ждал меня.

— Не для того, чтобы потрахаться.

— Ты был недоволен, что я так долго не приходила.

— Не для того, чтобы трахаться. Не сегодня. Не после... всего, — я больше не сопротивляюсь, поэтому Джексон крепче сжимает меня в своих объятиях. — За какого, черт возьми, мудака ты меня принимаешь? Ты думаешь, мне хочется трахаться после сегодняшнего? Ты думаешь, я бы трахнул тебя, когда ты так себя чувствуешь?

Я тяжело дышу. Я отстраняюсь достаточно, чтобы моргнуть, глядя ему в лицо. Слишком темно, чтобы разглядеть все детали, но я могу сказать, что его лицо выражает боль, легкую растерянность, а также, возможно... возможно... нежность.

— Ты не хочешь трахаться?

— Нет.

— Ты хотел, чтобы я пришла сегодня вечером?

— Да, я хотел, чтобы ты пришла. Но нам необязательно трахаться. Мы можем просто... — он крепче сжимает объятия так, что моя щека прижимается к его плечу. — Мы можем просто сделать это.

Его руки сильны и непреклонны, обнимают меня. Его тело большое, крепкое и теплое. Его слегка прерывистое дыхание ерошит мои распущенные волосы. От него пахнет так, словно у него был такой же длинный день, как и у меня.

Меня начинает трясти.

Джексон издает горлом какой-то бессвязный звук и еще сильнее сжимает меня в объятиях.

— Все хорошо, котенок, — шепчет он мне на ухо. — Все в порядке. Мы можем просто сделать это.

Моя дрожь усиливается. Моя грудь и глаза ноют так сильно, что мне кажется, они вот-вот порвутся пополам. Я на грани того, чтобы развалиться на части, и его руки — единственное, что удерживает меня цельной.

— Господи, Фэйт, — Джексон запутался одной рукой в моих волосах, держа их в большой пригоршне. — Все в порядке. Все будет хорошо. Ты можешь немного отпустить себя. Тебе это дозволяется.

Я издаю звук, почти похожий на хныканье. Обычно я была бы смущена, но я не могу думать ни о чем, кроме того, что весь мир яростно содрогается, и что Джексон — единственное, что остается неподвижным. Я цепляюсь за него, как за спасательный круг.

— Ты можешь плакать, если хочешь. Здесь нет никого, кроме меня. Ты можешь отпустить контроль. Тебе не всегда нужно держаться так крепко.

Мне хочется плакать. Мне это необходимо. Рыдание вот-вот вырвется из моего тела, но, кажется, оно просто не может найти выход. Это убивает меня, но я как будто не могу избавиться от этого. Я задыхаюсь и дрожу так сильно, что у меня стучат зубы.

Джексон изменяет объятия так, чтобы одной рукой можно было гладить меня по волосам и спине.

— Черт, котенок. Ты просто убиваешь меня. Ты можешь быть неуязвимой со всеми остальными, но тебе не обязательно быть неуязвимой здесь. Только не здесь. Только не со мной.

Рыдание наконец-то пробивается сквозь комок в моем горле. Потом к моим глазам. И я вдруг начинаю безудержно плакать. Беспомощно. Так, как я не плакала с шестнадцати лет.

— Все в порядке, — шепчет Джексон мягко и настойчиво. Он снова крепко прижимается ко мне, пока я рыдаю у него на груди. — Все в порядке, котенок. Я держу тебя. Я держу тебя.

Это то, что мне нужно услышать. И именно так, как мне нужно это услышать. Я плачу обо всем. Обо всем, что я потеряла. О каждом человеке, которого я любила. О том факте, что все, что у меня осталось, может быть отнято в любой момент. И о том, что я ничего не могу сделать, чтобы остановить это.

Но также и о том, что есть нечто гораздо больше, чем разбитость. Кое-что, о чем я почти забыла.

Джексон продолжает обнимать меня. Продолжает бормотать невнятные заверения. У него тоже был адский день, но он не пытается отстраниться. Перевернуться на другой бок и лечь спать.

Возможно, каким-то неожиданным образом Джексону это тоже нужно.

Эта мысль утешает меня, когда рыдания наконец стихают. Я шмыгаю носом и сотрясаюсь от нескольких протяжных всхлипов.

Даже тогда он продолжает обнимать меня. И его руки все еще сжимают мое тело, когда я наконец засыпаю.

Я сплю с Джексоном всю ночь, проснувшись незадолго до рассвета. Он все еще спит. Где-то ночью он перевернулся на спину и вытянулся, слегка приоткрыв губы и закинув одну руку за голову.

Кажется, что каждая клеточка моего тела болит, но я чувствую себя намного лучше, чем днем ранее. Моя свеча все еще горит на столе. Я не должна была позволять этому продолжаться всю ночь. Свечи — это единственное, в чем у нас нет недостатка, но все равно это пустая трата ресурса.

Джексон открывает глаза, когда я сажусь и свешиваю ноги с кровати.

— Привет, — хрипит он.

— Привет, — я чувствую странную застенчивость, что просто смешно.

— Пора вставать?

— Почти, — когда Джексон продолжает смотреть на меня, как будто ждет, что я что-то скажу, я прочищаю горло. — Спасибо. За прошлую ночь, я имею в виду.

— Не за что. Но ты не должна благодарить меня за такое.

— Такое чувство, что должна. Это действительно помогло. Я... — я не могу спокойно встретиться с ним взглядом.

Такое ощущение, что его тело внезапно напрягается. Выжидает.

— Ты что?

— Мне это было нужно, — признаюсь я.

Он расслабляется. Кивает. Бормочет:

— Мне тоже.

По-моему, этого достаточно. Это объяснение тому, что произошло прошлой ночью. Это заставляет меня чувствовать себя менее застенчивой, когда я встаю и направляюсь обратно в свою комнату.

На следующей неделе мы возвращаемся к рутине. Мы должны делать все без Бретта и Молли, но потеря людей для нас не в новинку. Без них наша жизнь приобретает несколько иную форму. Я больше не плачу, но скучаю по Молли каждый раз, когда прохожу мимо палаты больных.

Хэм так хорошо проявил себя при попытке нападения Волчьей Стаи, что Джексон отдал ему место Бретта в одной из двухъярусных комнат. Кровать Молли тоже оказывается занята. Больше в этом районе не было замечено Волчьих Стай, даже когда мы выбирались за припасами.

Может, они все тоже погибли или мигрировали, как и многие другие.

Через пару дней я проверяю точку и нахожу записку, в которой говорится, что если мы все еще хотим пожертвовать сельскохозяйственные принадлежности, Мак мог бы встретиться с нами на следующей неделе. Я оставляю ответ, в котором говорится, что мы будем там.

Джексон не ворчит по поводу дополнительной поездки или жертвований, но я не могу сказать, потому ли это, что он рад это сделать, или нет. Он был тих и нежен со мной с той ночи, когда я сорвалась. Может, он думает, что я слишком слаба, но он даже больше не спорит со мной.

Это не так уж плохо, но как-то странно. Как будто что-то не совсем правильно.

Я стараюсь быть сильной, но я все еще недостаточно сильна. Я хожу в его комнату каждую ночь. Но не для секса. На этой неделе я наиболее фертильна, что является уважительной причиной не трахаться. Я хочу заняться сексом с Джексонем, но это почему-то пугает, так что я рада отсрочке. Он никогда не спрашивает, почему я продолжаю приходить в его комнату, даже если мы не трахаемся. Он ждет меня каждую ночь. Я ложусь к нему в постель, и мы обнимаем друг друга, пока не засыпаем.

Я не хочу, чтобы так было, но это лучшая часть моих дней.

В середине следующей недели я договорилась встретиться с Маком, чтобы привезти припасы. Я собрала столько пакетиков с семенами, мукой и овощами, сколько смогла, вместе с письменными инструкциями и советами. Нам нужно взять пикап, чтобы перевезти все это, но место встречи недалеко, так что нам не придется расходовать слишком много бензина.

Я рассчитываю поехать с Мигелем, но, когда я выхожу после завтрака, у грузовика меня ждет Джексон.

Он не ворчит по поводу риска или того, сколько провизии мы раздаем. Он ждет, пока я усядусь на пассажирское сиденье в кабине, а затем заводит двигатель и увозит нас прочь от фермы.

Дорога до старой заправочной станции на перекрестке двух небольших проселочных дорог занимает всего около двадцати пяти минут. Больше никого не видно, поэтому Джексон паркует грузовик рядом с тем, что раньше было насосами.

Эта заправочная станция оказалась заброшена очень рано, вскоре после Падения, и мой отец с Джексонем сразу пошли слить то, что осталось от бензина.

— Лучше бы ему, бл*дь, не опаздывать, — бормочет Джексон, глядя на дорогу сначала в одном направлении, потом в другом.

Он так похож на себя прежнего, что я почти улыбаюсь.

— Мы немного рановато приехали. Я уверена, что он будет здесь, — на самом деле я никогда не встречалась с Маком, но мне кажется, что я знаю его по запискам на точке. Он кажется надежным человеком.

Джексон издает какой-то гортанный звук, но он не складывается в настоящее слово. Он слегка вспотел, так как горячий, влажный воздух проникает через открытые окна. У него теперь слишком отросли волосы. Часть прядей свисает ему на лоб, почти лезет в глаза.

Недолго думая, я протягиваю руку и откидываю их назад, чтобы ему было лучше видно. Не знаю, зачем я это делаю. Я таким не занимаюсь. Конечно, я ласкала его член руками и ртом, но я не делаю таких случайных, интимных прикосновений, как это.

Это меня удивляет. И Джексона тоже. Его плечи напрягаются, и он тянется, чтобы взять руку, которой я прикасалась к нему.

Мы смотрим друг на друга, его пальцы обхватывают мое запястье.

Мне вдруг так сильно хочется поцеловать его, что потребность в этом поглощает меня целиком. Я сглатываю.

— Котенок, — выдыхает Джексон. Непонятно, ласковое ли это обращение или вопрос.

Затем его глаза становятся горячими. У меня перехватывает дыхание. Мы оба наклоняемся друг к другу через консоль между сиденьями, и я уверена, что мы бы поцеловались, если бы не услышали вдалеке, как кто-то нажимает на автомобильный гудок.

Мы отстраняемся в разные стороны, осматривая дорогу, чтобы увидеть, кто приближается. При виде грузовика Джексон вылезает и поднимает свою винтовку, держа ее наготове на всякий случай.

Даже если ты планируешь с кем-то встретиться, ты больше не рискуешь.

На дороге рядом с пикапом стоит еще одно транспортное средство. Это мотоцикл. Когда они подъезжают ближе, я вижу, что на нем девушка. Она выглядит очень молодо.

За рулем пикапа сидит крупный чернокожий мужчина, а в кузове — белый мужчина с дробовиком наготове.

Я выхожу и машу рукой, так как уверена, что один из этих парней — Мак. Парень за рулем грузовика машет в ответ.

— Фэйт? — зовет он, заезжая на стоянку заправочной станции рядом с нами.

— Да. Мак?

— Это я. Рад наконец-то с вами познакомиться, — он паркуется и вылезает из машины. Большой, сильный, красивый и мощный, но с по-настоящему теплым выражением лица, которое невозможно не полюбить. — Спасибо, что встретились с нами. Это здорово, что вы все предоставили нам припасы.

— Мы рады помочь.

Я оглядываюсь, когда мотоцикл паркуется рядом с Маком. Девушка, возможно, моего возраста или, может быть, на несколько лет моложе. Это невозможно сказать наверняка. У нее темно-каштановые волосы и поразительно зеленые глаза, и она одета в темные джинсы и что-то похожее на мужскую футболку.

— Я Рэйчел, — говорит она, слегка помахав мне рукой. — А это Кэл.

Она указывает на крупного неулыбчивого мужчину в кузове грузовика. На вид ему около сорока, так что по возрасту он подходит на роль отца Рэйчел. Он даже почти не смотрит на меня. Он слишком занят наблюдением за дорогой и время от времени за Джексоном, который не подошел, чтобы его представили, и не опустил винтовку.

— Рэйчел и Кэл помогают охранять груз, — говорит Мак. — Не хочу путешествовать с таким количеством вещей без дополнительной помощи.

— В этом есть смысл. Это хорошо, что вы все помогаете, — я говорю эти слова Рэйчел, поскольку она кажется достаточно милой.

— Это не доброта, — говорит Кэл, не глядя на меня сверху вниз. — Нам платят.

Мои глаза раскрываются, хотя я не уверена, почему удивлена. Когда я смотрю на Мака, он кивает с легкой улыбкой, подтверждая эту реальность.

— Они нам очень помогают, — вот и все, что он сообщает.

Никто больше не пользуется деньгами, поэтому я предполагаю, что им платят припасами, а не наличными. Это вполне приемлемый способ зарабатывать на жизнь в этом мире, и, по крайней мере, они нанимаются к хорошим людям, а не к плохим.

Они приступают к делу без дальнейших разговоров. Рэйчел, Мак и я перекладываем припасы из одного грузовика в другой, пока Джексон и Кэл стоят на страже. Когда Кэл

неоднократно называет Рэйчел «малышкой», я подтверждаю свое предположение, что он ее отец.

Он не похож на действительно хорошего парня, но очень многие люди, которые прожили так долго, больше не являются мягкотелыми. Похоже, он заботится о ней, а она явно доверяет ему и не собирается уходить. Я не думаю, что мне нужно беспокоиться о Рэйчел.

После того, как мы переложили все припасы, я немного разговариваю с Маком, просматриваю инструкции, которые я написала, и убеждаюсь, что у него нет никаких вопросов. Кажется, он действительно доволен всем и неоднократно благодарит меня. Он пытается посмотреть на Джексона, чтобы поблагодарить его, но Джексон, похоже, не хочет участвовать в разговоре.

Я не должна удивляться. Или разочаровываться. Или чувствовать обиду.

Ему никогда не нравилось, что я рискую или раздаю наши ресурсы без разбора.

Если я думала, что теперь все может быть по-другому, то я ошибалась. Я была глупа.

— Значит, вы все сейчас направляетесь на восток? — спрашиваю я, когда мы все обсудили.

Мак кивает.

— Ага. Кэл и Рэйчел будут со мной всю дорогу. В последнее время в этой части штата было тихо. Я думаю, у нас все должно быть в порядке.

— Ну, в любом случае будьте осторожны. Я рада, что у вас есть несколько лишних пистолетов.

— Если вы решите, что можете путешествовать, люди там все еще могут воспользоваться вашей помощью. Приезжайте в любое время. Я пробуду там несколько недель, помогая им все наладить.

— Мы не путешествуем так далеко, — грубо вставляет Джексон. Он явно следил за разговором больше, чем показывал.

Мак переводит взгляд с меня на Джексона, но о чем бы он ни думал, он не облакает это в слова. Он кивает с еще одной улыбкой.

— Логично держаться поближе к дому. Мы ценим все, что вы в состоянии сделать.

Я прощаюсь с ним, а затем подхожу к Рэйчел, которая стоит у своего мотоцикла.

— Было приятно с вами познакомиться, — говорю я ей. — Не стесняйтесь заглядывать, если снова будете проезжать этим путем.

Она улыбается и благодарит меня. Она не такая теплая, как Мак, но мне кажется, что внутри нее есть что-то настоящее и хорошее, и мне это нравится.

— И поблагодари своего папу, — добавляю я, не желая быть грубой и игнорировать его, хотя мужчине явно наплевать на сам факт моего существования.

— Он не мой папа, — говорит она, забираясь на свой мотоцикл.

Я моргаю.

— Мы семья, — объясняет она, явно не раздражаясь и не смущаясь из-за моей ошибки. Должно быть, это происходит постоянно. — Но он не мой отец.

С этими словами она заводит двигатель. Я отступаю, а затем, еще раз помахав Маку, направляюсь обратно к нашему пикапу, где ждет Джексон.

Когда остальные скрываются из виду, мы садимся в грузовик. Прежде чем включить зажигание, Джексон поворачивает голову ко мне лицом.

— Довольна?

Я не совсем понимаю, о чем он спрашивает. Может, это просто случайный вопрос, поэтому я просто киваю.

Похоже, Джексон не принимает это как ответ. Спустя минуту он говорит:

— Ты все еще хочешь отправиться туда, чтобы помочь, не так ли?

Я встречаюсь с ним взглядом. Он выглядит странно беспокойным. Немного расстроенным, немного злым и немного сбитым с толку. Но в основном беспокойным. Как будто что-то вот-вот вырвется у него изнутри.

По непонятной мне причине я хочу, чтобы это вырвалось наружу. Я хочу хоть раз увидеть и почувствовать, о чем Джексон на самом деле думает, вместо того чтобы пытаться прочесть знаки и использовать их, чтобы понять этого stoического, сдержанного мужчину.

Поэтому я отвечаю:

— А почему бы и нет?

— Ты знаешь, почему, — теперь он хмурится.

— Я знаю, почему ты думаешь, что мы не должны этого делать, но это уже недостаточно хороший ответ. Это уже не так опасно, как раньше. У нас есть многое, чего нет у других. Почему мы не должны пытаться помогать другим людям?

Мышцы на его челюсти подергиваются.

— Неужели помогать другим людям важнее, чем заботиться о людях, которые есть у тебя дома?

— Нет, — этот вопрос действительно расстраивает меня. Заставляет чувствовать себя виноватой. — Конечно, нет. Но почему мы не можем сделать и то, и другое?

Джексон ничего не отвечает на эти слова, и я не знаю, что еще сказать. Он недоволен, и я тоже, когда он везет нас обратно домой.

Той ночью, когда я готовлюсь ко сну в своей собственной комнате, я чувствую себя еще хуже из-за ситуации с Джексоном.

В этом не должно быть ничего особенного. За эти годы мы столько раз ссорились и пререкались, что это стало для нас второй натурой. Бывали недели, когда я едва могла выносить его вид, и мы общались только для того, чтобы решить логистические вопросы. Небольшое напряжение в грузовике сегодня днем не должно быть из ряда вон выходящим случаем. Это вообще не должно меня беспокоить.

Но тем вечером меня почти тошнит, пока я убиваю время перед уходом в свою комнату, приводя в порядок гостиную и кухню даже после того, как все остальные легли спать. Затем я долго отмываюсь после рабочего дня водой с мылом и мочалкой.

Было бы неплохо принять горячий душ.

Но, возможно, я больше никогда не смогу принять душ.

Суровая истина этого понимания — каким бы тривиальным оно ни было в контексте гораздо более важного — прямо сейчас кажется ужасной. Что горячий душ теперь — часть моего прошлого. Точно так же, как ощущение себя в безопасности в одиночестве. И походы по магазинам за одеждой. И ужин где-нибудь с родителями.

Как и сами мои родители.

Как и Молли.

И, может быть, какие-то странные, извращенные отношения, которые у меня были когда-то с Джексоном.

Мои глаза горят, когда я умываюсь, а затем медленно расчесываю все спутанные волосы.

Я продолжаю расчесывать их в течение долгого времени, стараясь не заплакать.

Я все еще провожу щеткой по волосам, когда раздается легкий стук в мою дверь. Я вздрагиваю от неожиданности, но тут же подхожу посмотреть, кто это.

Джексон. Стоит на пороге моей комнаты в брюках, которые он носил весь день, и больше ни в чем.

Он мрачно хмурится.

— Что...?

Он прерывает мой удивленный вопрос, входя в комнату.

— То есть, ты собираешься вот так просто меня бросить?

Я замираю, за исключением моих век, которые опускаются в очень медленном моргании.

— Ч-что?

Он закрывает дверь спальни ногой.

— Ты просто бросаешь меня, не сказав ни слова? Ты зла и боишься открыться, и вот как ты решаешь с этим справиться? Ты перестанешь проводить со мной ночи? Ты так поступишь со мной после всего, через что мы прошли?

— Я не... — я так потрясена, что, кажется, не могу поспевать за ходом разговора. Все это вообще не имеет никакого смысла. Поэтому, естественно, сначала я говорю самую неуместную вещь. — Я не боюсь.

— Конечно, ты боишься! Ты чертовски напугана. И я понимаю это. Правда понимаю. Но я сделал все, что мог, чтобы быть тем, кем ты хочешь меня видеть, и я заслуживаю лучшего, чем быть брошенным вот так!

Я таращусь на него, разинув рот. Я никогда не слышала, чтобы Джексон выражался так пылко, так неконтролируемо. Эмоции исходят от него волнами. Я прижимаю руки к груди и ухитряюсь произнести законченное предложение.

— Я тебя не бросаю!

Очевидно, это не то, чего он ожидает. Он напирал на меня, но теперь отступает на полшага.

— Что?

— Я тебя не бросаю, болван ты этакий! Я просто медленно собиралась ко сну сегодня вечером.

Джексон хмурится и снова подается вперед.

— Ты собиралась прийти в мою постель?

— Да, я собиралась прийти, — теперь я справляюсь со своим удивлением, и у меня остается странное, жгучее негодование, которое почти наверняка слишком сильно для нынешних обстоятельств. — Так что можешь отправляться к черту вместе со всем тем самодовольным возмущением, которое ты навоображал по поводу того, как плохо я с тобой обращалась!

Сейчас Джексон уже не выглядит таким расстроенным, но начинает казаться не менее взбешенным, чем я.

— Я не выдумал все это. Ты уже какое-то время была на грани того, чтобы бросить меня, так что вряд ли удивительно, что я предположил, будто ты это сделала.

— Никуда я не собираюсь уходить!

— Да, черт возьми, собираешься. Вот уже несколько недель ты хочешь сбежать от меня. И даже сейчас ты хочешь отправиться в какой-то сумасшедший геройский квест, потому что ты не можешь быть довольна всем, что у тебя здесь есть.

— Пошел ты на х*й, Джексон! Ты понятия не имеешь, что я чувствую, и тем не менее всегда предполагаешь обо мне самое худшее.

— Тогда *скажи* мне, — выдавливают он, нависая теперь так близко, что я могу протянуть руку и дотронуться до него. — Скажи мне, что ты чувствуешь. Скажи мне, чего ты хочешь. Потому что какое-то время я думал, будто ты хочешь меня, но теперь мне кажется, что ты всегда готова ускользнуть у меня из рук, как бы крепко я ни держал...

Я не знаю, что на меня нашло. Я искренне не знаю. Мои эмоции никогда не были похожи на американские горки, и даже если бы они были такими, я бы не позволила им руководить моими действиями. Но, похоже, прямо сейчас я ничего не могу с собой поделать. Он кажется таким настоящим. Таким искренним. Таким совершенно уязвимым. И в то же время почему-то сердитым. Я протягиваю руки, обхватываю его лицо обеими ладонями и притягиваю к себе для поцелуя.

Поцелуй получается глубоким, крепким, требовательным и ненасытным, и Джексон отвечает тем же. Соответствует этому. Он разворачивает меня так, что я прижата спиной к двери, и удерживает меня там, пока его язык проникает в мой рот.

Я не привыкла целовать его, когда он в штанах, и мне это не нравится. Я копошусь с пуговицей и молнией, пока не расстегиваю их, а затем нетерпеливо спускаю штаны вниз по

его ногам. Джексон не позволяет мне прервать поцелуй. Он обхватывает мой затылок, удерживая на месте. Но, по крайней мере, его член теперь свободен. И он твердый. Я чувствую, как его эрекция прижимается к моему животу. Я пытаюсь потереться об него.

Возбуждение и многое другое — многое, что уходит корнями гораздо глубже, — пульсирует в моих венах, бьется в точке моего пульса. Между моих ног возникает боль желания, которая вспыхнула так быстро, что это действительно причиняет боль.

Я хнычу, когда Джексон наконец отпускает меня, потому что я не хочу, чтобы он переставал меня целовать. Но это всего на несколько секунд, пока он скидывает брюки с лодыжек, а затем поднимает меня, чтобы отнести на кровать.

Это странно. Делать это на моей кровати, а не на его. Но я слишком ошеломлена нуждой и чистым желанием, чтобы позволить этому отвлекать меня надолго. Я притягиваю Джексона к себе и снова целую. Одно мое бедро находится между его ногами, так что наши ноги переплетены вместе, пока он удерживает весь свой вес на одной руке. Другая рука обхватывает мою шею сбоку, и это так хорошо.

Странно интимно.

Когда он, наконец, отрывается от моего рта, чтобы проложить дорожку поцелуев вниз по моему горлу, я выгибаю шею и выдыхаю:

— Джексон.

Он издает гортанный гудящий звук и хватает ткань моего платья в кулак, чтобы стянуть его через голову. Затем он втягивает один из моих сосков в рот.

— Джексон! — мой голос по-прежнему мягок. Не более чем задержанный вздох. Но в то же время совершенно беспомощный. Мне нужно произносить его имя. Мне необходимо.

Мне нужно знать, что это действительно он.

И на самом деле я.

— Скажи это еще раз, — бормочет Джексон мне в живот. Его поцелуи прокладывают путь вниз, к моей киске.

Я снова бормочу его имя. А потом еще раз, теперь громче, когда он интимно прижимается ко мне, дразня мой клитор и просовывая внутрь свой язык.

Он быстро доводит меня до оргазма, а затем я снова притягиваю его к себе для поцелуя. Я чувствую свой вкус у него во рту, но меня это не волнует.

— Джексон, пожалуйста. Мне нужно, чтобы ты был внутри меня. Пожалуйста!

Он издает какой-то урчащий звук и раздвигает мои ноги, чтобы освободить для себя место. Затем подтягивает мои колени к плечам и толкает свой член внутрь меня.

Я выгибаю спину от тугого, интенсивного удовольствия от проникновения. Он на мгновение замирает и, задыхаясь, прижимается к моей шее.

Я извиваюсь.

— Джексон. Джексон, пожалуйста!

— О, черт, котенок. Прошло слишком много времени.

Прошло чуть больше недели, но и это слишком долго. Такое чувство, что мы изголодались друг по другу. Я извиваюсь, мяукаю и царапаю линии на его обнаженной спине, умоляю Джексона двигаться, взять меня, трахнуть так, как мне нужно.

Наконец он выпрямляет руки и начинает двигать бедрами. Я вскрикиваю от облегчения.

Он смотрит на меня сверху вниз в мерцающем свете свечей.

— Кто тебе нужен?

— Ты, — говорю я ему, встряхивая головой и пытаюсь убрать волосы с лица. — Ты, Джексон. Ты.

Ему нравится, как это звучит. Я вижу это по его лицу. Его глаза сверкают, и напряжение немного спадает, когда он ускоряет свой ритм.

Мои ноги согнуты, так что у меня не так много свободы действия, но я стараюсь двигать бедрами, чтобы встречать его толчки. Вскоре мы начинаем заниматься этим так усердно, что кровать раскачивается.

— Кого ты хочешь? — хрипло выпаливает Джексон.

— Тебя. Тебя. Только тебя, — мне все равно, кажусь ли я бесстыжей или пьяной. Это правда, и я должна это сказать.

Он издает рычащий звук, который звучит почти дико, и вбивается в меня быстро и сильно.

Меня это решительно устраивает. Ощущения во всем моем теле настолько приятные, что все ноет и пульсирует, пока внутри нарастает оргазм. Я охаю и задыхаюсь, пытаюсь дотянуться до него.

— Кого ты... — Джексон начинает вопрос, но не может закончить его. Выражение его лица внезапно искажается от удовольствия. — Ох, бл*дь.

Он вот-вот кончит. Я вижу и чувствую это. Но я почти, почти у цели. Он продолжает двигаться, толкаясь в меня, когда наступает его кульминация. От этого его лицо преобразуется, и вид этого тоже выводит меня из себя.

Я выкрикиваю его имя, когда кончаю, безуспешно пытаюсь заглушить свои звуки, уткнувшись в его плечо. Затем мы оба дрожим и содрогаемся, упиваясь спазмами разрядки.

Это хорошо. Так хорошо. Даже когда я смутно осознаю, что Джексон эякулирует в меня, и ему действительно не следовало этого делать.

Кажется, сейчас мне все равно. Джексон помогает мне выпрямить ноги, а потом падает на меня сверху, и я обхватываю его обеими руками.

— Бл*дь, — он тяжело дышит мне в шею. — Бл*дь, котенок. Это было... бл*дь.

— Угу, — это все, что я могу сказать. Я поглаживаю царапины, которые оставила на его спине и заднице.

— Прости.

— За что ты извиняешься? Все было здорово.

— Да, но мне следовало вытащить. Я не знаю, что именно... Я не должен был вот так срываться.

— Все в порядке. Маловероятно, что я забеременею. Мы просто постараемся быть более осторожными.

— Да, — он целует основание моей шеи. Затем поднимает голову и целует меня в губы. — Обычно я лучше контролирую себя.

Сухое самоуничижение в выражении его лица заставляет меня хихикнуть.

— Да, это так. Но я уверена, что твой мастерский контроль вернется достаточно скоро.

Джексон усмехается и скатывается с меня, переворачиваясь на спину. Прежде чем мое тело успевает привыкнуть к свободе от него, он притягивает меня к себе и обнимает одной рукой.

Это даже к лучшему. В любом случае, на самом деле я не хотела от него освободиться.

Глава 9

Мы долго лежим вместе. Кажется, я действительно погружаюсь в легкую дремоту, хотя и не осознаю этого.

Меня возвращает в сознание ощущение того, что Джексон подвигается и покрывает легкими поцелуями мой подбородок, а затем спускается вниз по шее.

Меня это не удивляет. Ему часто нравится делать это во второй раз (а то и в третий). Особенно когда мы занимались сексом всего раз в несколько недель. Хотя обычно он сразу же принимается за дело, пока я не успела предположить, что все кончено, и не направилась обратно в свою комнату. Но я не планирую никуда идти сегодня вечером, и он должен это знать. Так что у нас была возможность отдохнуть.

Я улыбаюсь в темноте и запрокидываю голову, чтобы дать ему больше доступа к моей шее. Джексон гладит меня по волосам, покусывая и дразня. Это приятное ощущение. Поразительно нежное.

Может быть, дело в том, что мы не сразу перешли к делу, но Джексон кажется мягче. Медленнее. Он опускается к моей груди и уделяет ей много внимания. Так много, что вскоре я не могу держать бедра неподвижными. Они беспокойно ерзают. Мои руки перестают сжимать простыни и начинают ласкать спину, руки и голову Джексона.

Когда я начинаю бормотать нежные мольбы, он скользит одной рукой вниз к моей киске и трахает меня двумя пальцами, пока я не достигаю оргазма.

— Мне нравится смотреть, как ты кончаешь, — говорит Джексон, прокладывая дорожку поцелуев вниз к моему животу. Мое тело все еще содрогается от восхитительных спазмов, и я еще не отдышалась.

— Почему? — мои пальцы теперь в его волосах, запутываются в густых волнах. Их действительно нужно как можно скорее подстричь. Они почти достаточно длинные, чтобы завязать их в конский хвост.

— Почему? Что это за вопрос такой? — Джексон добрался до моего паха, раздвигает мои бедра и трется лицом о мою киску. — Почему это не может просто нравиться мне?

— Может. Но обычно на это есть причина, — я снова возбуждаюсь. Мои руки сжимаются в кулаки в его волосах.

— Мне нравится смотреть, как ты теряешь контроль. Ты почти никогда этого не делаешь, — он раскрывает меня пальцами и несколько раз проводит языком по клитору.

Я задыхаюсь, и мне приходится сдерживаться, чтобы не прижаться к его лицу.

— Я не настолько плоха.

— Ты вообще не плоха, — он снова скользит пальцами внутрь меня и двигает ими, дразня мой клитор ртом. — Ты потрясающая. Ты такая храбрая. И такая сильная. И все равно почему-то такая... такая сострадательная. Но ты не так уж часто ослабляешь бдительность. Я единственный, кто может видеть тебя такой.

Я вот-вот кончу снова. Я пытаюсь оседлать его пальцы и вонзаю ногти в кожу его головы. Но его слова сводят меня с ума не меньше, чем его прикосновения. Мне удается выдохнуть:

— Видеть меня какой?

— Вот такой. Открытой. Обнаженной. Страстной. Нуждающейся, — Джексон с силой посасывает мой клитор, пока я не всхлипываю и не сотрясаюсь от глубокого оргазма. Затем он прокладывает дорожку поцелуев вверх по моему телу, бормоча: — И вот такой. Мягкой. Запыхавшейся. Теплой. Удовлетворенной, — в его голосе слышится улыбка, когда он касается моих губ, и я вижу ее на его лице, когда он смотрит на меня сверху вниз. — Никто, кроме меня, не увидит тебя такой.

В конце тембр его голоса слегка повышается, и я вдруг задумываюсь, не вопрос ли это. Я отвечаю на него в любом случае. Обхватываю его лицо рукой.

— Никто, кроме тебя, Джексон. Ты действительно должен был бы уже это понять.

Он издает гортанный звук, который почти похож на рычание, но не совсем. Затем целует меня в губы, и поцелуй очень быстро становится глубоким. Я протягиваю руку между нашими телами к его члену. Он снова полностью возбужден, и я жадно прикасаюсь к нему, пока мы целуемся.

Вскоре Джексон прерывает поцелуй, чтобы занять позицию между моих ног. Когда он входит в меня, я обхватываю его ногами, и мы раскачиваемся в унисон, с одинаковым голодом.

И я чувствую себя единой с ним в этом. С ним. По-настоящему. Не только наши тела трахаются, но и что-то еще... гораздо большее... делает нас единым целым.

Все дело в этом. Я уверена, что дело именно в этом. Это внезапное, пронизывающее до костей знание заставляет меня плакать.

Я даже не уверена, с чего все начинается, но вскоре слезы скапливаются в моих глазах и стекают по щекам. Джексон все еще трахает меня — большой и сильный, теплый и нежный — и это все, чего я хотела. Это так приятно. Возможно, я даже смогу кончить снова. Но я не могу перестать плакать.

В этом нет никакого смысла. Я почти никогда больше не плачу. Так что почему я плачу сейчас... без всякой на то причины... это сбивает с толку. Ужасает.

Может быть, мы подходим к тому моменту, когда самый мягкий сдвиг может сломать нас, и это переломный момент для меня.

Я пытаюсь скрыть это, но Джексон все равно это видит. Конечно, он знает. Его ритм замедляется, а затем останавливается. Затем его член выскальзывает из меня, и он приподнимается надо мной на обеих руках. Его голос мягкий и грубоватый, когда он говорит:

— Я думал, ты этого хотела.

Его голос звучит почти сломленным, и это заставляет меня плакать еще сильнее.

— Я неправильно понял? — теперь он сидит на кровати. Отдаляется от меня. — Я не зашел слишком далеко? Я думал, мы... мы с этим разобрались. Я думал, мы вместе. По-настоящему.

— Так и есть! — я почти задыхаюсь от этих слов, так отчаянно я хочу, чтобы они были сказаны. — Мы вместе.

— Но ты все равно несчастлива. Я не могу сделать тебя счастливой.

— Можешь... — я обрываю любой аргумент, который готовился сорваться с моих губ. Я сажусь на кровати, как и Джексон, и вытираю слезы обеими руками. Мне вдруг стало ясно кое-что из того, что раньше было скрыто в тумане. — Я счастлива с тобой. Мне не нужен никто другой. Но мне нужно... Мне нужно нечто большее. В моей жизни, — я прочищаю горло от хрипоты и продолжаю вытирать слезы, которые, кажется, никогда не прекратятся. Я натягиваю простыню на грудь, так как я совершенно голая.

— Тебе нужно нечто большее, чем я? — это не вызывающее обвинение. Это звучит как настоящий вопрос. Как будто ему больно, но он пытается понять.

— Да! Мне потребовалось много времени, чтобы понять, в чем дело. Почему я была такой... беспокойной в последнее время. Первые несколько лет нам требовались все силы, чтобы просто выжить и сохранить жизнь всем остальным. Но я больше не чувствую себя так. Я думаю, что теперь есть место для... большего.

— Чего большего?

— Больше... больше меня. Я хочу делать больше, чем просто влачить существование. Я хочу что-нибудь *предпринять*.

Джексон такой большой, красивый, взерошенный и хмурый, когда садится на помятой кровати рядом со мной.

— Что, черт возьми, это значит? Ты делаешь что-то каждый божий день. Я никогда не знал никого, кто работал бы усерднее тебя. Ты поддерживаешь все это место в рабочем состоянии. Ты помогаешь всем нам выжить.

— Я знаю. Но это именно то, что я пытаюсь объяснить. Я хочу большего. Я хочу, чтобы та, кем я являюсь, была кем-то большим, чем это. Я не хочу, чтобы вся моя жизнь определялась стенами Новой Гавани. Я хочу выйти и что-нибудь сделать. Помогать людям.

— Вот почему ты хочешь поехать и помочь этим людям обустроить их ферму, — Джексон все еще слушает. Его глаза не отрываются от моего лица. Но глубокие хмурые складки искажают его лоб и опускают уголки рта.

— Да. Я хочу это сделать. И, возможно, другие вещи, если что-то подвернется, — это такое облегчение, подобное освобождению от сковывающих пут — наконец-то найти слова, чтобы высказаться. — И я знаю, это может быть опаснее, чем всегда оставаться здесь, но я все равно хочу это сделать. Я не нежный цветок, который никогда не может находиться под воздействием солнечного света, и я не хочу, чтобы ты относился ко мне как к цветку.

— Ты для меня не нежный цветок, — выдавливает Джексон, впервые выглядя почти сердитым.

— Тогда кто я?

— Ты — это все! — слова вырываются у него будто сами собой, удивив нас обоих. Но он продолжает: — Ты для меня все. Абсолютно все. И будь я проклят, если позволю тебе отправиться на какую-нибудь безнадежную миссию и погубить себя, потому что ты чувствуешь вину за то, что мы здесь так хорошо живем, или ты думаешь, что мы этого не заслуживаем.

— Я не это имею в виду! — мой голос повышается, и его тон тоже, хотя ни один из нас не близок к тому, чтобы кричать.

— Тогда скажи мне, что ты имеешь в виду! Перестань пытаться всегда быть неуязвимой и скажи мне, что тебе нужно, чтобы я мог дать это тебе, — он делает паузу, чтобы перевести дыхание, и прежде чем я успеваю ответить, он продолжает. Слова вырываются так, словно он больше не может их сдерживать. — Потому что я думал, что у нас все очень хорошо. Мы построили здесь свою жизнь — ты, я и все остальные. И это нелегко, но я думал, что это хорошая жизнь. Я думал, ты тоже так считаешь. И я даже думал, что... что становилось еще лучше. Действительно хорошо. А теперь ты ждешь, что я буду смотреть, как ты просто выбрасываешь это на ветер.

— Я не собираюсь выбрасывать это на ветер, — я снова чуть не плачу, но стараюсь держать себя в руках. — Джексон, пожалуйста. Я не собираюсь ничего выбрасывать. Я бы никогда этого не сделала. Я люблю ту жизнь, которая у нас здесь. Я люблю Новую Гавань. Я люблю Мигеля, и Кейт, и Хэма, и Гейл, и Лэнгли, и всех остальных. Я люблю наш сад, наших кур и свиней и ту смехотворно большую уродливую стену, которую ты построил, чтобы обезопасить нас. Я люблю рассветы по утрам, и совместное чтение книг каждый вечер, и ощущение, что это... это семья. Мне все это нравится. Мне нравится наша здешняя жизнь, и я бы никогда от нее не отказалась.

Последние слова звучат как прерывистое рыдание.

Джексон молчит с минуту, и его лицо искажено эмоциями, которые он явно пытается контролировать.

— О. Понимаю. Тогда дело во мне. Это меня ты не любишь.

— Джексон, нет, это не...

— Ты хочешь другого мужчину. Лучшего мужчину. Тебе нужен мужчина, который сможет лучше заботиться о тебе, лучше трахать тебя и заставлять чувствовать себя более особенной.

— Мне не нужен никакой мужчина, кроме тебя! — я выпаливаю эти слова, потому что попросту не в силах вынести боль, которую я слышу в его голосе. — Заткнись и действительно послушай меня. Кто бы говорил о безнадежной миссии. Ты твердо решил не верить тому, что я тебе говорю. На этот раз я говорю это не в порыве страсти. Я говорю тебе прямо. Ты единственный мужчина, которого я хочу, Джексон. Единственный мужчина. Навсегда.

Выражение его лица снова меняется, но на этот раз не в плохом смысле.

— Да?

— Да!

— Тогда почему...

— Потому что это чертовски страшно! Ты продолжаешь думать, будто причина, по которой мне нужно что-то большее в моей жизни — это то, что тебя мне недостаточно. Но на самом деле все наоборот. Ты тоже для меня все. Все. Но именно поэтому мне нужно, чтобы мой мир стал больше, чем он есть прямо сейчас. Потому что, черт возьми, я буду делать, если с тобой что-нибудь случится?

— Ничто не случ...

— Не смей так говорить. Ты не можешь так говорить. Потому что люди умирают каждый день — даже те, ради кого мы отправились бы на край света, чтобы сохранить им жизнь. В этом мире нет гарантированной долгой и счастливой жизни. Ну и что, если с тобой что-нибудь случится?

Джексон смотрит на меня, тяжело дыша. Затем, наконец, бормочет:

— Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы пустил пулю себе в глотку.

— Именно это я и имею в виду! Я чувствую то же самое. И это нехорошо. Для любого из нас. Наши миры должны быть больше этого. Я только сейчас, наконец, понимаю это, но именно это и беспокоило меня все время. Мне нужно иметь цель, выходящую за рамки простого цепляния друг за друга и попыток остаться в живых. Вот почему я хочу пойти и помочь этим людям. Потому что это похоже на первый шаг. Я не хочу существовать в маленьком безопасном пузыре, в то время как весь остальной мир горит. Джексон, моя душа больше, чем я позволяла ей стать в течение последних пяти лет. Мир стал больше. И он может ужасать. Он может отнять у нас так много того, что мы любим. Но он может быть больше и лучше. Мы можем сделать мир лучше. И именно это я пытаюсь сделать.

Джексон все еще смотрит на меня, выглядя слегка ошеломленным. Он молчит, но мне кажется, что он меня услышал. Действительно услышал меня.

Я прочищаю горло и вытираю несколько случайно навернувшихся слезинок.

— В любом случае, именно поэтому я хочу совершить это путешествие, хотя и знаю, что ты считаешь его глупым. Я просто хочу... сделать первый шаг.

— Значит, с этого момента ты хочешь всегда отправляться на миссии милосердия? — в его тоне нет горечи. Он действительно хочет знать.

— Нет. Нет, конечно, нет. Нам слишком многое нужно делать здесь. Я хочу продолжать заботиться о людях, которые у нас здесь есть. Но иногда мне хочется сделать немного больше. Я не жду, что ты поедешь со мной. Я бы никогда не попросила тебя сделать то, во что ты не веришь. И я знаю, что могу просто делать то, что хочу. Мне не нужно твое разрешение или что-то в этом роде. Но мы уже столько времени делали все вместе, и я хочу, чтобы ты понял и... и принял это. Я хочу, чтобы ты был на моей стороне, даже если ты не... со мной.

Проходит много времени, пока Джексон смотрит на меня и просто дышит. Я не тороплю его, потому что кажется, что он пытается все обдумать. Затем, наконец, кивает.

Я делаю быстрый вдох.

— Что означает этот кивок?

— Это значит — я думаю, что понимаю. Я с тобой. Мне кажется, я понимаю. Я понимаю, о чем ты говоришь.

— Так ты не возражаешь, если я совершу это путешествие?

Он качает головой с легкой улыбкой.

— Я не возражаю. Не то чтобы это когда-либо останавливало тебя раньше.

— Я знаю, но я говорила искренне. Я не хочу, чтобы ты ненавидел то, что я делаю.

— Я всегда буду ненавидеть все, что подвергает тебя опасности. Я ничего не могу с собой поделать. Но я не буду на это обижаться. Я думаю, что понимаю. Ты хочешь делать нечто большее, чем просто выживать. До тех пор, пока это *большее* не будет отнимать тебя у меня слишком часто, или пока ты не решишь, что уже не хочешь, чтобы я был твоим мужчиной. Потому что я никогда не смирюсь *с этим*.

Я хихикаю и практически бросаюсь к нему в объятия.

— Этого никогда не случится. Я всегда буду хотеть, чтобы ты был моим мужчиной.

— Тогда хорошо. У нас все хорошо, — Джексон крепче обнимает меня и не отпускает.

Я планирую на следующей неделе отправиться в восточную часть Кентукки. Джексон и я просим добровольцев, так как мы не хотим заставлять кого-либо выдвигаться в поездку, которая может быть опасной. Так что в итоге остаемся я, Хэм, Гейл и Лэнгли, которые кажутся мне хорошей группой.

Я взволнована этим — и тем, что Джексон, кажется, искренне понимает и поддерживает меня. Так что следующие дни проходят хорошо. В течение дня я усердно

работаю над своими обычными делами, а также готовлюсь к поездке. И каждую ночь я ложусь в постель с Джексоном. Мы много занимаемся сексом, а потом бодрствуем в темноте и разговариваем. Я сплю очень хорошо и просыпаюсь счастливой, впервые в жизни уверенной в том, что Джексон испытывает ко мне те же чувства, что и я к нему.

Утром, когда я планирую уезжать, я спешу все сделать, и когда наконец добираюсь до гаража к забитому пикапу, который мы забираем, у меня перехватывает дыхание.

Единственное, чего я не жду с нетерпением, так это разлуки с Джексоном, даже всего на несколько дней.

Я удивлена, увидев его стоящим рядом с водительской дверью грузовика. На нем поношенные джинсы и черная футболка, которые мы взяли в том Уолмарте. Он откидывает волосы со лба и дарит мне легкую полуулыбку.

Я подхожу к нему, растерянно хмурясь. Затем я замечаю наполненный рюкзак, стоящий у его ног.

— Что такое...

— Я еду с тобой, — тихо говорит он, когда я подхожу ближе.

Я задыхаюсь и поднимаю руки к его груди.

— Правда?

Застенчиво кивнув, он признается:

— Я много размышлял о том, что ты сказала. И я думаю... Я думаю, что тоже хочу, чтобы мой мир был больше.

Я издаю тихий всхлипывающий звук и притягиваю его к себе в объятия. Джексон обнимает меня в ответ, но всего на минуту. Он говорит мне на ухо:

— Не тогда, когда все остальные смотрят, котенок. Позже ты сможешь обнять меня лучше.

Я хихикаю и отстраняюсь. Корчу гримасу Хэму, который дразняще улыбается мне.

Мы трогаемся в путь, и я не могу вспомнить, когда в последний раз была так счастлива. Джексон пытается скрыть это за своим обычным суровым выражением лица, но я вижу, что он чувствует то же самое.

Может, счастье больше не будет таким чуждым для нас.

Через неделю мы возвращаемся домой.

Поездка прошла на удивление хорошо. Дорога туда и обратно была безопасной и без происшествий. На обратном пути у нас возникли некоторые проблемы с двигателем, но Джексон сумел найти временное решение, которое доставило нас домой, где он сможет поработать над нормальным ремонтом. На обратном пути мы заехали в тот Уолмарт и набили полный грузовик припасов и одежды.

И мы сделали много хорошего для людей, которые пытаются переселиться. Мы привезли им несколько цыплят и помогли спланировать их огороды и посевы пшеницы. Мы научили их изготавливать муку и печь хлеб, а также консервировать фрукты и овощи на зиму.

Я совершенно вымотана, когда в поле зрения появляются ворота Новой Гавани, но это приятная усталость. Чувство выполненного долга. Достигнутой цели.

Я так долго этого хотела и только недавно смогла осознать это.

Джексон сидит за рулем рядом со мной, и в этот самый момент он оглядывается, одаривая меня легкой улыбкой, которая преображает все его лицо.

Он рад вернуться домой. Я тоже.

Несмотря на его опасения, Джексон, казалось, хорошо провел время на этой неделе. Он работал с людьми над организацией дежурств и учений, давал советы по строительству стены, которая все еще необходима для обеспечения безопасности в современном мире. Он никогда не станет общительным человеком или болтуном, но, казалось, многие люди ему

понравились и вызвали у него уважение, и все они посчитали Джексона даром, посланным им с небес.

Он довольно крут. Я не могу этого отрицать. Я протягиваю руку и сжимаю его колено.

— Это была хорошая идея — поехать, — произносит он своим знакомым гортанным бормотанием. — Я рад, что мы это сделали.

Это самое большое подтверждение, о каком я могла мечтать.

Все в Новой Гавани в восторге от нашего возвращения, и остаток дня проходит быстро — за разгрузкой вещей, обсуждением новостей и долгими вечерними посиделками, на которых мы рассказываем истории о нашей поездке, а не читаем по книге.

Я должна быть готова проспять несколько дней, но нахожусь в нелепом возбуждении, пока умываюсь в своей комнате и надеваю любимую розовую ночную рубашку. Лямочки истончились от износа и неправильного использования в руках Джексона. Я не уверена, как долго она продержится, но, вероятно, я смогу просто пришить к ней новые бретельки.

Я не хочу от нее отказываться.

На улице и в доме уже темно, поэтому я, как обычно, беру свечу и иду по коридору в комнату Джексона.

Было трудно много заниматься сексом в отъезде, так как у нас было мало уединения. На самом деле, мы пару раз сбегали, чтобы по-быстрому потрахать в заброшенном внедорожнике, но это не так уж удобно.

Я открываю дверь комнаты Джексона и вхожу внутрь. Половица скрипит на моем третьем шаге. Я ставлю свечу на стол.

Я не слышу шороха на кровати. Когда я моргаю, глядя в том направлении, то вижу, что она пуста, хотя покрывало смято.

Где, черт возьми, он...?

Мой внутренний вопрос прерывается испуганным визгом, когда чья-то рука обхватывает меня сзади, разворачивает, а затем поднимает, чтобы перекинуть через широкое плечо.

Я беспомощно хихикаю и притворяюсь, что сопротивляюсь — так сильно, что он шлепает меня по заднице, чем вызывает нелепый резкий прилив удовольствия. Джексон поволчы ухмыляется, когда бросает меня на кровать и забирается на меня.

— Придурок, — говорю я, все еще пытаюсь сдержать смех. — Ты же знаешь, я не ведусь на эти штучки пещерного человека.

Он усмехается, стягивая с меня сорочку через голову.

— Теперь я точно знаю, что это неправда. Все, что связано с пещерным человеком, очень заводит тебя.

— Это просто нелепо. Ничего подобного... — мое неубедительное возражение прерывается вскриком неожиданного удовольствия, когда Джексон переворачивает меня на четвереньки и прижимает верхнюю часть моего тела к матрасу. Он несколько раз шлепает меня по заднице и трахает пальцами, пока я не достигаю громкой, бесконтрольной кульминации, которую едва могу заглушить покрывалом.

Пока я все еще задыхаюсь от затяжных спазмов, Джексон наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Ты что-то говорила о пещерном человеке?

— Заткнись. Это был несчастный случай.

Он безудержно хохочет и переворачивает меня на спину. Я притягиваю его к себе и заключаю в объятия.

Объятие переходит в поцелуй, который перерастает в горячий, настойчивый секс. Сначала сзади. Потом я верхом на нем. Джексон пристально смотрит на меня, пока я скачу на нем, и даже в мерцающем свете я вижу выражение его глаз. Что-то похожее на благоговейное

обожание. Это переполняет меня. Ошеломляет меня. Я резко кончаю, а затем наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

Его член выскальзывает при этом движении, что тоже к лучшему. Я опускаюсь вниз по его телу, чтобы полностью взять его в рот. Я усердно сосу его, пока Джексон не кончает с протяжным, беспомощным стоном.

Затем я падаю на него сверху, и он обнимает меня, пока мы оба переводим дыхание.

Через некоторое время Джексон начинает гладить мои волосы, спину, ягодицы.

— Ты действительно подстерегал меня, чтобы побыть пещерным человеком? — спрашиваю я у него. Я улыбаюсь, лежа у него на груди, время от времени утыкаясь носом в изгиб его шеи.

— Нет. Я просто по чистой случайности смотрел в окно, когда ты вошла. Но я никогда не из тех, кто упускает возможность.

— На что ты смотрел? Ты что-нибудь слышал снаружи?

— Нет. Я просто смотрел, — сейчас его голос звучит почти неуверенно, и я понимаю почему, когда он продолжает: — Мне нравится, как она выглядит ночью. Новая Гавань. Мне просто нравится на нее смотреть.

Это трогает меня. Как сильно он любит это место. Для него это такой же дом, как и для меня. Я прижимаюсь поцелуем к его плечу и позволяю этому послужить моим ответом.

Несколько минут мы лежим в удовлетворенном молчании. Затем я спрашиваю без обиняков:

— Что ты подумал, когда я впервые начала приходить в твою комнату? Ты был удивлен?

— Да, — признает Джексон, сжимая мягкую плоть на задней поверхности моих бедер. — Я знал, что тот первый раз не был запланированным, и я думал, ты не шутила, когда сказала, что это не может повториться. Я уже тогда был без ума от тебя, но сказал себе, что придется довольствоваться одним разом.

Я поднимаю голову, чтобы увидеть его лицо.

— Тогда ты уже был без ума от меня?

— Конечно. Разве ты этого не знала?

— Нет, я этого не знала. Ты всегда казался таким грубым и злым. Если ты был заинтересован, почему не вел себя более мило?

— Я даже не уверен, что знаю, как быть милым. И что, черт возьми, я должен был делать? Признать, что я одержим дочерью-подростком тех людей, которые меня приютили?

— Мне было девятнадцать. Это не было бы чем-то неприличным. Если только не... Я имею в виду, если только я не нравилась тебе, когда...

Джексон фыркает с сухим смешком.

— Нет, я не испытывал к тебе вожделения, когда тебе было шестнадцать лет. Моника была мне небезразлична. Правда. Между нами никогда не было всепоглощающей страсти, но она кое-что значила для меня. Ну то есть, я заметил тебя. Кто бы этого не сделал? Ты великолепна, и ты всегда была такой умной, щедрой и... и свирепой. Но только после ее смерти для меня все стало ясно.

— О, — я думаю об этом. В смысле, пытаюсь понять всю нашу историю.

— Так что это просто должно было стать чем-то, о чем я унывал в одиночестве и ничего не предпринимал, пока ты не начала приходить в мою комнату, — он берет в охапку мои волосы, чтобы убрать их с моего лица. — Я ждал тебя. Каждую ночь. Даже зная, что ты будешь приходить не очень часто. Шанс всегда имелся. И это было для меня всем.

Джексон никогда не был склонен к откровенности, так что тот факт, что он говорит мне об этом, имеет значение. Большое значение. Я целую его в грудь. Затем приподнимаюсь, чтобы поцеловать его в губы. Медленно и нежно.

— Я не хотела, чтобы это значило так много, — говорю я ему после того, как отстраняюсь. — Я хотела, чтобы это была просто физическая разрядка. Но все не сводилось к

разрядке. Мне нужно это. Мне нужен ты, — я устраиваюсь поудобнее. — Я всегда буду нуждаться в тебе.

— Я тоже.

Я улыбаюсь и закрываю глаза. Джексон долго держит меня в объятиях, время от времени поглаживая мои волосы и тело.

Никто из нас не засыпает, и в конце концов он говорит другим тоном:

— Я тут подумал... — его голос снова звучит почти неуверенно.

Я поднимаю голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Мне кажется довольно глупым, что ты каждую ночь прокрадываешься в мою комнату. Так что я подумал, может, мы могли бы просто... жить в одной комнате. Если ты хочешь. Ты могла бы переехать ко мне.

Мои глаза широко раскрываются.

— Только если ты хочешь, — поспешно продолжает Джексон, очевидно, неправильно истолковав выражение моего лица. — Или мы могли бы переехать в твою комнату, если ты так предпочтешь. На самом деле мне все равно. Просто это кажется практичным, если ты хочешь проводить со мной каждую ночь. И мы могли бы предоставить Мигелю и Кейт другую комнату. Они этого заслуживают. И они подхватят пневмонию, если зимой каждую ночь будут выходить на улицу, чтобы заняться сексом.

Я смеюсь над этим и обхватываю его подбородок одной рукой.

— Мы бы этого не хотели, не так ли?

— Определенно нет, — в его глазах появляется надежда. — Значит, ты подумаешь об этом? О переезде ко мне?

— Мне не нужно об этом думать. Я хочу это сделать. Я бы с удовольствием переехала к тебе.

— Мы можем занять твою комнату, если...

— Нет. Эта комната больше. Я перееду сюда к тебе, а Кейт и Мигель могут занять мою комнату.

Джексон крепче сжимает меня в объятиях, на мгновение стиснув почти до синяков. Но все, что он говорит, это:

— Хорошо.

— Может быть, этой осенью, после того как весь сбор урожая будет закончен, мы сможем поработать над переоборудованием пары хозяйственных построек, чтобы сделать больше спален. Поскольку путешествовать стало безопаснее, мы, вероятно, сможем найти больше строительных материалов. Таким образом, больше людей смогут иметь отдельные комнаты, и у нас будет место для большего количества людей.

Джексон кивает.

— Да. Да, я как раз размышлял об этом. Думаю, что сейчас мы, вероятно, в достаточно хорошей форме, чтобы сделать это.

— Это то, чего стоит ждать с нетерпением.

— Да, — соглашается он. — Так и есть.

Я целую его еще раз, а потом встаю, чтобы пописать, и задуваю свечу. На этот раз, когда мы устраиваемся, я действительно думаю, что мы заснем.

Но Джексон удивляет меня, выпаливая в темноту:

— Я люблю тебя, Фэйт.

Я замираю.

— Ты ведь знаешь это, верно? — добавляет он, обнимая меня одной рукой.

— Я уже начала подозревать, — я нахожу его лицо и целую.

Это слово так долго казалось запретным. Опасным. Слишком рискованным. Но сейчас мне даже не нужно колебаться.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я.

Продолжение следует...